

№ 11

2011

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ



Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕН

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

- Д. Машурова.** Завещание матери. Семейная сага. Главы из книги
(окончание) **3**
- А. Лысенко.** Записка с того света. Рассказ **30**
- А. Найдёнов.** Оптовик. Рассказ **41**

Поэзия

- Г. Туманов.** «Звезда стрелой по небу пронеслась...». Стихи **23**
- Т. Нечаева.** «Навстречу вихрям солнечного света...». Стихи **36**
- А. Юсупов.** «Незримой нитью нас судьба связала...». Стихи **44**
- П. Власов.** «Вдруг обрести протянутую руку...». Стихи **80**

Документальная проза

- Ю. Поминов.** Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга третья (продолжение) **47**

Культура. Общество. Личность

100-летию Касыма Аманжолова

В. Могильницкий. Память о нём не меркнет 86

Поэтический венок

Р. Артемьева. Одетая в печаль недолгих ливней 95

И. Потахина. «Растаял ангел со свечой в руке...» 96

Критика и литературоведение

Л. Мартынова. Ангел, бабочка и некто с кожистым крылом 102

Искусство

Т. Челнокова. За калиткой цветущего сада 109

На житейских перекрёстках

А. Бекбосын. Вагонная повесть, или Неспетая песня любви.

Повесть 112

Горизонты духовности

Р. Махатадзе. Мудрословия. *Максимы* 134

В семейном кругу

А. Ахетов. Аяз-би. *Поэма* 147

Краеведение

Ю. Попов. Из степей Казахстана на берега Невы 161

Сатира и юмор

Н. Тихонов. Сказка о короле и министре 188

На первой и четвёртой страницах обложки — иллюстрации к материалу «За калиткой цветущего сада».

К сведению читателей

В августе 2011 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили около трёх тысяч читателей из 14 стран. Полторы тысячи из них — жители Казахстана, около тысячи — россияне. Остальные представляют Украину, Германию, США, Исландию, Белоруссию, Польшу, Литву, Армению, Израиль, Чехию, Азербайджан, Канаду.



Дурням МАШУРОВА

Завещание матери

Семейная сага

Перевод с уйгурского Анвара Машурова и Давида Машури

Главы из книги

В далёкой загранице

В последнее время Мехрибан постоянно думала о книге, которую начала писать. Перед её мысленным взором проходили детство, тяжёлая судьба родителей, горечь бедности. От этих воспоминаний сон убегал прочь. Каждый вечер она устраивалась на кухне и переносила свои мысли на бумагу. Зимними вечерами приходила Рукиям кичик-апа. Её рассказы Мехрибан слушала с огромным интересом и потом спешила записать услышанное. Иногда она читала племяннице Розе отрывки, следила за её реакцией, прислушивалась к замечаниям. Писательский процесс настолько увлёк Мехрибан, что ей уже было некогда оплакивать Сеитжана. С каждым днём она чувствовала себя всё лучше, а стопка испи-санных листов становилась всё толще. Наконец, книга была завершена.



Не имея возможности её издать, Мехрибан завернула рукопись и положила её в сундук. Там роман пролежал пять лет. Хотя её книга и не увидела свет, Мехрибан чувствовала лёгкость и радость, словно выполнила долг перед памятью светлых матерей. Однажды ранним летним утром дверь дома открылась и на пороге появилась Самия. Мать и дочь обнялись, заплакали. Они смотрели друг на друга и снова обнимались.

– Доченька, я тебя не видела пять лет. Зачем ты уехала так далеко? – спросила Мехрибан.

– Апа, не плачь, за это время я узнала много нового, научилась крепко стоять на ногах, – отвечала дочь, счастливо улыбаясь сквозь слёзы.

Из соседней комнаты вышла заспанная Роза, обрадованно поздоровалась с Самией. Самия прошла по квартире. За пять лет ничего не изменилось.

Спустя полчаса все сидели за столом, ели мамины блинчики и разговаривали об Америке.

– Апа, вот это – Полат-ака и Фарида-хада, а это – их дочь Халида, – показывала Самия фотографии своих друзей. – А вот здесь – студенты-американцы, которые учатся со мной. В этом доме я живу.

– Какой красивый дом! – в один голос воскликнули Мехрибан и Роза.

Самия, показывая одну за другой фотографии живописных мест Лос-Анджелеса, долго рассказывала о жизни на далёком континенте. У Розы в глазах зажгётся интерес.



– Самия-хада, какая ты счастливая. Живёшь в прекрасном городе, освоила новую страну, нашла там друзей. Какая у тебя интересная жизнь! Мехрибан слушала эти слова не без гордости.

– Не зря отец её называл «девочка-джигит». – Она вновь обняла дочку.

– В Америке трудно сразу чего-нибудь добиться, – заметила Самия. – Первое время я ужасно скучала по алматинской жизни. Город казался чужим. Приезжих там очень много. Все ищут работу. Вначале пришлось подрабатывать где придётся. Я даже была официанткой. Тяжёлый у них труд: на ногах до тех пор, пока не уйдёт последний посетитель. Иной раз случалось заканчивать работу в час ночи. Вторая моя работа – раз в неделю делать уборку в чьём-нибудь доме.

Мехрибан, услышав это, опять прослезилась.

– Получается, ты уехала за границу, чтобы стать домработницей и официанткой, да?

– Апа, там люди довольны даже тем, что подметают улицы, – улыбнулась Самия и продолжила: – Потом я окончила курсы водителей, получила права и купила машину в кредит.

– Так ты теперь водишь машину? – изумилась Роза.

– Да, езжу на ней в колледж Санта-Моники. Немного погода мне предложили работу ассистентом педагога. Сейчас наши студенты на каникулах, и я взяла отдых на десять дней. Хочу забрать маму с собой.

– А почему такой короткий отпуск? – удивилась мать.

– У них никто не отдыхает целый месяц, как у нас. Не принято.

Мать видела, как изменилась дочь. В её словах и жестах чувствовалась решительность и уверенность в себе.

На следующее утро Самия повела мать в американское посольство. Они заняли очередь. Людей вызывали по фамилиям, пропускали в здание по одному. Когда вызвали Мехрибан, Самия вошла вместе с ней. В кабинете женщина средних лет предложила им сесть. Самия довольно долго разговаривала с этой женщиной по-английски. Наконец, служащая посольства, просмотрев документы Мехрибан, спросила:

– Вы раньше были в США?

– Нет, я никогда не была за границей.

– С какой целью вы едете в США?

– Моя дочь хочет показать мне Америку.

– У вас есть желание остаться в Америке?

– Нет, я вернусь в родной край.

– Кто у вас здесь остаётся?

– Брат, две сестры и родственники.

– Есть ли у вас жильё в Алматы?

– Да, есть двухкомнатная квартира. И, кроме того, я работаю.

– Хорошо, – кивнула женщина, подписала бумаги и открыла визу в паспорте Мехрибан. – Вам разрешается въехать в США, – протянула она паспорт.

– Апа, ты обратила внимание, какие тебе задавались вопросы? – спросила Самия, когда они покинули посольство. – Они предупреждают людей, чтобы те не оставались в Америке.



— Да, я поняла.

Когда они вернулись домой, Самия, полистав записную книжку, сказала:

— Апа, давай, не теряя времени, съездим в Жаркент, навестим родственников и посетим могилу отца.

— Доченька, может, сегодня вечером попрощаемся с Рукиям-аной?

— Хорошо. Дождёмся Розу и навестим Рукиям-ану вместе. Я захвачу подарки, – согласилась Самия.

Вечером Рукиям-ана с дочкой Нуранией встречали гостей за накрытым столом. Рукиям-ана очень постарела: годы согнули её, она стала совсем седой и морщинистой. И всё же платье свободного покроя и белоснежный платок были ей, как всегда, к лицу.

— А ну-ка, девушка-джигит, окрепшая на волнах жизни, покажись! – воскликнула старушка и поцеловала внучку в лоб.

Когда они сели за стол, Самия обратилась к Рукиям.

— Ана, я познакомилась с хорошими людьми, благодаря номеру телефона, что вы мне дали. Полат-ака и Фарида-хада мне очень помогли. Теперь они мне как родные.

И она рассказала родным о том, как прожила в Америке эти пять лет.

— Говорят, «без муки нет блаженства», – выслушав её, заметила Рукиям-ана. – Тебе, конечно, пришлось несладко. Зато теперь у тебя есть дом, работа, машина. Это награда за трудолюбие и бесстрашие.

— Ты говоришь, что хочешь продолжить учиться, а когда же выйдешь замуж? – вдруг спросила Нурания.

Мехрибан поддержала Нуранию.

— Если бы ты нашла свою половинку, я была бы спокойна.

— Сейчас я даже и не думаю об этом, – ответила Самия. – Усиленно готовлюсь к университету. Это – моя главная цель. К тому же я ещё не встретила парня, который бы мне понравился, – призналась она и рассмеялась.

Было заметно, что Розе тоже хочется за границу.

— Самия-хада, ты бы смогла мне помочь поехать в Америку? – спросила она. – Я очень хочу учиться там.

— В Лос-Анджелесе я встретила студентов из Казахстана. Они учились при поддержке государственного фонда Президента и программы «Болашак». Постарайся попасть в эту программу. Если не получится, я поговорю с Полат-ака и постараюсь достать тебе студенческую визу.

— Рукиям-ана, Самия хочет показать мне Америку, – сказала Мехрибан. – Эта девушка-джигит, оказывается, приехала всего-то на десять дней, чтобы меня забрать в гости.

— Говорят: пока видят глаза, посмотри города. Поезжай, узнай новый для себя мир. Увидеть хорошее, разве это плохо? Сколько ты там проведешь?

— От силы шесть месяцев.

— Поезжай, развлекись. А мои глаза стали плохо видеть, – пожаловалась старшая мать. – Всю жизнь проработала портнихой, теперь пожинаю плоды.

Нурания, засмеявшись, сказала:

— Апа, ты ещё бодрая. Не пугай людей, собравшихся в далёкий путь.



— «Где есть жизнь, там есть и смерть», – проговорила старушка. – Я уже своё отжила. Теперь ваша очередь. Посмотрите красивые города, а за меня не беспокойтесь, – добавила она.

Наутро Самия вместе с матерью поехали в Жаркент. Провели там два дня, всех повидали, побывали на могиле отца и вернулись обратно.

Десять дней пролетели мгновенно. Мехрибан, никогда и никуда далеко не выезжавшая, впервые оказалась в самолёте. Самия посадила мать к иллюминатору. Сама села рядом, показала, как пристегнуть ремень. Объявили о готовности самолёта к полёту, следом послышался набирающий силу гул двигателей. Мехрибан, прошептав начальную строку молитвы: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!» – посмотрела в иллюминатор. Самолёт, чуть покачивая серебристым крылом, поднимался всё выше и выше.

Когда самолёт набрал высоту, приветливые стюардессы начали предлагать пассажирам ланч. Мехрибан выбрала курицу с рисом, а Самия – рыбу с картофелем-фри. Стюардесса поставила перед ними подносы, на которых кроме основного блюда были булочки, похожие на пряники, и сахар к чаю.

Когда Мехрибан взяла в руки булочку, ей вспомнилась одна история из прошлого.

— После четвёртого класса мы на летних каникулах работали в колхозе. Меня с подружкой Риммой за то, что мы хорошо поработали, отправили в межколхозный пионерский лагерь. Он находился в красивом месте возле небольшой речки. Мы жили в больших палатках. В лагере нас кормили три раза в день, а в четыре часа давали пряник и чай. Я пряники не ела, а собирала в мешочек. А так как в лагере мы отдыхали двадцать четыре дня, то и пряников я собрала двадцать четыре штуки. Вернувшись домой, я с загадочным видом выложила все пряники на один поднос, который поставила на стол. Все радостно схватили по прянику, но те оказались твёрдыми, как камень. Я заплакала. Мама, обняв меня, сказала: «Моя дорогая доченька! Ты себя обделила, чтобы нас угостить. Не печалься. Давайте обмакивать пионерские пряники в чай, чтобы они размягчились». Мы так и сделали. Ох и вкусные были эти пряники! Я сидела рядом с отцом и видела, с каким удовольствием едят братишки. Слёзы мои быстро высохли.

— В вашем селе пряники не продавали? – удивилась Самия.

— Может, и продавали, да у моих родителей не было на них денег.

— Апа, ты, оказывается, и в детстве была заботливая. Недаром тебе дали имя Мехрибан, – Самия ласково посмотрела на мать.

Закончив еду, мать и дочь откинули спинки кресел и укрылись тонкими, но тёплыми одеялами.

Мысли Мехрибан обратились к Сеитжану: «Каким же молодым он ушёл из жизни. Был бы жив, летели бы мы все вместе. Но что поделаешь? Этот мир несправедлив», – она посмотрела на дочь. Самия сладко спала.

После девяти часов полёта самолёт приземлился в Амстердаме. Они прождали ещё шесть часов в аэропорту, а потом сели в самолёт, направлявшийся в Лос-Анджелес. И летели ещё семь часов. В аэропорту уставшая от долгой дороги Мехрибан поняла, что дочь её и в самом деле уехала



жить на край света.

На таможне Самия, предъявив документы, попросила разрешения для матери прожить в Америке шесть месяцев. Разрешение было дано, штамп в паспорт поставлен. Женщины сели в такси и поехали к Самие домой. Мехрибан удивилась, какими широкими и прямыми были улицы города. Вдоль тротуаров тянулись деревья и клумбы, за ними возвышались высотные дома удивительной архитектуры. Машина остановилась в местечке под названием «Park La Brea». Там, возле двенадцатизэтажных домов, и жила в таунхаузе Самия. Мехрибан глаз не могла оторвать от живописных деревьев, кустов и пышных цветников. Мать и дочь, подняв чемоданы, вошли в дом. Мехрибан внимательно оглядела квартиру.

— Как у тебя всё блестит! Очень красиво и чисто.

Самия познакомила мать с расположением комнат.

— Апа, это – столовая, а здесь – можно покушать и посмотреть телевизор. Наверху только одна комната – спальня, – и дочь повела её на второй этаж.

— Ты же говорила, что живёшь в однокомнатной квартире? – удивилась мать.

— Да, здесь считают количество комнат по количеству спален.

Поднявшись на второй этаж, они сели на большую деревянную кровать. В спальне было полно света. Самия открыла шкаф, встроенный в стену.

— Это – шкаф для одежды. За дверью – ванна и туалет.

И там всё было чисто, стены сверкали белизной.

Мехрибан, осмотрев квартиру, вынесла вердикт:

— Если не считать дальность проживания, ты, доченька, живёшь в раю. И в этом твоя удача.

— Апа, умойся, отдохни, а я съезжу в магазин и куплю продукты. Потом ужинать будем, – сказала Самия и спустилась вниз.

Оставшись одна, Мехрибан рассмотрела фотографии на стене. На одной из них Самия, улыбаясь, сидела между отцом и матерью. На другой Сеитжан с дочерью купались в Усеке. А вот Самия стоит вместе с родителями перед жаркентской мечетью. Ещё была фотография, на которой Сеитжан в белом халате прослушивает больного. Мехрибан, вздохнув, пошла принимать душ.

За ранним ужином Самия пообещала матери показать окрестности.

— Здесь у людей очень мало свободного времени. Встречаются друг с другом только в выходные дни. Сейчас на улице жарко. Дождёмся ночной прохлады и пойдём на прогулку, – сказала она.

Когда опустилась сумерки и на улицах зажглись фонари, Самия с матерью вышли в ночной город.

— В одном из этих домов на первом этаже бесплатно обучают английскому языку эмигрантов. Там учатся и старые, и молодые. День-другой отдохни, а потом я тебя туда отведу. Это совсем рядом с нашим домом.

— А зачем мне английский язык, ведь я через полгода уеду, – удивилась Мехрибан.

— Апа, меня не будет дома с утра и до самого вечера. Ты научишься



языку и станешь общаться с женщинами. Разве это плохо?

— Брось, доченька, эту затею. Я же ни одной английской буквы не знаю.

— Студенты этого класса вначале учат алфавит, потом начинают писать и говорить. Я уверена, что тебе понравится учиться, – дочь обняла Мехрибан.

Затем, взяв её под руку, повела к фонтану. Вокруг него на красивых скамейках сидели пожилые люди. Кто-то читал газеты, другие беседовали между собой. Самия и Мехрибан тоже немного посидели на скамье, потом встали и отправились дальше.

— Вот в этом доме на шестом этаже живёт Фарида-хада. Это очень большой комплекс. Он огорожен железной решёткой. Когда я буду на работе, можешь внутри этого комплекса прогуливаться. Но только не уходи далеко. Пусть твоим ориентиром станет фонтан, – сказала Самия.

Цветов вокруг домов было много.

— А эти цветы никто не рвёт?

— Если сорвёт, заплатит штраф, – усмехнулась Самия.

Она подвела мать к зданию, где проходили бесплатные языковые курсы.

— Апа, ты будешь приходить сюда пять раз в неделю и учиться по два часа.

Мехрибан обиделась.

— Самия, не мучай меня, не заставляй учиться.

— Мапочка, не противься! Будешь знать язык, будешь свободно жить за границей, – сказала дочь твёрдо.

Погуляв ещё час, они вернулись домой. В квартире работал кондиционер, и эта прохлада была очень приятной после уличной жары.

Через два дня Самия привела мать в языковой класс. Там сидели люди разных национальностей и возрастов. Самия подошла к педагогу.

— Моя мама приехала из Казахстана. Она не знает английский язык и очень волнуется. Я надеюсь, что вы ей поможете. Хочется, чтобы она нашла себе новых друзей.

Учительница приветливо улыбнулась.

— Меня зовут Нэнси, – сказала она и протянула руку новой ученице.

– What is your name?

Мехрибан пожала протянутую руку и беспомощно обернулась к дочери.

— Апа, она спрашивает твоё имя.

— Мехрибан.

Нэнси усадила Мехрибан за первую парту и обратилась к классу:

— К нам пришла новая ученица, её зовут Мехрибан. Она приехала из Казахстана. Давайте поможем ей.

Самия тихо вышла из класса. Мехрибан открыла тетрадь и прочертила вертикальную линию, разделив лист на две части. На одной стороне она старательно выводила английские буквы, которые учительница написала на доске. На второй половине записывала, как они читаются. Двух-часовой урок прошёл быстро. Мехрибан, ни с кем не знакомясь, незаметно вышла. Придя домой, она открыла тетрадь и начала повторять названия букв. Это заняло довольно много времени.

— Господи, совсем не думала, что в пятьдесят семь лет буду изучать



английский язык, – засмеялась она и посмотрела на себя в зеркало.

В выходной день Самия решила показать Мехрибан сад в «Библиотеке Хантингтона», что находится в городе Пасадина.

— И далеко этот город? – спросила мать.

— Доедем за полчаса. Человеку, вошедшему в этот сад, не хочется выходить оттуда. Когда увидишь, сама поймёшь, почему.

На машине они действительно добрались до Пасадины за полчаса. Оставили машину на автостоянке и подошли к большим воротам, на которых красовалась надпись «Huntington Library». Самия, купив билеты, повела мать в сад. Там благоухали красные, жёлтые, голубые цветы. Аромат был сильным и оживляющим. Мехрибан среди множества разнообразных растений нашла те, которые росли у них в селе.

— Апа, хочешь, я тебе расскажу немного о саде? В нём растёт четырнадцать тысяч растений со всех континентов. Есть, например, «Японский сад». Для пустынных растений создан «Пустынный сад». Сейчас мы с тобой видим кактусы, которые растут в засушливых зонах, – объяснила Самия, прочитав название растений, написанных на дощечке.

Кактусы имели самые удивительные формы. Многие из них цвели крупными яркими цветами. Алоэ были высокими, как деревья.

— Апа, встань рядом с теми цветущими красавцами, я тебя сфотографирую, – попросила Самия и сделала несколько снимков.

В саду гуляло множество посетителей. Люди рассматривали растения, фотографировались, тихо переговаривались, прохаживаясь среди зелени. В самом центре сада в пруду плавали утки с утятами. В другом водоёме приковывали людские взоры изумительные белые, жёлтые и даже красные водяные лилии.

— Апа, эти цветы называются кувшинками. А сейчас мы приближаемся к «Японскому саду», – предупредила Самия.

В саду стояли деревянные японские домики, вокруг которых росли высокие цветущие деревья. Земля была густо усыпана нежными лепестками. В ручье журчала чистая вода. С маленького мостика можно было увидеть шустро плавающих красных карпов. Красоту вокруг невозможно было описать. Это был настоящий кусочек рая.

— Мы в «Саду Шекспира», – объявила дочь, указав вперёд на ярко-красные, будто светящиеся изнутри, розы.

Входом в этот сад служил арочный туннель, железные прутья которого были с обеих сторон увиты вьющимися красными и белыми розами. Туннель из роз источал тонкий, нежный, волнующий аромат. Пройдя туннель, мать и дочь оказались в пальмовом саду.

— Сейчас мы пройдем по картинной галерее. Увидим древние полотна, созданные несколько веков назад, – сказала Самия, ведя мать за руку.

Мехрибан, глядя на картины, живо представила себя среди тех людей, что были на них изображены. От такого творческого напряжения у неё даже разболелась голова.

— Самия, выведи меня наружу, что-то мне не по себе, – попросила она.

Выйдя из галереи, они присели на скамейку. Самия предложила матери выпить воды и начала растирать ей руки.



— Апа, может, примешь лекарство? Ты что-то побледнела.

— Не бойся, доченька, сейчас всё пройдет. Мне показалось, будто меня окружили духи, – ответила Мехрибан и выпила воды.

— Апа, может, домой поедем?

— Мы осмотрели всё, что ты хотела показать?

— Да. Осталась сама библиотека. В ней собрано больше миллиона редких книг.

— Хантингтон, наверное, был очень богатым человеком? – поинтересовалась Мехрибан.

— Да, он был известным коммерсантом. Разъезжая по всему миру, набрал множество экземпляров деревьев и цветов. Основал этот удивительный сад. Ещё он приобретал знаменитые картины великих художников, которые ты только что видела в художественной галерее. И, конечно, находил и выкупал редчайшие в мире книги. Так он основал свою библиотеку. Хантингтон открыл сад в 1919 году. С тех пор этот рай процветает и привлекает миллионы туристов.

Мехрибан, услышав эту историю, поделилась с дочерью своими впечатлениями.

— Человек, оставивший после себя такое наследие, был не только богатым, но и очень мудрым. То, что сделал Хантингтон, его великодушие – это пример для потомков, – серьёзно и даже торжественно произнесла она.

Они ещё долго сидели на скамейке, слушали пение птиц.

— Чтобы осознавать эту красоту, надо иметь не только глаза, но и сердце, – заметила Мехрибан.

Пришло время возвращаться домой. Мехрибан, прежде чем выйти за ворота, ещё раз оглянулась на сад. Ей было жаль покидать этот восхитительный уголок.

— Когда я первый раз пришла сюда с Халидой, у меня появилась мечта показать тебе эту красоту. Сегодня моя мечта сбылась.

На следующий день Самия повела мать к океану. День стоял жаркий, на берегу и в воде было многолюдно. Люди плавали, загорали целыми семьями. Дети, молодёжь, старики – все они составляли людское море. Яблоку было негде упасть! Удивительно, но вокруг царил чистота. После еды люди, собрав остатки пищи, бросали их в специальные мусорные контейнеры. «Значит, это правда, что здесь исполняют законы на сто процентов», – подумала Мехрибан.

— Апа, это побережье Тихого океана, – Самия указала на волнующуюся водную поверхность.

Потом она разделась, вошла в воду и довольно далеко заплывала.

Мехрибан, наблюдая за дочерью, вспомнила, как однажды Сеитжан с Самией купались в речке Усек. Сама Мехрибан плавать не умела, и Сеитжан напрасно пытался её научить. Она даже в воду заходить боялась. И сейчас, стоя на берегу Тихого океана, за тысячи километров от родного дома, женщина вспомнила эти милые сердцу события. Никогда не вернутся счастливые дни.

После экскурсии к океану Самия показала матери колледж, в котором она училась и работала. На ярко-зелёной лужайке около колледжа



сидели студенты. Одни беседовали между собой, другие обедали, третьи читали книги. Осмотрев окрестности, мать и дочь снова сели в машину.

— Апа, мы прибыли в Санта-Монику. Не пройдись ли нам по магазинам? – весело спросила Самия.

Они остановились у стоявших в ряд крупных и мелких торговых центров.

— Здесь есть всё, что душе угодно, – сказала Самия, увлекая мать внутрь.

И действительно, магазин был полон самых разных вещей и предметов. Приветливые продавщицы то и дело предлагали свою помощь.

— Апа, я возьму тебе пару брюк и пару тонких летних кофточек.

— Ой, да как же я брюки-то надену? – растерялась Мехрибан.

— Посмотри, какие они тоненькие, лёгкие. По такой жаре в тёплом платье ходить невозможно, – ответила девушка решительно и купила лёгкие летние вещи.

Путешествуя по магазинам, мать и дочь проголодались и пообедали там же, в китайском ресторане. Вокруг сидели люди разных национальностей.

— Доченька, я горжусь тобой. Ты в таком большом городе, среди тысяч людей нашла своё место. Но как бы ни была хороша эта страна, для тебя она чужая. Разве ты не скучаешь по родному языку, по нашим песням, музыке, свадьбам, по родным?

— Апа, в этой стране я живу свободно. Здесь никто не спрашивает, какой ты нации, не смотрит, какого цвета твоя кожа. Здесь настоящая свобода для личности.

— Ты изменилась за эти пять лет. Недаром старшие говорят: чтобы дитя не отдалилось, не отпускай его слишком далеко. Так и есть.

— Мамочка, сейчас другое время, и мы живём по-другому. Хотим независимо и крепко стоять на своих ногах. Ни к кому не ходим, не плачемся, не просим помощи. Жизнь научила нас этому.

— А ты не мысли коротко, – мать посмотрела дочери в глаза. – Как говорится, от болезней и бед никто не застрахован. Как ты будешь одна?

— Апа, прошу тебя, давай закроем эту тему, – сказала Самия и попросила у официантки счёт.

На обратном пути они ехали молча. Каждая думала о своём. Вечером ждали гостей, поэтому, приехав, дружно занялись приготовлением ужина.

Гости, Полат и Фарида, оказались одного возраста с Мехрибан и легко нашли с ней общий язык. Мехрибан поставила на стол большое блюдо с мантами, сопровождая это уважительными словами: «пожалуйста, отведайте».

Полат буквально забросал казахстанскую гостью вопросами о самой стране, уйгурской диаспоре. Мехрибан отвечала подробно, с удовольствием.

— Казахстан стал независимым в 1991 году. За десять лет у нас произошли большие изменения. По инициативе президента Казахстана Нурсултана Назарбаева столицу государства из Алматы перенесли в Астану. В новой столице строятся уникальные современные здания. Астана год от года хорошеет. У нас живут люди более 130 национальностей. Среди них и мы, уйгуры, со своим языком, своими обычаями, песнями и танцами. Работает Уйгурский драматический театр, выпускается газета «Уйгур Авази», есть школы, в которых преподают на уйгурском языке. Живём дружно,



развиваемся вместе со страной.

Мехрибан также рассказала об Алахан, сестре Полата, и её встрече с Рукиям-аной. И, конечно, мать от души поблагодарила супругов за то, что они относятся к её дочери так сердечно, что они в первые дни пребывания помогли Самие и поддержали её.

— У вашей дочери есть сильный внутренний стержень. Она приехала сюда с целью получить знания. Девочка она смелая, трудностей не боится. Скоро получит паспорт гражданина США. Мечтает поступить в университет UCLA¹.

Мехрибан почувствовала гордость, услышав такое мнение о своей дочери от учёного. Гости ещё долго беседовали с хозяевами. Наконец, глянув на часы, супруги поднялись и пошли к выходу. Фарида пригласила Самию и Мехрибан в гости. На том и попрощались.

Следующим утром Самия ушла на работу. Мехрибан, прибрав в доме, взяла тетрадь, ручку и пошла учиться английскому языку. За неделю она выучила весь алфавит и запомнила несколько слов. Теперь у неё появился интерес к языку.

Приходя в класс, студенты языкового курса говорили друг другу: «Good morning!». А после уроков прощались со словами: «Good bye!». Ещё через десять дней Мехрибан знала уже больше пятидесяти слов. Самия была рада достижениям матери.

Как-то вечером Мехрибан вдруг ощутила приступ тоски по родным местам. Ей стало тесно в квартире, и она поспешно вышла на улицу.

Задумчиво вышагивая по дорожкам внутри жилого комплекса, она не сразу заметила, что ушла слишком далеко. Места были незнакомые. Женщина испугалась и в отчаянье стала озираться по сторонам. Увидела группу индийцев, игравших в волейбол. Рядом на скамейках сидели их жёны с детьми. Мехрибан быстро подошла к ним и по-английски спросила, в какой стороне находится улица с фонтаном. Индианки, не понимая по-английски ни слова, лодочкой сложили ладони перед собой и отрицательно помотали головами. Заметив, что невдалеке со своими детьми прогуливаются китайки, Мехрибан бросилась к ним. Они что-то залопотали в ответ, всячески показывая, что не понимают её. Между тем сумерки сгущались, уже зажглись фонари. Мехрибан испугалась всерьёз. Она стояла совершенно потерянная, не имея понятия, куда направиться. Мимо пробежал парень в белой кепке, белой майке и белых шортах, да ещё и в белых кроссовках на ногах. Мехрибан преградила ему путь и громко, отчётливо спросила:

— Where is the fountain?

На всякий случай к вопросу она подключила язык жестов, показывая руками, как фонтанирует вода.

— Water, water! – почти кричала женщина, умоляюще глядя в глаза бегуну.

¹UCLA – University of California, Los Angeles, Калифорнийский университет Лос-Анджелеса.



Парень, увидев, что Мехрибан сильно испугана, отвел её на дальнюю улицу и показал дорогу. Мехрибан, надеясь, что он правильно понял вопрос, благодарно улыбнулась, прижав руку к сердцу.

— Thank you! – произнесла она своему спасителю и поспешила домой.

Она так быстро шла, что сердце её колотилось. Войдя в квартиру, Мехрибан расплакалась. Часы показывали, что дочь скоро возвратится с работы. Умывшись холодной водой, мать стала разогревать ужин. Пришла Самия. Заметив покрасневшие глаза матери, спросила:

— Апа, что случилось?

Мехрибан рассказала о своём приключении. Теперь происшествие уже не казалось таким страшным. Дочь, слушая рассказ, весело хохотала.

— Вот видишь, мама, какая польза от того, что ты учишь английский язык, – вытирая слёзы от смеха, сказала она. – Ты всё-таки нашла свой дом. Я тобой горжусь! – и девушка поцеловала мать.

— Мне обидно, что я, как маленькая девочка, заблудилась в чужой стране. На родной земле этого бы не произошло, – ответила Мехрибан со слезами на глазах.

— Прошёл всего месяц, а ты уже соскучилась по родным? – ласково спросила дочь.

— Да, соскучилась. Мне здесь трудно. Хочу с кем-нибудь поговорить, а получается как у заики. На старости лет учиться чужому языку – что это за жизнь?

— Апа, из-за того, что ты один раз заблудилась, глупо возвращаться. Ты думаешь, мне было легко привыкать к чужой стране? Я всё вытерпела, не паниковала, шла к своей цели, как могла. Сейчас у меня есть работа, дом и машина, но надо продолжать учёбу.

— Разве тебе не хватает тех знаний, что ты получила в Алматы? Разве не пришло время выйти замуж, родить ребёнка, создать свой дом? – воскликнула Мехрибан.

— За эти пять лет я пока ничего не достигла, – с грустью ответила Самия. – Я думала, что ты будешь для меня поддержкой, а ты сразу сдаёшься. Я уверена, что отец бы меня поддержал, – обида звучала в словах девушки.

— Доченька, я это сказала, думая, что на родине тебе будет легче, – примирительно ответила мать.

— Апа, каждый сам выбирает свою дорогу. Я выбрала не самую лёгкую дорогу, но я с неё не сверну.

— Ладно, доченька, тебе виднее. Если у тебя такое стремление к знаниям, я его уважаю, – она поцеловала Самию в лоб.

— Когда я получу диплом, тогда и решим, где я буду работать и жить.

Однажды, когда Мехрибан возвращалась домой с занятий, она услышала, как две женщины, сидевшие на скамейке, говорят по-русски. Она так обрадовалась, словно встретила родственников. Немедленно подошла к ним и спросила:

— Вы из России?

— Да, мы из Ленинграда, – ответила пожилая женщина с тростью в руках.

— А я из Казахстана. Меня зовут Мехрибан.



— Меня зовут София, – представилась пожилая дама.

— А я – Дина, – сказала её собеседница, сгорбленная старушка в очках. Они втроем, словно старые знакомые, разговорились.

— Мы живём в Америке уже двенадцать лет, – сказала София. – Нас приехало четыре семьи. Дина – сестра моего мужа.

— За двенадцать лет вы, наверное, уже привыкли?

— Привыкли, конечно, но всё равно скучаем по родине, – вздохнула Дина.

— Постоянно вспоминаем Ленинград, своё детство, иногда и поплачем, – улыбнулась София. – Но как же вы здесь оказались?

Мехрибан рассказала им о кончине мужа и о том, что она приехала в эту страну в гости к дочери.

— Ты, как и мы, одинока, – понимающе покачала головой София. – Наши мужья тоже умерли, и мы с Диной остались одни.

Начиная с того дня Мехрибан, возвращаясь с уроков, подсаживалась к двум новым знакомым, и они часами беседовали. Однажды София рассказала о своём детстве.

— Мои родители и сестра погибли. Я осталась одна. Ночевать дома боялась. Спасибо соседям, дедушке Васе и бабушке Гале. Они позвали меня к себе. В период блокады люди в Ленинграде умирали от голода и холода. У моих соседей оказалась в запасе большая бутылка рыбьего жира. Дед Вася, баба Галя и я каждый день выпивали по ложке этого жира. Но смерть от истощения всё равно настигла моих стариков. Мы были худыми, как скелеты. От голода сильно клонило в сон. Вот так заснула и больше не проснулась баба Галя. Дедушка Вася перед смертью дал мне бутылку с остатками жира и сказал: «Много жира не пей. Каждый день выпивай только по одной ложке». Закрыл глаза и умер. Я опять осталась одна. С божьей помощью и с помощью рыбьего жира осталась жива. Десятки лет прошли с тех пор, а я всё помню, – закончила она свой рассказ.

— В годы войны везде были голод и нищета. Нам тоже пришлось несладко, – задумчиво произнесла Мехрибан.

Постепенно привыкая к местному быту, Мехрибан каждый день рассказывала дочери что-то новое. Она подружилась с одноклассниками: турчанкой Фатмой, японкой Мими, индианкой Индирой и несколькими корейнками. Иммигрантки, оторванные от своей родины, быстро сблизились. Самия была рада, что её мать общается с другими, улучшает свой разговорный английский.

Как-то вечером, когда Самия вместе с матерью прогуливались возле дома, они услышали, как у одной молодой женщины, игравшей в мяч с дочкой, нет-нет да проскальзывают русские слова.

Самия подошла к женщине и поговорила с ней по-английски, а потом познакомилась с ней Мехрибан.

— Апа, она – наша землячка, – обрадованно сказала дочь, – и жила на Первой Алма-Ате.

— И мы из Алматы! – обрадовалась Мехрибан.

— Меня зовут Алия. В Алма-Ате я окончила институт иностранных языков. Познакомилась с американцем по имени Генри и вышла за него замуж. Уже девять лет как я здесь живу. У нас двое детей: сыну девять лет,



а дочке, Айе, три года. Хочу выйти на работу, но не могу найти няню для дочери.

Они, поговорив некоторое время, разошлись.

На следующий день, 11-го сентября утром, после того как Самия ушла на работу, Мехрибан прибрала в доме и включила телевизор. Везде транслировалось одно и то же: как в две высотные башни с небольшим интервалом врезались два самолёта. Затем эти небоскрёбы рушились, подняв тучи пыли. Обезумевшие от ужаса люди, что-то выкрикивая, разбегались во все стороны. Кроме слов «Нью-Йорк, 11-го сентября», которые всё время повторяли, Мехрибан ничего не поняла. Поэтому она подумала, что это эпизод из фильма, который снимают в этом районе.

Через некоторое время вернулась Самия. В её глазах был страх. Самия, бросив взгляд на телеэкран, сказала дрожащим голосом:

— Апа, кажется, началась война.

— Что ты такое говоришь, доченька? – растерялась Мехрибан.

— Ты же видела кадры: в Нью-Йорке террористы уничтожили башни-близнецы. Тысячи людей, находившиеся внутри, погибли! Из колледжа нас срочно отпустили по домам, и студентов, и учителей. Сегодня никто не работает.

— О, Аллах, что же теперь будет? Вернёмся-ка лучше домой, доченька, – взмолилась испуганная мать.

— Сегодня и завтра самолёты летать не будут. Как ты собираешься уехать?

По телевизору снова и снова показывали ужасные кадры. Мать и дочь не выходили из дома, боясь пропустить какую-либо вест, но новостей больше не поступало.

Когда опустилась ночь, все жители высотных домов собрались у фонтана. У каждого в руке была зажжённая свеча. Люди поставили свечи вокруг фонтана, поминая умерших, пожелали, чтобы на планете воцарился мир. Были среди них и Мехрибан с дочерью, и две бабушки-ленинградки, и Алия со своим мужем. Потом собравшиеся исполнили гимн Америки и постепенно разошлись.

Когда они зашли домой, Самия позвонила Полат-аке.

— Террористов ищут везде и всюду. Идёт тщательная проверка. Через день-другой всё встанет на свои места, – успокоил её Полат.

Но на свои места уже ничего не встало. Теперь американцы, пылая ненавистью к мусульманам, стали убивать их на улицах. В крупных городах Америки начались беспорядки. Об этом были телетрансляции: «Полицейские контролируют улицы, зачинщиков драк и беспорядков подвергают аресту». Власти призвали людей к спокойствию. Народ жил в страхе.

Мехрибан отметила про себя, что теперь и две россиянки относятся с ненавистью ко всему арабскому миру. Она высказала своё мнение: «Не стоит из-за четырёх террористов настраиваться враждебно ко всему народу».

В ноябре Мехрибан должна была вернуться домой, но после сентябрьских событий стала беспокоиться за дочь.

В один из осенних жарких дней, в воскресенье, Самия повела мать в так называемый «Китайский город». В этом месте были сосредоточены



банки, рестораны, множество магазинов и большой базар. Китайцы разговаривали друг с другом громко, выкрикивая слова на своём языке. Мехрибан удивилась их поведению: «Они ведут себя так, словно живут у себя в стране. Господи, я будто в Китай попала».

Самия кивнула на согбленных сморщенных старух.

— Апа, видишь, даже эти старые китайки бросили родные места, чтобы выучить своих детей и внуков и жить свободно, – улыбнулась она.

Мехрибан задумалась. Потом они зашли в один из ресторанов, пообедали и вечером приехали домой. Самия вела себя так, словно не могла чего-то высказать матери. И в конце концов она начала издали.

— Апа, помнишь, как после первого месяца жизни здесь ты расплакалась и захотела уехать обратно?

— Да, помню.

— Сейчас ты уже привыкла, разговариваешь по-английски, нашла себе друзей. Узнала обычаи, традиции и кухню других народов, не так ли?

— Да, так. Я своим подругам не раз готовила уйгурские блюда. Им нравилось.

— Поначалу ты не хотела носить брюки, а теперь их не снимаешь. Надеваешь красивые кофточки и выглядишь гораздо моложе. Ты уже начала привыкать к свободе. А теперь пришло время покинуть меня и друзей, – вздохнула дочь.

— А что же делать? Ты ведь со мной не вернёшься, привыкла к этой жизни, – в ответ вздохнула мать.

Из её глаз посыпались росинки слёз.

— Апа, тебе дали визу только на шесть месяцев, но если я напишу работникам Иммиграционной службы, они продлят гостевую визу ещё на шесть месяцев. Как ты на это смотришь?

— Если я здесь нужна, то, конечно, останусь. У тебя нет ни одной свободной минуты. Работаешь с воскресенья до воскресенья.

— Конечно, ты мне нужна. Когда я прихожу с работы и вижу, как ты с улыбкой выходишь ко мне навстречу, а в доме вкусно пахнет моими любимыми блюдами, я просто счастлива.

Мехрибан задумалась. Буквально на днях она звонила в Алматы. Поговорила с Рукиям-аной и Нуранией. Они сообщили, что дома все живы-здоровы. Значит, можно ещё остаться у дочери в гостях.

— Хорошо, доченька, если дадут разрешение, то я останусь ещё на полгода, – согласилась Мехрибан.

Самия подпрыгнула, как маленький ребёнок.

— Апа, ты – самая любящая мать на свете! – воскликнула она.

И как раз в это время по телевизору началась передача, посвящённая женщинам. Это был авторский проект афроамериканской журналистки Опри. Мехрибан смотрела передачу, не отрываясь, до самого конца. Самия, заметив интерес матери к телешоу, объяснила:

— Опра – известная журналистка и очень богатая женщина. Она приглашает самых известных артистов, писателей, художников, всех, кто сделал блестящую карьеру, и знакомит их с телезрителями. Она также покупает хорошие книги, знакомит зрителей с их авторами и дарит книги



тем, кто сидит в зале.

В душе у Мехрибан зародилась смутная надежда. Она вспомнила о рукописи, спрятанной в сундуке.

— Доченька, если мою книгу перевести на английский и отослать Опре, понравится ли она ей?

— Вполне возможно, — ответила Самия. — Американцы очень интересуются обычаями и традициями других народов. Сейчас я даю частные уроки английского языка пятерым китайским ребятишкам. Деньги, которые за это получаю, я соберу и отдам тебе, чтобы ты выпустила свою книгу.

Мехрибан стало жаль дочку.

— Ты учишься, работаешь и ещё занимаешься репетиторством. Доченька, пожалей себя.

— Апа, здесь не прожить, работая в одном месте. Я ещё молодая и здоровая. Когда окончу университет, буду работать на одном месте. Зарплата будет хорошая.

— Доченька, давай я тоже буду работать, чтобы заработать на издание книги. Но только куда меня возьмут? — задумалась она.

Когда Мехрибан говорила эти слова, у Самии зазвучал мобильный телефон. Звонила Алия.

— Я сейчас поговорю с мамой, а потом перезвоню вам, — ответила ей Самия.

— Что она говорит? — спросила мать.

— Апа, для тебя нашлась работа. Нужно пять раз в неделю, с двух до шести часов присматривать за дочкой Алией. Деньги будут платить еженедельно.

Мехрибан очень понравилось это предложение.

— Правду говорят: что у Бога попросишь, то он и даст. Чем просто так ходить, лучше за малышом присмотреть, — сказала она уверенно.

Итак, теперь Мехрибан до обеда занималась английским языком, а с двух часов до шести присматривала за трёхлетней Айей. Очень пригодился опыт работы в детском саду: они с девочкой не только играли на детской площадке, но и понемногу учились. Айя быстро привыкла к Мехрибан. Теперь у Мехрибан, как у настоящей американки, совсем не оставалось свободного времени.

За работой дни проходили быстро. Наступила зима. В Лос-Анджелесе зимой морозов нет, но часто идут дожди. Это, скорее, напоминает осень.

Между тем приближались Рождество и Новый год. Магазины, административные здания, кинотеатры украшались высокими пышными ёлками с игрушками, лентами и разноцветными мерцающими гирляндами. Самия, посадив в машину маму и Халиду, провезла их по самым красивым и богатым улицам Лос-Анджелеса. Потом, припарковав машину, они пешком прошли по улице Родео Драйв, вдоль которой располагались самые престижные бутики. В них продавались дорогая одежда, обувь, ювелирные и золотые изделия. Самия, указывая матери на витрины, пояснила:

— Апа, это очень дорогие магазины. Когда я окончу учёбу и поступлю на работу с хорошим окладом, я куплю тебе вещи из этих бутиков, а сейчас просто проведём экскурсию.



— Девочка моя, – улыбнулась Мехрибан. – Ну куда я пойду, нарядившись в эти фирменные вещи? Я родилась в далёкой деревне, в бедной семье. А сейчас запросто прогуливаюсь по богатым улицам Лос-Анджелеса. И это мне доставляет истинную радость.

— За все страдания, что ты перенесла, и то хорошее, что ты сделала людям, Бог наградил тебя этим счастьем, – убеждённо сказала Самия.

— Таких страдальцев, как я, на свете много.

— Сама же говоришь, что счастье даётся одному из тысячи. Ты и есть одна из этой тысячи.

Они обошли ещё много магазинов, потом пообедали в итальянском ресторане. Разговорившись, Халида рассказала, как трудно было их семье, когда они приехали в Америку.

— Родители не смогли найти работу по специальности. Мама устроилась домработницей. Я ей помогала. Заработанные деньги почти полностью уходили на оплату счетов. Продукты мы покупали в самых дешёвых магазинах. Я плакала от зависти к детям, которые ели мороженое и всякие лакомства.

Однажды маму наняли убирать раз в неделю в одном доме. Я, как обычно, пришла ей помогать. И столкнулась со своей одноклассницей. Это её родители наняли мою мать. Мне стало так стыдно, что я убежала в ванную и разрыдалась. Мама вошла следом и сказала: «Доченька, прости меня, я поставила тебя в неловкое положение». И заплакала вместе со мной. Когда мы уходили, мать моей одноклассницы отдельно вложила мне в руки купюру, чтобы я могла купить себе мороженое. На следующее утро я пришла в школу. Очень боялась, что одноклассница расскажет о моём позоре всем. Но она, как ни в чём не бывало, поздоровалась со мной. Я успокоилась. Мы с мамой больше не ходили убирать их дом.

— И вы тоже, оказывается, намучились, – заметила Мехрибан.

— Да, но сейчас у нас всё в порядке. Мы – граждане США. Давно привыкли к здешней жизни.

— Апа, я в марте тоже получу паспорт гражданки США. После этого тебе могут дать Грин-карту, – сказала Самия.

— А зачем мне она?

— С ней ты сможешь приехать в Америку когда захочешь. И виза будет не нужна.

— Ты думаешь, что я сюда ещё приеду?

— Конечно! Ты же мечтала пойти на шоу Опри, – засмеялась Самия. Халида, ничего не понимая, удивлённо посмотрела на Самию.

Девушка рассказала ей о рукописи матери и её мечте встретиться с Опррой.

— Если вы мечтаете, то обязательно встретитесь, – сказала Халида.

Наступила весна. 19 марта 2002 года в городе Помона штата Калифорния для получения американских паспортов собралось 700 человек. Вместе с ними в главном зале расселись их родственники. Мехрибан и Халида тоже присутствовали в зале. Представитель штата Калифорния, огласив причину этого собрания, передал слово судье. Судья потребовал, чтобы новые граждане дали клятву в том, что они будут строго исполнять



законы страны. После этого каждому новому гражданину Америки вручили документ. В тот день среди сотен людей разных национальностей, получивших свидетельства об американском гражданстве, была и уйгурская девушка Самия. Когда выдача документов завершилась, на сцену вышел певец и начал петь гимн США. Тысячи людей в зале, встав со своих мест, присоединились к нему, а потом долго и дружно аплодировали. На этом собрание закончилось. Люди покинули зал, полные радости и надежд.

Это было большим событием в жизни Самии. Мехрибан и Халида от всей души поздравили девушку. Полат и Фарида позвонили по мобильному телефону и пригласили мать и дочь вечером к себе домой, чтобы отметить эту радость.

Вскоре Самия отправила документы матери на получение Грин-карты. Сама же сдала экзамен GMAT, после которого можно было подать заявление на учёбу в университет в Лос-Анджелесе. К заявлению надо было приложить два эссе. Тем абитуриентам, которые сдали экзамен и выслали свои документы, домой приходит письмо с уведомлением о зачислении на учёбу.

Как только Самия получила письмо с сообщением о сдаче GMAT, она сразу послала своё заявление с двумя эссе в университет. Тема одного эссе была свободной. Самия написала о судьбе своих предков. И теперь ждала ответа. Вскоре Мехрибан пригласили на собеседование в Иммиграционную службу.

В назначенный день они добрались до главного офиса, пришли в указанный кабинет. Служащий, афроамериканец, посмотрев документы, задал Мехрибан несколько вопросов. Самия была переводчицей. После собеседования Мехрибан было нужно сфотографироваться для документа.

Они вышли из кабинета и увидели длинную очередь.

— Эти люди стоят, чтобы получить Грин-карту? — спросила Мехрибан.

— Да. Но тебе её пришлют по почте на мой адрес, — Самия облегчённо вздохнула. — Сегодня мы сделали очень большое дело.

Мехрибан поразились:

— Какое большое здание и как чисто внутри! Сотни людей стоят в очереди, но никто не толкается, не ругается друг с другом.

— Когда вернёшься в Алматы, расскажешь родственникам обо всём, что здесь видела, — засмеялась Самия.

— Конечно, буду им рассказывать, как сказку сказывать. Доченька, всё хорошее, что я здесь увидела, — это благодаря тебе. Жаль, отец не дожил до этого времени, — глаза Мехрибан наполнились слезами.

— Я сравниваю короткую жизнь отца с ярко горевшей, но рано потухшей звездой. Дух моего отца всегда с нами, — ответила дочь.

На обратном пути Самия припарковала свою машину на углу бульвара Пико и улицы Бевервил Драйв. Они вышли из машины.

— Апа, я приглашаю тебя в японский ресторан, — немного торжественно произнесла Самия.



У входа их встретила японка лет пятидесяти с короткими волосами и в чёрном фартуке. Она проводила гостей внутрь и пригласила сесть за стол у окна. Женщина всё время приветливо улыбалась и низко кланялась. В небольшом ресторане было полно людей. Мехрибан внимательно осмотрелась.

— Почему занавески, скатерти и даже фартуки чёрного цвета?

— Это стиль ресторана, – пояснила дочь.

Пожилая официантка вновь подошла к ним, предложила меню, улыбнулась и, сделав поклон, удалилась тихими шажками. Увидев, что Самия готова сделать заказ, японка подошла с бумагой и ручкой.

Самия заказала:

— Мисо суп, суши, сальмон в соусе терияки, а на десерт – жареное мороженое.

Почти сразу же официантка принесла две чашки и густой зелёный чай в чайнике. Пока они попивали чай, принесли мисо суп в двух деревянных мисках. Заметив, что Мехрибан рассматривает жидкий суп с зеленью, Самия сказала:

— Апа, чёрное – это морские водоросли, они очень полезны. А это – тофу, сделанное из соевой муки, – дочь взяла в руки ложку и начала есть.

На столе были соевый соус, приправа из красного острого перца и зелёная фасоль с солью в миниатюрных керамических сосудах. Мехрибан понравился мисо суп. После него официантка принесла два квадратных блюда. Блюдо с суши она поставила перед Самией, а блюдо с сальмон терияки – перед Мехрибан.

— Что это у тебя за паста ярко-зелёного цвета величиной с чайную ложку? – спросила мать.

— Это очень острая приправа, называется васаби. А это – тонко нарезанный имбирь, его кладут по чуть-чуть. Вот это чёрное – нори – высушенные морские водоросли. На них кладут варёный рис, рыбу и огурцы, затем сворачивают и разрезают на мелкие рулетики. А вот, посмотри, нигири суши – маленькие комочки риса, спрессованные ладонями, поверх которых кладут тонко нарезанную сырую рыбу, – продолжила Самия.

Дочь налила в керамическую розетку соевый соус, положила туда немного васаби, палочками хорошо перемешала соус, подхватила суши, обмакнула в соус и с удовольствием положила всё это в рот. Мехрибан, наслаждаясь нежной сёмгой в соусе терияки, сказала:

— Как вкусно! Прямо во рту тает. Повара этого ресторана, видимо, из Японии и официантки тоже японки.

— Когда открывается какой-нибудь национальный ресторан, в него приглашают поваров высшей категории, которые отлично готовят блюда национальной кухни. Все рестораны стараются приобрести популярность. Видела знак на двери с буквой «А»? Это означает, что ресторан получил высшую оценку инспекции здравоохранения Калифорнии, – объяснила матери Самия.

Официантка, забрав пустые тарелки, принесла на десерт в двух



маленьких блюдах по три шарика мороженого, величиной с грецкий орех.

— Впервые вижу, что мороженое жарят в масле, – изумилась Мехрибан, разглядывая необычный десерт.

— Шарик мороженого обкатывают в соевой муке и, опустив в раскалённое масло, быстро вытаскивают. Мука мгновенно обжаривается, а мороженое не успевает растаять. Форма остаётся нетронутой. Попробуй, – предложила Самия.

Мехрибан понравился вкус мороженого. Официантка принесла счёт и, сказав «Аригато!», с улыбкой и поклонами проводила посетительниц до двери. Самия ответила ей также: «Аригато!».

— Вот она, истинная японская культура: нас не только поблагодарили, но ещё и проводили до самой двери, как дорогих гостей, – сказала Самия.

— Чтобы дойти до такой высокой культуры обслуживания в нашей стране, нам нужно ещё много времени, – вздохнула Мехрибан.

Когда они вернулись домой, среди полученной почты Самия увидела долгожданное письмо. Она поспешно открыла конверт. Прочла письмо и чуть не взлетела от радости.

— Апа, меня приняли в университет, и я буду учиться по государственному гранту! – дочь упала к ногам матери и прослезилась.

И мать, встав с места и обняв дочь, тоже заплакала.

— Правду говорят, что Бог заботится о сиротах, – вновь и вновь повторяла Мехрибан.

Самия сразу позвонила Полату, сообщила ему свою радостную весть. Потом начала обзванивать подруг.

На следующий день Мехрибан накрыла стол и позвала семью Полата в гости. Сидевший на почётном месте Полат медленно, спокойным тоном сказал:

— Когда я в первый раз беседовал с вашей дочерью, я сразу понял, что она умная и отважная девушка, и тогда же поверил, что в Америке её ждёт успех. Я не ошибся.

К его словам присоединилась Фарида:

— За эти шесть лет Самия прошла большой путь. Одна приехала в чужую страну, нашла работу и учёбу, теперь поступила в вуз, да ещё и на грант. Такое не каждому под силу. Это большая радость и для всех уйгуров, живущих здесь.

— Я не смогла бы добиться таких успехов без вас, – едва сказала Самия, боясь расплакаться.

— Я очень рада, что моя дочь живёт в таком большом городе, среди таких заботливых людей, что у неё есть свой дом. Скоро я уеду. Дочь свою оставляю на ваше попечение, – не смогла сдержать слёз Мехрибан.

Полат улыбнулся, глядя на растроганных женщин.

— Не плачьте, Мехрибан. Как только получите Грин-карту, возвращайтесь сюда. Вы уже к Америке привыкли, – засмеялся он.

— Ханум, вы в Америке сильно помолодели, – сказала Фарида шутливо. – В Алматы вас могут не узнать.



После беседы Мехрибан принесла аткян-чай и горячую самсу.

— Сколько бы мы ни ели, но если не попить аткян-чай, кажется, будто чего-то не хватило, – сказала Фарида и выпила глоточек горячего чая.

— Я очень люблю вашу слоёную самсу, – заявила Халида и с аппетитом принялась есть.

Самия поставила диск группы «Дервиши», привезённый матерью из Казахстана. Дильмурат Бахаров пел любимую песню Мехрибан – «Наследие матери». Все тихо сидели и слушали музыку.

— Замечательная песня, слова очень впечатляют, – заметила Фарида. – Мехрибан, вы сможете написать мне текст? – попросила она.

По печальным глазам Фариды было заметно, что она скучает по родным краям. Халида заметила душевное состояние матери.

— Апа, я эту песню запишу на диск, будешь ездить в машине и слушать, – сказала она.

Мехрибан в тот день ещё не раз благодарила семью Полата за то, что они умеют делиться счастьем и поддерживают Самию.

Между тем пора было готовиться к отъезду. Большой чёрный чемодан Мехрибан доверху наполнился одеждой и подарками для родных. Самия сдержала слово и вручила матери деньги для того, чтобы она могла издать свою книгу.

В аэропорт Мехрибан провожали Самия и Халида. Чем ближе был час отлёта, тем больше сердце Мехрибан томилось и болело. Она не хотела расставаться с единственной дочерью. Но время прощания пришло. Мать обняла и поцеловала дочь.

— Моя умная доченька! Будь здорова, желаю тебе достичь своей цели.

Потом она поцеловала Халиду и добавила:

— Живите как родные, не расставаясь.

После этого мать повернулась и пошла к своему терминалу. Самия замерла сиротливо, глядя ей вслед.

На следующий день к вечеру Самия позвонила в Алматы. Узнав, что Мехрибан благополучно прибыла домой, дочь успокоилась и опять с головой окунулась в работу...

— Люди мечтают жить в Америке, а вы вернулись. Или вам не понравилось? – спросила Рус.

— Любовь к родным местам сильнее, – призналась Мехрибан. – Конечно, Лос-Анджелес – удивительный город. Там я нашла друзей, узнала жизнь простых американцев, была рядом со своей дочерью. Но есть такая уйгурская пословица: «Чем быть султаном в чужих землях, будь бедняком в своей стране». Прожив в Америке один год, я поняла значение этих слов, – сказала Мехрибан.

— Возможно, вы правы, – задумалась Рус.

Иллюстрации Хашима Курбана.



Геннадий ТУМАНОВ

*“Звезда стрелой
по небу пронеслась...”*

Битва

1

Высоко в небе стали облака.
В степи кипчакской тихо и тревожно.
Друг перед другом замерли войска,
И от судьбы уйти нам невозможно.

На край степи судьба нас привела
По воле хана или злого рока.
В колчане приготовлена стрела,
В полёте безразборчиво-жесток.

Отточены клинки. Суровы лица.
А губы шепчут чьи-то имена.
Копытами мнёт травы кобылица,
И ноги крепко держат стремя.

Друзья мои! Со мною вы прошли
Всю эту степь от края и до края.
Прошу ответьте, что же мы нашли,
В боях со смертью каждый раз играя?

За нами реки кровью были полны,
В огне пожарищ гибли племена,
И мчались кони, как степные волны,
Сметая всё, пронзая времена.

Мы ранены бывали много раз,
А наше сердце в битвах почернело.
Мы никогда не отводили глаз,
Когда в лицо нам смерть сама смотрела.

Мы презирали всех своих врагов,
Которые нам спину подставляли,
И после боя, греясь у костров,
Мы воинскую храбрость прославляли.

По чьей-то воле бросили мы кров,
Неся по свету ужас разоренья.
Свою, чужую проливая кровь,
Крушили мастеров чужих творенья.



Не признавая хитростных затей,
Мы шли по следу золота и славы.
И, убивая женщин и детей,
Считали мы, что были в этом правы.

За нами следом мчались по пятам
Убитых тени и живых проклятья.
И, кажется, они теперь все там —
Напротив. И зовут в свои объятья.

И мы летим. А в сердце страха нет.
И убивать и умирать не трудно.
И, может быть, на мой вопрос ответ
Я получу сегодня, в день мой Судный.

2

Лавиной смерть навстречу нам несётся,
И наши кони мчат навстречу ей.
Сегодня кто-то с ней соприкоснётся:
Среди врагов, среди моих друзей.

Судьба моя! Не будь ко мне жестока
И выведи из этого огня.
Я знаю мать тебя сейчас далёко
В молитве слёзной просит за меня.

И я прошу. И враг навстречу скачет.
В замахе сталь булатная блесит.
И где-то горько чья-то мать заплачет
И девушка о ком-то загрустит.

Смешались все в кровавой этой сече.
Упорен враг — и мы ему под стать.
Устала степь. День клонится под вечер.
И павших уже некогда считать.

Поёт стрела как тонкая струна,
Ещё врага она с коня не сбила.
И вот меня уже нашла она
И грудь мою безжалостно пробила.

Кровь алая забрызгала коня.
Я рухнул под коня в густые травы.
И ничего не будет для меня:
Ни золота не будет и ни славы.

Я безымянный воин, я один из тех,
Кто не сумел, во имя ханской воли,
В бою жестоком праздновать успех
И кто лежит с товарищами в поле.



Трава густая ночью холодна.
Просторна степь, но грудь моя не дышит.
Плывёт по небу жёлтая луна.
Кричу я, но меня никто не слышит.

Из сердца струйкой кровь моя стекла.
Недолго жизнь со смертью разводила.
В моей груди калёная стрела
К земле меня навеки пригвоздила.

3

На поле боя пала тишина.
Свершилось то, что здесь свершиться должно.
Повисла в небе грустная луна
И в лица мёртвых смотрит осторожно.

Её печаль на наши льётся лица,
На наши судьбы льётся сквозь века.
На поле боя ищет кобылица
Стрелую сброшенного друга-седока.

Оставила душа живая тело.
Свою судьбу уже я не зову.
Меня сегодня смерть моя сумела
Настичь в бою и бросить на траву.

Меня сразивший распластался рядом,
Но мне теперь нет дела до него.
Глядит он на меня ослепшим взглядом,
И я врага не вижу своего.

И, может быть, мой друг, его сразивший,
Остался жив и ночью у костра
Поёт он песни, в сердце их носивший,
И грусть их как стрела моя остра.

Я сам их пел. Я знаю песни эти.
В них плачет мать, в тоске судьбу кляня,
И ждут напрасно и жена, и дети,
И стал другой хозяином коня.

В них льётся кровь и полыхают раны,
И вороны, спешащие на пир,
И древние, заросшие курганы
Глядят с высот на наш безумный мир.

А может, всё произошло иначе:
Пал в травы друг, а враг мой у огня
Поёт друзьям и, радуясь удаче,
Стреножит моего коня.



И мой клинок, отточенный на камне,
Добычей стал законной для него,
А в чёрном небе ворон свысока мне
Прокаркает о торжестве его.

В моей душе отчаянье и боль.
Но эта боль глаза мне не откроет.
В слезах у матери невисохшая соль
В пробитом сердце рану мне омоет.

Звезда стрелой по небу пронеслась
И на траву упала, под копыта.
В чужом краю судьба оборвалась
И в памяти столетий позабыта.

Разлука на двоих

1

Никогда не смогу я привыкнуть к разлуке —
на моём сердце свежая рана горит.
Вот сейчас вслед махнут твои белые руки —
и меня от тебя скорый поезд умчит.

Поплывут за окном белоснежные горы,
суета на вокзалах чужих городов,
на перроне ночном полусонные взоры,
перестуки колёс мчащихся поездов.

С каждым стуком колёс ты всё дальше и дальше,
с каждым стуком колёс сердца стук всё сильней.
Ты, любимая, знай, нет в словах моих фальши
и на свете, чем я, никого нет верней.

Между нами опять ляжет целая вечность,
каждый день будет вновь испытанием мне.
И пройду я его, мне поможет сердечность
наших чувств, и её, знаю, хватит вполне.

И наступит тот день, когда поезд помчится,
с каждым стуком колёс приближая к тебе.
Пусть в последнюю ночь мне как раньше приснится
наша встреча с тобой — благодарность судьбе!

2

Умчался скорый вдаль, осталась я одна,
и боль разлуки мне заполонила душу,
но где б ты ни был — знай, что я тебе верна
и клятву что дала, я, милый, не нарушу.



Уехал ты, родной, как будто на века,
не в силах спорить я одна с самой судьбою,
а мысли о тебе летят как облака,
и нету им числа — летят вслед за тобою.

И для меня стал день чернее чёрной ночи,
и солнце из-за гор встаёт не для меня.
Всё смотрят, смотрят вдаль заплаканные очи
с надеждою на встречу, в душе её храня.

Молюсь, чтоб ты в пути не повстречал преграды,
молюсь, чтоб ты ко мне вернулся поскорей.
И лучшей для меня на свете нет награды,
чем вновь твои шаги услышать у дверей.

Памяти подводников

Всего лишь сто метров над нами,
Но нам их не преодолеть.
И, видно, теперь под волнами
Придётся нам здесь умереть.

А там, наверху, солнце светит
И чайки кричат над водой...
Никто нам уже не ответит —
За что эта встреча с бедой.

Пришли мы сюда по приказу,
Чтоб Родину здесь защищать.
Впервые нам выпало сразу
Прощенье просить и прощать.

Судьбу мы свою не обманем,
Здесь каждый кончину найдёт,
И вряд ли завидовать станем
Тому, кто последним уйдёт.

Простите, родные, прощайте!
Последние мысли о вас.
Вы сверху нам пообещайте
Молиться почаще за нас.

И, может быть, кто-то ответит
За смерть нашу снятой звездой...
А там, наверху, солнце светит
И чайки кричат над водой.



Судьба

Ты судьбой мне назначена, небом.
Мне, бывало, тебя не понять:
То, порой, обделяла ты хлебом,
То пыталась, порою, обнять,

То всучала в пути мне тревогу,
Может быть, в этот час не любя.
Обращался частенько я к Богу, —
Извини! — забывая тебя.

Не роптал на тебя я доньше
И с тобой, на истёртом горбу,
Я бродил по палящей пустыне.
Ты мою не слыхала мольбу.

Нам шагать ещё долго с тобою
Или, может, — ты знаешь! — не так?
Пусть приходишься мне ты судьбою,
Без меня тебе всё же никак!

Друг от друга зависим мы оба,
Ведь не зря век твой равен с моим.
Вдруг под старость появится злоба?
А не лучше дружить нам двоим?

Всё по-братски разделим в дорогу
И сожжём за собой все мосты.
Всё равно мы придём с тобой к Богу:
Первым — я, а за мною и ты.

Луноликая красавица Востока

Жанаре Жанузаковой

Луноликая красавица Востока!
Ты поэтами воспета так не раз,
Что, быть может, оскорблю тебя жестоко,
Сделав равными алмаза блеск и глаз.

Твоего не заслужу вовек прощенья,
Хоть не вижу в этом я вины своей,
Если я тебе скажу, что в умиление
Слушает твой голос соловей.

Посчитаешь ты меня врагом, наверно,
И предашь моё сравнение огню,
Если я воздушный шаг пугливой серны
С лёгкой твоей поступью сравню.



Рассказать тебе язык мой не посмеет,
Как с небес тебя увидев лишь, луна,
Переполненная завистью, бледнеет
И скорей за тучи прячется она.

Я тебя сравнил с самым бы солнцем ясным
И твою улыбку, видно, б заслужил,
Но и тут, увы, Хафиз — поэт прекрасный!
На столетия меня опередил.

В тщетных поисках, красавица, сгорая,
На земле найти сравнений я не смог.
Ты в сравнении моём достойна рая,
И пусть за это не осудит меня Бог.

Уходи

Уходи, уходи — бог с тобой,
Если можешь любви изменить.
Уходи со своею судьбой,
Я найду кем тебя заменить.

Я найду утешенье и ласку,
И других губ найду я тепло,
А тебя же, как грустную сказку,
Позабуду. Ну не повезло.

Я вином не залью наши встречи,
Я не буду тебя звать во сне,
И такие же нежные плечи
Обниму — как твои — по весне.

И такие же тонкие руки
Мою шею вокруг обовьют,
И любовь, возродившись из муки,
В моём сердце отыщет приют.

Будут звёзды опять красоваться,
Сердце снова забьётся в груди.
Что ж, коль выпало нам расставаться,
Бог с тобой! — уходи, уходи.

г. Алматы.



Анатолий ЛЫСЕНКО



Записка с того света

Рассказ

Он погиб в январе. Хотя прошло три года, но январский день особенно напоминал ей о нём. Порой Наташа старалась забыть Станислава, однако ничего не получалось. И как всегда, ранним утром в этот день пришла в лес, что начинался за околицей села, поднялась на самую высокую горку, откуда видны замёрзшие озёра, ленты дорог, уходящие в степь. Ей казалось, что Станислав где-то рядом, ещё мгновение – и он выйдет из-за деревьев. Молча приблизится, протянет руку с искусно сделанной из ветки дерева фигуркой человечка, зверька или птички.

От этой навязчивой мысли Наташе становилось не по себе. Она понимала, что жизнь продолжается и ей следует думать о завтрашнем дне, о будущем. Но потом вспоминала, в какой день ей видится Станислав, в день его гибели в горах Заилийского Алатау, и уже не казнила себя. Не могла поверить, что он погиб из-за собственной трусости.

Наташа спустилась с горки, углубилась в лес. Утопая в снегу, она продвигалась от одной сосны к другой. И вспомнились наставления Славки: «Поднимая руки вверх, вдохни поглубже, а потом залпом выдохни. Усталости как не бывало». Она так и делала.

Муж Наташи, Эдик, знал, почему вот уже третий год в один и тот же день она уходит в лес. У него душа переворачивалась, он не находил что сказать, как начать разговор об этом, но и примириться не мог с мыслью, что она из-за Станислава, которого нет в живых, ходит в этот день в лес, наверное, чтобы лучше вспомнить его, как бы воздать почёт погибшему.

Наташа почувствовала усталость. Идти становилось труднее. Прислонившись к сосне, решила отдохнуть. Если бы кто увидел её в этот момент, то непременно отметил бы, какая она красивая. Высокого роста, стройная, лицо открытое, глаза голубоватые, в кончиках губ, кажется, навсегда застыла улыбка. Тёмно-зелёная куртка с капюшоном, отороченным мехом, синие спортивные брюки, яркие красные рукавички, изящные унты из оленьего меха с узорами – всё это придавало колорит её внешнему виду. Она, как говорят художники, вписывалась в общую картину зимнего леса.

И только самые проницательные могли бы в глубине глаз заметить застоявшуюся грусть. Говорила ли она, смеялась, спорила, а печаль оставалась.

Просека выводила к селу, первый дом уже виден. А там, через три двора, двухэтажка, в которой живёт Наташа со своим мужем Эдиком и годовалым сыном Валеркой. Эдик в школе, преподаёт русский язык и литературу, Валерка в детском саду. В расписании нет сегодня



её биологии, свободный от занятий день. И такое совпадение – именно день, когда погиб Станислав.

В комнату она вошла в лучшем настроении, чем было оно, когда уходила. Прогулка в сосновом лесу, где много снега, свежий воздух, навеяли воспоминания и о лучших, счастливых временах студенческой жизни. Даже стены показались светлее, гардины, шторы на окнах наряднее, появилось желание сесть за стол, раскрыть книгу и как бывало в годы учёбы всецело уйти в мир растений. Слышать их шелест, запах. Но взгляд остановился на конверте, взятом из почтового ящика. Письмо от бывшего сокурсника Андрея, который увлёк её альпинизмом, походами по лесам и долам. После окончания учёбы он уехал на Урал, сообщал, что организует походы в горы школьников. Даже фотографию прислал. Всё такой же круглолицый, со спокойным взглядом; мальчишеская чёлка спадает на лоб. Не женат.

Потом долгое время не подавал весточки. И вдруг письмо. Наташа обрадовалась. Спокойно, словно стараясь продлить момент ожидания, надрезала конверт ножницами. Из него вынула листочек, которому, казалось, целая вечность; не просто пожелтевший от времени, а почерневший, истёртый, обветшалый по краям.

Она присмотрелась и обомлела. Почерк Станислава. Чуть заметные буквы, написанные простым карандашом. Напрягая глаза, задумываясь о смысле слов, она прочитала: «... снова теряю сознание. Скажу одно – вина Эдуарда Малинина. Лавина мимо, но он трусил, бросил верёвку. Мы сорвались. Жаль Андрея, мог воспитать в школе хороших ребят... теряю... теряю сознание».

Кажется, вправо поплыло окно, качнулся стол, перед глазами зелёные круги, жёлтые. Наташа старается ухватиться за край стола. Потом делает шаг к кровати, другой... и падает в изнеможении: в куртке, спортивных брюках, унтах; заплакала навзрыд. В этот миг ей показалось, что в душе что-то надломилось.

Утро стояло морозное, тихое. Солнце ещё скрывалось за островерхими вершинами. Альпинисты поднимались по склону в тени. Слева высоко вздымался гребень, у подножия которого много снега. Станислав, идущий первым, проваливался так глубоко, что едва не скрывался с головой. Работая руками, как это делают при плавании, он пробивал тропу, по которой вслед за ним шли Эдик и Андрей. Выходя вперёд, Эдик со словами «возьмём ещё одну вершину», продвигался вперёд, но сил хватало ненадолго. Едва касаясь триконями ботинок каменистой осыпи, которая была глубоко под снегом, он пытался делать один шаг, другой, однако почти топтался на месте. Станислав молча выдвигал левое плечо вперёд, ступал левой ногой выше и опережал Эдика. Тот снова оказывался вторым. Замыкал небольшую цепочку Андрей. Он шёл молча, шаги делал уверенно, готов был в любую минуту помочь, если бы кто вдруг оступился. Об



этом хорошо знали и Станислав, и Эдик, а потому и говорить не давали Андрею, когда он пытался сменить впереди идущего. У него и груз был самый тяжёлый. В последние минуты перед выходом из лагеря Андрей взял репшнур у Станислава.

– Привал! – сказал Станислав и сел. То же сделали его спутники.

Эдик оглянулся и увидел тропу на снегу, которую они проложили. Извиваясь в отдельных местах, она уходила вниз, пока не исчезала в густом сизом тумане. Впереди пологий склон ледника, покрытый ослепительно белым снегом, ни кем не тронутый. А далее сразу стена, уходящая высоко в небо. Словно строители её возвели. На осыпь уложили фундамент, а потом наращивали сантиметр за сантиметром, да так спрессовали, что нигде ни щели, мало углублений, а поверхность ещё и отполировали. Там, выше стены начиналась вершина, на которую надо взойти. Есть другие пути к ней, но на сей раз трое студентов-альпинистов решили подняться по более трудному маршруту. Эдик ещё и ещё раз пробежал её глазами снизу вверх, сверху вниз, прикидывал – сколько потребуется крючьев. А Андрей, как ни странно, в мыслях был далеко от гор, от этой стены, от всего, что связано с восхождением. Он видел зал университета, где очень светло, много студентов, музыка. Вечер отдыха. Пары то кружились в вальсе, то спокойно и плавно передвигались под мелодию танго. Наташа, одетая в голубое платье, в крахмально белых перчатках, радостная и сияющая, стояла с подругами у окна и о чём-то оживлённо говорила. Длинная коса, которую редко можно увидеть у девушек-студенток, спадала на плечо и ложилась на грудь. Нельзя было не залюбоваться девушкой, она выделялась среди подруг не только русой косой, но и красивой высокой шеей, голубыми глазами. Кто не видел её в горах, не мог и предположить, что она способна преодолевать скалы, не боится с вершины подолгу смотреть вниз и любоваться перевалами, ущельями; она привычна к ледяному ветру, ночёвкам в палатках в мороз и пургу.

Станислав редко посещал вечера отдыха, но на этот раз находился в зале. Рослый, широкий в плечах, кареглазый, он одет в тёмно-коричневый костюм, белую рубашку, в модном в то время широком галстуке красного цвета. Он сразу же отыскал Эдика, который переваливающейся походкой поднимался по ступенькам на второй этаж, где в зале были танцы. Словно сговорившись, они подошли к Наташе и учтиво поклонились, приглашая на танец.

– Ой, ребята, я тронута вашим вниманием, но что мне делать? – с улыбкой спросила она и сделала шаг к Станиславу.

Не ожидая такого выбора, Эдик на мгновение растерялся и тут же пригласил малорослую первокурсницу, которая так смутилась, что сначала не могла попасть в такт музыки.

Андрей радовался, что у него такие друзья, красивые, благородные, добрые люди, высшая мечта которых – покорять недоступные



вершины, побывать там, где не ступала или редко ступала нога человека. В то же время чувствовал зависть к дружбе Станислава с Наташей, был к ней неравнодушен.

– Встали, братцы, выше голову! – громко произнёс Станислав и поднялся. Вскинув на спину рюкзак, он ловким движением надел ремни на плечи, взял в руки ледоруб.

То же проделал и Андрей. Только Эдик вставал нехотя, долго разглядывая свои ботинки, медленно наклонялся к рюкзаку.

Погода тем временем начала портиться. Неожиданно из-за стены выплыли косматые белёсые облака. Вслед за ними показались свинцово-сизые тучи, обволакивающие не только стену, но и ребят. Ничего хорошего это не предвещало.

– Выходи вперёд, я последним, – распорядился Станислав и подтолкнул в плечо Эдика. Эдик понял, что Станислав будет страховать каждый их шаг, каждое движение на стене. О, это у него получается. В такие моменты он становился резким, не упускал ни одной твоей ошибки, всё заметит и сразу же скажет. Новички иногда обижаются на него за это. Ветераны, кто с ним бывал в горах, благодарны ему, а несколько альпинистов даже обязаны жизнью.

Эдик, забив крючья и навесив стремяна, медленно, с большим трудом сумел преодолеть первые метры стены. Тяжело дыша, он страховал Андрея, который неторопливо, но уверенно передвигался влево по карнизу. Станислав смотрел, как Эдик, перекинув верёвку через плечо, выбирает её. Когда Андрей поравнялся с ним, очередь пришла за Станиславом.

Как это нередко бывает в горах, неожиданно подул резкий ветер, тучи ещё более сгустились, ребята оказались в сплошном тумане. Непокойно стало на душе у Станислава. Он знал, что выше стены на перевале много снега, который при сильном ветре может не удержаться и лавиной пойти вниз.

– Лучше закрепляй крючья, слушай по звуку, понимаешь? Может, не та щель, слабая порода, – кричал он Эдику, который чуть виден.

– Пошёл, надёжно! – подал голос Эдик.

Андрей, надеясь на страховку, карабкался вверх.

Когда и Станислав сделал шаг вверх, вдруг справа высоко на перевале раздался грохот.

– Прижмись к стенке, лавина! – предостерёг Станислав и хотел опустить ногу, чтобы закрепиться, не висеть на канате. Но канат вдруг ослаб, стал спускаться к нему.

– Натягивай, тяни канат! – срывающимся голосом крикнул Станислав, держась только пальцами за маленькие выступы на стене и чуть-чуть носком левой ноги. Он взглянул вверх, но на том месте, где стоял Эдик, никого не было. Андрей, державшийся только на руках,



старался хоть за что-нибудь зацепиться триконами ботинка.

– Что случилось? – прохрипел Станислав и повёл глазами по сторонам. И тут он увидел, что Эдик Малинин по карнизу в одиночку продвигается всё дальше, стараясь укрыться под козырьком. Грохот нарастал. Метрах в тридцати правее, клубясь и курчавясь, сползала огромная масса снега.

Пальцы, словно одеревенелые, не слушались, вот-вот разожмутся. Станислав в последний раз взглянул на Андрея и увидел, как он сползает вниз. «Погибнет парень», – прошептал он и почувствовал, что держаться на стене больше не в силах.

Эдуард Малинин, усталый, с измождённым лицом, сидел за столом в комнате альпинистской базы, которая находилась у подножия горы. Против него инструктор Фёдор Васильевич Осинцев, мужчина средних лет, преданный горам, горячо любивший и Станислава, и Андрея той прямой и суровой любовью, на которую способны мужественные люди. Рядом с ними сидела Наташа.

– Я поднимался последним, – врал Эдик. – Услышал страшный грохот, пошла с перевала лавина. Считая, что нас накроет, стал закрепляться. Вдруг вижу, сначала не поверил своим глазам, сползают вниз по скале Андрей и Станислав.

– Кто шёл первым в связке, кто был выше всех? – перебивая его, спросил Фёдор Васильевич.

– Станислав, – не задумываясь, солгал Эдик.

– Гм, да, – только и произнёс инструктор.

– Потом я видел, как катились по скалам. А лавина мимо, мимо метрах в пятнадцати справа.

Эдик умолк. В небольшое окно комнаты заглянуло солнце. За стеной только и слышно, как катит свои воды горная речушка. Не верится, что недавно бушевала вьюга, что три дня спасатели не могли выйти на поиск двух не вернувшихся альпинистов.

Глаза Наташи покраснели, вокруг них землистые круги, по щекам скатывались слёзы. Если бы кто знал, как тяжело ей было сейчас. О своей любви никогда не говорили они со Станиславом, но хорошо понимали друг друга. А тут Станислава обвиняют в трусости, из-за него якобы погиб Андрей, добрый человек, который всегда приходил на помощь.

Наташа встала из-за стола, почувствовала слабость в ногах, во всём теле. Ночами не смыкала глаз: всё думала об одном и том же, как это могло случиться? Не было оснований не верить Эдику, который вернулся один. Но и обвинять Станислава она не могла. И никто с этим не торопился. Были случаи в горах, когда в критических ситуациях терялись самые мужественные и опытные.

Эдик взял под руку Наташу, и они вместе вышли на улицу. На голубом небе ни облачка, ярко светило солнце, всё вокруг было



покрыто свежим снегом. На склонах величественно зеленели ели, вдали виднелись вершины, которые вздымались очень высоко и манили к себе.

... Андрей появился у реки к вечеру так неожиданно, что Эдик и Наташа застыли на месте, не зная, что подумать, что сказать. Он был без шапки, без рюкзака, в изорванной штормовке, но с ледорубом.

– Андрюша! – кинулась к нему Наташа. Андрей, словно никого не замечая, проковылял мимо, пытаясь дойти до крайнего дома лагеря, но не смог, упал.

Станислава хоронили со всеми почестями. В последний путь его провожали и бывалые альпинисты, и те, кто только мечтал о вершинах, кого влекла романтика гор. Андрей не смог доказать, что гибель опытного альпиниста на совести Эдуарда Малинина. А у комиссии не было оснований не верить Малинину. Андрей замкнулся в себе, стал неразговорчив, хотя в душе оставался всё таким же добрым, готовым всегда прийти на помощь. Он не терял надежды, что со временем будут доказательства, должен найти их, восстановить истину. Доказательства в горах, у той самой стенки, куда он втихомолку продолжал ходить. Ведь капсулу с запиской, которую должны были оставить на вершине, нёс Станислав. А её пока нет.

Наташа была потрясена гибелью Станислава, душевных сил у неё не хватало, чтобы преодолеть горе. Лечили её в больнице, где часто навещал Эдик. Сначала нередко заходил Андрей, но он не мог смириться с мыслью, что ему не верят, что появились сомнения и у Наташи.

После больницы обессиленная, много пережившая Наташа в общепитие не поехала, её увёз к себе домой Эдуард. Его однокурсники видели в этом благородство, поступок, в основе которого человечность, преданность погибшему другу. Наташа в тяжёлое для себя время нашла в Эдике поддержку. Зная горы, она понимала, что самый смелый, опытный альпинист не застрахован от ошибок. Эдика ни в чём не винила. После выпускных экзаменов Эдик и Наташа поженились и уехали в Сибирь. Андрей на свадьбе не был, хотя его приглашали.

Наташа плохо помнила, как увела с детского сада сына Валеру, как писала Эдуарду Малинину записку о своём отъезде к матери. И только сидя в автобусе, когда за окнами потянулись поля и перелески, она поняла, что бегство продиктовано не сиюминутным мгновением, душевным состоянием, нельзя простить ложь и двоедушие. Предстояло многое сделать, чтобы восстановить доброе имя Станислава, которого она не переставала любить, хотя его нет в живых. Всем альпинистам, знавшим его, бывшим сокурсникам надо знать правду. Восстановить истину в официальных документах. В этом ей поможет Андрей.

г. Новосибирск.



Тамара НЕЧАЕВА

“Навстречу вихрям солнечного света...”

В небо уходит любовь

Звёздною сказкою
С голосом ласковым
Бродит по свету любовь.
Ласковым шёпотом,
Сдержанным ропотом
Просится в сердце любовь.

С радостным лепетом,
Сладостным трепетом
В двери стучится весна.
Знаю, что временем
Счастье измерено,
Это не знает она.

Ждёт на свидание
Звёздочка ранняя.
Будем с тобою одни.

Там, где подсолнухов
Светятся сполохи,
Ночи смешались и дни.

Синими волнами,
Робости полными,
Плещется море у ног.
Но заштормит оно,
Ветром пропитано,
Камни стирая в песок.

Жребии брошены,
Души заложены,
Грозной стихии прибой.
Райскою птицею,
Светлой зарницею
В небо уходит любовь.

Народное достояние

Попав в миллиардерские реестры,
С народом не играет капитал.
Играют лишь эстрадные оркестры,
Народным песням рукоплещет зал.

Прекрасны в них и музыка, и слово,
И искренность, и чувства полнота.
И кажется, что мы все вместе снова,
И наша жизнь прекрасна и чиста.

Тем песням тесно, как душе поэта,
В толпе бегущей алчущих людей.
В них высота и музыка полёта,
И глубь лесов, и широта полей.

Как мало нам народного осталось,
Историю ведь повернули вспять!
Культура же душою создавалась,
Она свята, как Родина и мать.

Той Родиной был мир очеловечен,
Но дикий Запад ей готовил крах.
Мы в этих песнях с нею ищем встречи,
Той встречи со слезами на глазах.



Весь мир приняв открытою душою,
Своей культуры крах останови.
Люби себя, не верь чужому шоу
И тем, чьи руки в злате и в крови.

Твой дух велик, как горные вершины,
И защитит ты свой сумеешь дом.
Спаси себя от участи звериной
И от похмелья на пиру чужом!

К событиям в России (Спросим за русскую кровь)

Век просветления,
Преодоления.
Тайна откроет уста.
Что с тобой станется,
Бога посланника,
Русской любви простота?

С неба свободного
Горе народное,
Горе России видней!
Жертвы огромные,
Дети бездомные —
Символ Отчизны моей!

Чаша отравлена,
Предали Сталина.
Тьма чужеземных воров.
Спросим с предателей,
Законодателей,
Спросим за русскую кровь!

Дети Арбата!
Чьей кровью запятнаны
Ваших отцов имена?
Вы на вершине,
За них довершили вы,
Всё, чтоб погибла страна!

Властью бездарною
Земли раздарены,
Русских прогнали ягнят.
И на Московию
С наркоторговлею —
Новый Троянский десант!

Выгнать столичные
Орды опричные,
Наглый их варварский сброд!
И охлократия,
И плутократия
Губят наш русский народ!

Эхо Приморское —
Площадь Московская.
Ярости праведной стон.
Но с БэТээРами
И револьверами
Служит Сиону ОМОН!

Кто с сионистами?
Кто с коммунистами?
Кто же за русский народ?
Площадь Манежная
Стала мятежною —
Вал Революций грядёт!

Минины, Разины —
Русские Разумы,
Организаторы масс.
Ради Победы мы
Встанем над бедами —
Родина смотрит на нас!

Сила всей нации —
В организации!
Бог у нас — Разум, Любовь.
Но с охлократии
И плутократии
Спросим за русскую кровь!



Правда века

Привыкли мы ушедшее чернить
Под дудку времени. Как эти пляски дики!
Изменены истории вердикты,
Но истину как можно изменить?

Лишь в страшном сне могло это присниться!
Затеял перестройку президент,
А сам в турне уехал за границу.
И недруги почуяли момент!

Капитализмом диким заразили,
Как вирусом, Союз наш изнутри.
За то, что камнем преткновенья были,
Что на Востоке свет зажгли зари.

Освобождение от памяти народа —
Корыстных чьих-то это дело рук.
Народ забыл, кто враг ему, кто друг,
И капитал отпраздновал свободу!

Нам Родина была началом мира,
С ней жребием мы связаны одним.
И был похмельем от ночного пира
Чужой рассвет над краем, мне родным.

Смешалось всё: где был Восток, стал Запад.
Землетрясение! Земли сместилась ось!
И не грозы — стихийных бедствий запах!
Все были вместе, а потом все врозь.

Пусть будет мир и братство над Востоком!
Не сотрясай уснувший дух Орды! —
Он шёл когда-то разрушающим потоком,
Оставив нам осадок от вражды.

Пусть будет снова мир на Украине!
Не утихает от разрыва боль!..
Ещё вернутся на алтарь святыни —
У нас была одна судьба и роль.



Меж двух огней крепилась оборона,
К нам то Восток, то Запад шёл войной.
И вырастали красные знамёна,
Как маки, над измученной землёй!

Союз наш для истории был новью!
Всех защищал наш атомный курок.
Народной болью и народной кровью
Мы примирили Запад и Восток!

Мы изменили мир за полстолетия —
Здесь был оплот трудящихся Земли!
Война грозила мировая Третья,
Мы от неё планету сберегли.

Не оценили эту роль потомки,
У этой роли горькая цена.
И вот уже разрушена в обломки
Никем не побеждённая страна.

За океаном потирали руки
И слали зриво в наш эфир пустой.
Колокола звонили о разлуке
С великой человеческой мечтой!

В беде росла великой дружбы жажда!
Какая нам нужна ещё беда,
Чтоб понял гражданин Союза каждый —
Была священной в роднике вода!

Борьба за деньги и за души

*Первому секретарю ВК обкома партии
Протозанову А.К.*

Он в судьбах след оставил, как протектор,
Грунтовую торивший колею.
Герой Труда, строитель и директор —
Вводил он в строй объекты, как в бою!

Во всё вникал, рачительный и строгий,
Он всех учил хозяевами быть.
Он нерадивых убирал с дороги,
И область стала всю страну кормить.

Никто не ждал такого поворота,
Уж перестройки надвигалась тень.
До пенсии не дали доработать —
Готовили застоя чёрный день.



До основания снова мир разрушен,
О нём, о нём звонят колокола!
Идёт борьба за деньги и за души
На перекрёстках мирового зла.

Вернулся он в свои края родные,
Увидел всё — и слёзы на глазах! —
Остатки ферм, как черепа пустые,
И фабрики, разрушенные в прах...

Марионетки, захватив экраны,
Глумились над народной мечтой.
И диалектика зализывала раны,
Горел закат приманкой золотой.

Знать на народном расцвела несчастье,
Ей руки грел пожар страны родной.
Людей труда не допуская к власти,
Мы все прошли сквозь феодальный строй.

Для блага Родины

Он так мечтал прийти и воплотиться,
Услышать шум берёз и тополей.
В день непоказный человек рождается.
Мать и дитя, кому из них трудней?

И целый мир хочу простить сейчас я,
Ведь это день рождения малыша!
Какое на земле бывает счастье,
Когда страстей натерпится душа!

В конце пути — торжественность заката,
Освобожденья от страстей пора.
Как в детстве, что духовностью богато,
Растём мы ночью, вволю поиграв.

И послужить добру ещё не поздно,
И пусть над миром опустилась мгла,
А ты стоишь пред этой далью звёздной,
Расправив виртуальные крыла.

Чтоб жизнь составом не промчалась мимо,
Пусть у тебя всегда хватает сил
Служить для блага Родины любимой,
Как служит нам вечерний звон светил!

г. Усть-Каменогорск.



Александр НАЙДЁНОВ

ОПТОВИК

Рассказ

Очнувшись, она подумала, что Валера умер. Он лежал на ковре не двигаясь так же, как упал (этот момент она помнила) – упал лицом вниз. Нужно было поднять его, повернуть, вызвать «скорую», наконец. Но её сознание опять растаяло...

«Передоза!» – вспыхнула мысль, когда её мозг включился. Она катнулась с дивана, рухнула на пол, на карачках доползла до Валеры. Ожидала – что ей не по силам даже шевельнуть его, но, потянув за предплечье, повернула Валеру на спину на удивление легко. Закружилась голова – как же ей было плохо!

Оказалось, живой. Он дышал. Чуть-чуть приоткрыл глаза и смотрел зассыло на потолок. Вдруг он дёрнул в сторону руку, попал в неё и вцепился пальцами в блузку.

«Валера, отпусти! Отпусти!» – в испуге зашептала она и принялась разжимать его пальцы один за другим. Как ей это было знакомо! Он не противился. Блузка освободилась. Пальцы у Валеры остались скрюченными – кажется, он не мог ими как следует управлять.

Она отползла обратно, села на полу, навалиясь на диван.

«Чёрт бы побрал его деньги! Все, сколько их есть!» – думала она про Валеру.

Следующее, что пришло ей на ум – был тот разговор, когда она влипла. Она, медленно и трудно соображая, прокручивала его во всех врезавшихся в память деталях, как нередко делала в эти три месяца, и опять пыталась понять, был ли у неё шанс тогда увернуться?..

...Тогда на звонок двери отворил мужчина, ростом на полголовы ниже её. Он сказал: «Проходи, проходи!» – пропуская её в квартиру, запер ключом замок и повёл её в комнату. «Хорошо, – подумала она, – что мужчина этот был трезв, хорошо, что он был один. Хорошо, что на столе в комнате не было закуски и водки – значит, к ней не начнут приставать, чтобы она пила».

«Он, наверно, командировочный», – подумала она, осмотревшись вокруг и поняв, что жильё это съёмное: слишком пустое, незахламлённое от повседневного быта.

– Дай-ка я на тебя взгляну, – сказал мужчина, расположившись в кресле. – Повернись. Ещё чуть-чуть. Так... – несколько секунд он молчал и наконец произнёс: – Ты и правда удивительно хороша.

Она, на тонких шпильках, повернулась лицом к нему и пленительно улыбнулась. Не то чтоб ей понравился комплимент. Что она красивая, – она знала давно сама, осознав это лет в двенадцать, – просто на слова клиентов принято улыбаться. Она закинула назад руки – так, что платье обтянуло её, и начала нащупывать пуговицы.

– Ты пока что погоди, не сейчас, – приказал мужчина. – Мы с тобой немного поговорим. – Он кивнул ей на соседнее кресло. У неё тоскливо мелькнула мысль, что мужчина этот из старых, ещё советских, интеллигентов, которые



любят как занозы залезать в душу прежде, чем овладеть хозяйкой этой души.

– Твоё имя?

– Аня, – привычно соврала она.

– Ты давно уже на этой работе?

– Месяц.

– Сла-авно, – протянул умильно мужчина и пояснил, что тут именно славно. – Славно, что ты действительно тут недавно, не имеешь этого... отпечатка, – он затруднился точнее определить и пощёлкал пальцами. – Этого следа... И тебе неловко от такого занятия... Света.

Когда он произнёс её имя, она вздрогнула. Узнать, как её зовут, он, конечно, мог в её фирме, но зачем он это узнал?

– Кстати, почему ты поступила на такую работу? – продолжал допытываться он.

– Это дело люблю, а тут ещё и платят за это, – нагло выпалила она заранее готовый ответ: этот вопрос задавал ей каждый второй.

Мужчина внимательно посмотрел на неё, усмехнулся и опять сказал: «Славно», – только в этот раз не пояснил – что.

– Сомневаюсь, что много платят, – заговорил он. – Если вызов – две пятьсот, то тебе достанется... едва ли больше тыщи. А тут ещё на лекарства надо... И каждый день... Дорогие ведь лекарства теперь. А санатории! А билеты! У ребёнка твоего – паралич?

О том, что у неё болен сын, никто не знал в её фирме. Света лишь сейчас поняла, что мужчина – необычный клиент.

– Что вам нужно от меня? – спросила она.

– То же, что и всем, что и всем. Только предложу тебе условия выгодней. Зачем тебе истаскиваться по алкашам? Я хочу купить всё твоё время оптом.

– Оптом?

– Да. И при том, не со мной, а с одним интересным молодым человеком. Если ты ему, конечно, понравишься. Ты согласна?

– Мне нужно сперва подумать.

– Ладно, думай. А пока... – вымолвил мужчина, вставая с кресла и расстёгивая на себе брюки...

Вечером она разжимала пальцы Стасику, своему трёхлетнему сыну. Стасик, когда мать кормила его, любил её держать за запястье, а потом не мог выпустить. Это повторялось изо дня в день. Церебральный паралич – что поделать? Разжимая сыну его тонкие пальцы, она и почувствовала тогда, что согласна...

Вот тогда и был, наверное, шанс! Если бы Валера подцепил не её, а другую в том ночном клубе с морским дизайном, где за стёклами в стенах косились на людей удивлённые рыбы. Только он, как нарочно, втрескался с первого взгляда. И она-то дура! Радовалась ещё!

Этот Валера в самом деле был симпатичный. И улыбочивый. И играл на гитаре. А ещё он – совладелец конторы своего папы, а это, между прочим, не так себе – самая крупная в области сеть супермаркетов. Акции достались ему в наследство от его мамы.

А мужчина её обманул. Никакого времени оптом не выкупил, вместо этого сказал: «Я всё сделал, девочка, чтоб тебе повезло. А теперь дои его, я



тебе скажу, как».

Очень скоро Света поняла его цели – ему нужно, чтоб Валера растратил и на ветер пустил свой бизнес. Ей велели чуть не каждый день заманивать его в казино. Они просаживали столько, что Света не могла ночами уснуть, но маленькому мужчине казалось всё мало, мало.

Наконец она не стерпела, отказалась, но мужчина вместо ответа вынул из кармана несколько фото, на которых она с клиентом, поглядел на них и расплылся в улыбке:

– Сла-авно!

И где он их взял?

– А ты думаешь, ты поймала судьбу за хвост? Ошибаешься, детка. Птица счастья скоро упорхнёт! Фьють! – он помахал фотоснимками. – А вот неприятности тебе будут. Будут. А оно тебе надо?

Света передумала ссориться с ним – почему-то ей был страшен этот интеллигентный мужчина.

В июне они с Валерой летали в Венецию. Много пили, потому что Свете велели приучить его больше пить. Вернулись – и мужчина принёс ей пакет с курительной смесью. И теперь – такой результат.

Света долго смотрела на руку Валеры с полуразжатыми пальцами.

– Дальше – что? Потребуют посадить его на иглу? – думала она и решила, что хватит – будь что будет, но этого ей не надо.

Валера наконец-то очнулся, встал на ковре, шатаясь, и приковывал к Свете, сел рядом с нею на пол. Он не способен был говорить, слушать он мог – и Света всё ему рассказала. Валера слушал и молчал и только встряхивал своею башкой. Потом встал и вышел, ушёл совсем из дома, захлопнул дверь.

– Ну, вот, сказала – и что теперь? – усмехнулась над собой Света. – Теперь освобождаю квартиру?

Она уже два месяца жила в шикарной студии, которую Валера для них снимал. А сына видела лишь набегами.

– Одежда? Обувь? А драгоценности? По-правильному их бы следовало оставить. – Хотя, какого, собственно, чёрта? Она их заработала честно. В конце концов, Валера, бизнес есть бизнес.

Света с трудом поднялась на ноги и принялась рассовывать вещи по пакетам и сумкам.

И тут ещё раз хлопнула дверь. В комнату вошёл незнакомый верзила. Света обомлела от его рожи.

– Не пугайся, – басом произнёс он. – Я – начальник службы безопасности, – он назвал Валерину фирму. – Мне за тобой приказано присмотреть.

– Стойте там, а то я буду кричать!

– Да спокойно. Это тебе во благо. Знаешь, как сейчас мечтает кто-то, чтобы ты замолкла навек? Надо спрятать твоего сына раньше, чем они к нему доберутся. Ты скажи, где его найти? Ты и сын пока побудете здесь, думаю, мы быстро вычислим, кто такие у нас враги.

«Да, конечно, – подумала Света. – У них ведь теперь война. А она для них – просто пешка, лишь свидетель. И что сделаешь? – Бизнес есть бизнес...».

Но ей так хотелось надеяться, что и кроме бизнеса есть ещё что-то...



Адлан ЮСУПОВ

“Незримой нитью нас судьба связала...”

Надоело жить в страхе, сочувствуя
Безвозвратно ушедшим годам.
И терпеть, как пытку, предчувствие,
И носить его метку как шрам.

Где найти бы такую отдушину,
Чтобы чувства имели исход,
И не бились в плену равнодушия,
Утомлённые болью невзгод.

Незримой нитью нас судьба связала.
И рада, что жонглирует игрой,
Которую смеясь нам навязала,
В которой мы всего лишь перетной.

Столпотворение эпох
У необузданной планеты
Напомнил мне переполох —
Недобрый взгляд дурной приметы.
К чему такая суета!
Мы для того, чтоб кануть в Лету,
Где нет ни чёрта, ни креста,
Ни тьмы крошечной, ни рассвета.

С праздной жизнью давно я в расчёте,
Но а если остался должок,
Пусть мне крылья обрежут на взлёте,
Или пулей прострелят висок.

Всё равно судьба не сложилась.
Все мечты утонули в пыли.
Цель кривою чертой преломилась
И стрелой просвистела вдали.



Я люблю погрузить в зимний вечер,
Когда светит большая луна,
Когда звёзды мерцают, как свечи,
У простуженного окна.

В этот час моё с грустью соседство
Обретает душевный покой.
Вспоминается сладкое детство,
Новый Год, Дед Мороз с бородой.

Белоснежные дикие дали,
В неизвестность летящий буран.
И печали, печали, печали,
Неизбежности лёгкий обман.

Ещё пока течёт кровь в жилах,
Блеск не совсем исчез в глазах,
Уверен я, что в наших силах
Преодолеть животный страх.

Быть раболепным, быть за гранью
Презренья собственной души,
И значит быть последней дрянью,
Решившей спрятаться в тиши.

Ангел смерти уже на пороге,
Он без стука откроет дверь.
Хоть в последний миг вспомни о Боге,
Если ты человек, а не зверь.

С небом скоро сближение будет.
Сбылся день роковой, как упрёк.
Сборщик душ о грехах не забудет,
Как бы не был высок и далёк.

Осенние дни равнодушны
К холодным дождям и ветрам,
Без окон, дверей ненужным
На зыбком юру стоит храм.



Заброшенный чёрствым народом
(Теперь он жильё для ворон...),
Он смотрится жалким уродом,
Как с проклятых Богом сторон.

И словно поэта химера,
Витает в обители страх.
От ужаса корчится вера,
Где слёзно молился монах.

Над светлой берёзовой рощей
Свинцовые тучи ползут.
Добрее быть хочется, проще,
Да мысли никак не дают.

Да голос тревожный кукушки,
Как будто случилась беда.
Прислушался. Плачет церквушка,
И нет сил бежать от стыда.

Декаданс

Я слышу печальные звуки,
Плач ветра с далёких полей.
И вдруг опустились руки,
И сердце забилося сильнее.

Пронзённые горечью странной,
Все мысли теперь о тебе:
Далёкой, надменной, желанной,
Неверной ни мне, ни судьбе.

В твоих откровениях лживых
Надежды казались чисты.
Они усмиряли строптивых,
Как роковые мечты.

Играя на чувствах, как скрипка,
Ты душу могла пробудить.
А в грустной и милой улыбке
Бесилась коварная прыть.

Сдружиться с капризной медузой,
Потрёпанной синей волной,
Гораздо труднее, чем с музой, —
Обожествлённой луной.

Печальные звуки, не надо
Забывтый мираж ворошить.
И чёрными розами ада
Судьбу мою благодарить!

г. Караганда.



Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

(Продолжение. Начало в №№ 1-10 за 2011 год)

1 июля 1997 года

Коллектив предприятия «Экибастузтеплоэнерго» выдвинул ультиматум акиму города: если не будут погашены долги по зарплате за прошлый и первое полугодие нынешнего года, отпуск горячей воды с Экибастузской ТЭЦ городу будет прекращён. Власти ведут переговоры со стачечным комитетом предприятия.

Кульпаш Кобырова пообщалась с представителем немецкой фирмы «НТД», взявшей в управление угольный разрез «Майкубенский». Он не скрывает, что фирма надеется неплохо заработать на добыче и реализации майкубенского угля — самого дешёвого в мире и, пожалуй, лучшего по качеству во всём Экибастузском бассейне. Сегодняшняя цена его — 530 тенге, или семь с половиной долларов за тонну. Это немисливо дешёво, поэтому фирма намерена приобрести контрольный пакет акций предприятия.

Теперь все угольные разрезы Экибастуза принадлежат иносфирмам или управляются ими. «Майкубенский» территориально относится к Баянаульскому району.

3 июля

Понедельник — вполне оправдывающий свою характеристику дня тяжёлого... С утра пришёл пожаловаться на жизнь бывший главный редактор облтелерадиокомпании. Его сократили за ненадобностью. А ему 57 лет, из которых 17 отдано телевидению и радио, и шансов найти работу нет. Чем я могу ему помочь, если сам сокращаю людей?

Пришлось отстранить от обязанностей ответсекретаря Н.М. Он — труженик, каких поискать, рабочая лошадка редакции, но пьёт, и уже не раз именно из-за него газета оказывалась на грани срыва. Увольнять его не буду — без газеты и вовсе свихнётся. Из родного дома его выставили, жена и дети относятся к нему с пренебрежением, хотя живут, главным образом, на зарабатываемые им деньги. Он же как будто надеется, что они вот-вот позовут его обратно.

Одно время я пытался помочь им с женой наладить отношения. Да где там!

Теперь вот сын его — исполнитель песен собственного сочинения — решил завоёвывать Москву. И бывшая супруга настоятельно рекомендует Н.М. отправиться туда же, устроиться на работу и помогать сыну, который ещё сам не знает, чего хочет.

Я сказал Н.М.: «Приходи в себя, останешься пока в корреспондентах...».



И жалко его, и оставлять всё, как есть, нельзя.

А вечером принесла заявление Ольга Воронько. Повод, по сути, ничтожный: написала интервью с певцом А. Розенбаумом, побывавшим в Павлодаре на гастролях. Л. Гришина Ольгин текст поправила и подсократила. Ольга пришла ко мне: «Можно я восстановлю некоторые строки?». Я сказал, что уже выправленный материал смотрел, вопросов у меня не возникло, о деталях договаривайтесь без меня. И вот — заявление...

Эти межличностные женские отношения уже давно у меня в печёнках. Вот и Ольгу к кому только в редакции ни прикреплял — всё без особого успеха. Характер у неё, конечно, не сахар, подчиняться не любит. Но за годы, проведённые у нас, она профессионально выросла. Есть у неё настоящее журналистское чутьё и бойцовский характер, оттого и материалы за подписью О. Воронько отличаются «лица необщим выраженьем». Но вот нашла в очередной раз коса на камень, и теперь Ольгу не удержать. А может, и не надо удерживать — наверное, ей уже отчасти тесны рамки «ЗП».

Сказал, чтобы подумала ещё, а, если не передумает, я не закрываю для неё двери редакции на будущее.

Контора наша потихоньку рассыпается... Сократили Г. Жаманбалинова и Н. Дворянинову — тоже не лишние людей в «ЗП» — просто надо было ужиматься. Сам ушёл Олег Петухов — бесспорно, способный человек, но не вписался в нашу атмосферу. Теперь вот ещё В.С. Богормистова уезжает...

Опять нас газета «Вместе» обставила. Мы дали короткие информации об акциях протеста пенсионеров в Павлодаре, а они — обстоятельный материал. И умудрились в нём пройти по грани — рассказать о случившемся, притом корректно и сдержанно, а также изложить позицию властей. Всё это и мы могли бы сделать, но нас всё время стреножат по рукам и ногам. И мы оказываемся не на высоте.

Вечером, как будто в противовес всем гадостям этого дня, пришли и положительные эмоции. Были с Данькой и Ольгой на выпускном вечере у Димки. Временами становилось приятно: когда его вывели на сцену в числе тех, кто сдал вступительные экзамены сразу в два вуза; когда нас с Ольгой называли в числе тех, кто помогал школе-лицею; когда выступала Ольга... Вообще, молодцы они в этом лицее: из 44 выпускников 40 уже поступили в вузы, преимущественно российские, а некоторые сразу в два или три...

А Димка, хоть и без пяти минут студент Омского технического университета, ещё тот обалдуй — две тройки в аттестате: по английскому и по истории (что уж совсем позор). Хоть бы дальше не свихнулся, а пока у него есть всё, чтобы стать человеком.

5 июля

Н.А. Назарбаев выступил с обращением к пенсионерам республики, пообещав до конца года погасить все пенсионные долги. Текущие же пенсии будут выплачиваться регулярно: в наступившем месяце за предыдущий. А мы, все работающие, отныне будем жить по новому пенсионному закону (опубликовали его в предыдущем номере).

В Павлодаре продавали в рассрочку земельные участки для малого бизнеса. Стоимость квадратного метра (первоначальная) определена правительством. В Павлодаре она колеблется от 250 до 650 тенге за квадратный метр. Самая высокая цена — 2,5 миллиона тенге — была предложена за участок на углу улиц



имени Кутузова и Амангельды (868 тенге за квадратный метр при начальной стоимости 650 тенге).

Если верить О. Григорьевой, вернее, Ф.Б. Николаеву, директору ТОО «Иртыш-релком», наша область лидирует в Казахстане по уровню развития компьютерных сетей. Николаев предрекает Интернету немислимое будущее, уверяя, что со временем компьютер заменит телевизор, радио, и даже газету можно будет читать не на бумаге, а на экране. Уверяет, что можно сделать и «ЗП» в электронном варианте, и тогда её смогут читать во всём мире — все, у кого есть компьютер, подключённый к Интернету.

Как это всё напоминает фильм «Москва слезам не верит», один из героев которого предрекал: в будущем не будет ни кино, ни театра, а одно сплошное телевидение.

Добавление из 2009 года. Когда писал эти строки, и предполагать не мог, что уже буквально через несколько лет у нашей газеты появится электронная версия. Но идея эта будет не моя, а Данькина. Я же буду ей всячески противиться (мол, не до этого сейчас, дай с другими срочными проблемами разобраться!). К счастью, он настаивает на своём, и «ЗП» первой из областных государственных газет в Казахстане заберётся в дебри Интернета. А мы будем время от времени публиковать в газете «Приветы из Интернета» землякам из Европы и Израиля, письма наших читателей даже из США, Канады, Австралии и Японии, помогать людям, которых разбросала судьба, вновь обрести друг друга...

Опубликовали подборку стихов В.Г. Семерьянова. Мне понравились два четверостишия:

*А время катится к вечеру,
И некогда жизнь поменять.
Но это неправда, что нечего,
Что некого нам вспоминать.*

И второе, посвящённое С.А. Музалевскому:

*Бессребреники, мечтатели,
Работяги, честны, прямы,
Постарели наши читатели,
Постарели с ними и мы.*

8 июля

Посмотрели с Ольгой новый казахстанский фильм «Шанхай». Ничего вроде особенного, но трогает за душу, есть в нём поразительная человеческая интонация. Особенно хорош наш В. Толоконников, ставший знаменитым после роли Шарикова в «Собачем сердце». Очень давно не были в кино и не пожалели, что пошли.

За что боролись — на то и напоролись! Только что по «Маяку» услышал: освобождён от должности главный редактор «Известий» И. Голембиовский. То, что не удалось в своё время Горбачёву, намеревавшемуся его сместить, а позднее Хасбулатову, собиравшемуся вернуть «Известия» в лоно Верховного Совета России, легко сделали «Лукойл» и «Онексимбанк», в чьих руках теперь контрольный пакет акций акционерного общества, владеющего газетой.

Как Голембиовский когда-то заявил, что не страдает синдромом благодарности, и уволил более трети сотрудников газеты, которые, на его взгляд, не вписывались в новую концепцию «Известий», так и нефтяная компания



и банк необременены аналогичным «атавизмом» по отношению к газете — главному рыночному глашатаю в бывшем Союзе и нынешнем СНГ. Если Голембиовскому человеку неведомы чувства признательности и жалости, то рынку — тем более.

Поводом к смене власти в «Известиях», конечно же, стала публикация о миллиардном состоянии В.С. Черномырдина. Разумеется, газета, многие годы отстаивающая новые демократические ценности и учившая жить других по новым правилам, пыталась поднять волну протеста, бушевала демократическая общественность... Как можно допустить, чтобы газета — демократический лидер, нравственный ориентир нашего времени, запросто перешла в другие руки, сменила собственника и вообще управлялась как обычное предприятие! «С учётом особой роли «Известий» и правила обращения с ней должны быть иными!» — говорили защитники газеты. Были организованы письма протеста, звучали возгласы: «Куда смотрит президент?». И я даже грешным делом думал: а что, может, и на этот раз возьмут горлом — и для «Известий» будет сделано исключение? Но — хренушки — это вам не в перестройку при коммунистах и не при демократическом российском Верховном Совете ельцинско-хасбулатовского розлива! Тем более что все, кому положено знать, давно знали: «известинская» верхушка уже давно играет по своим собственным правилам — и когда определяет редакционную политику, и когда распределяет акции — в свою, разумеется, пользу. Так что возмездие, если можно так выразиться, вполне заслуженное. И не злорадство во мне говорит, когда я пишу эти строки, а горькое сожаление: мне действительно жалко «Известия», которые наверняка ждут большие перемены. И прежних «Известий» нам больше не видеть.

10 июля

По данным республиканского статистического агентства, среднемесячная зарплата в марте (это самые свежие данные) составляла 126,6 доллара, или 9492 тенге. Для сравнения: в Атырауской области (там нефть добывают) — 171,1 доллара, в Алматы — 130,6, в Актыбинской — 128,7, бывшей Семипалатинской — 99,9, Жамбылской — 78,8, Южно-Казахстанской — 70,4 доллара. В соседних с нами областях России: в Омской — 137,1, Новосибирской — 144,2, в Алтайском крае — 103,3, в Москве — 214,4, Ташкенте — 83, Бишкеке — 46,6, Душанбе — 17,3 доллара в месяц.

12 июля

Науму Григорьевичу Шаферу, участвовавшему в подготовке к печати третьего тома полного собрания сочинений Михаила Булгакова («Драматические и оперные либретто М.А. Булгакова»), присуждён грант международного фонда Сороса.

Уже в который раз Н.Г. Шафер доказывает, что провинции не бывает.

Генерал Лев Рохлин, председатель комитета по обороне Госдумы России, обнародовал открытое письмо к Б.Н. Ельцину, в котором предупреждает его о том, что ядерные силы России приходят в полный упадок, и призывает офицеров бороться против планов сокращения армии. Рохлин также открыто обвинил Ельцина в развязывании войны в Чечне и в плачевном состоянии всей армии.

Б.М. Ишутин написал большой материал под заголовком «Маленков в Экибастузе». Бывший ближайший соратник Сталина и Председатель Совета Министров СССР, записанный Хрущёвым в антипартийную группу («Молотов, Маленков, Каганович и примкнувший к ним Шепилов» —



так они были названы в специальном постановлении ЦК КПСС) десять лет, с 1958 по 1968 годы, работал директором Экибастузской ТЭЦ. Той самой, что строил когда-то политический заключённый и будущий нобелевский лауреат А.И. Солженицын. Вот какие сюжеты подбрасывает жизнь...

Многие экибастузцы до сих пор вспоминают Маленкова по-доброму: и работу станции наладил, и быт рабочих улучшил, и озеленением занимался (сам саженцы привозил), и ключи от собственной небольшой дачки давал знакомым экибастузцам, которым негде было в Москве остановиться (это уже после его возвращения в столицу). Некоторые даже предлагают установить Маленкову мемориальную доску на той самой ТЭЦ.

Нашёлся, однако, другой экибастузец, Г. Поляков, напомнивший о других «заслугах» Г.М. Маленкова. Два материала поставили рядом, и, боюсь, сторонников будет куда больше у первого — того, что написал Б.М. Ишутин.

Тем временем в Экибастузе закрылся последний книжный магазин «Кругозор». В его помещении отныне функционирует пивной бар. А что — тоже нужный городу объект и к тому же субъект малого предпринимательства.

Уже не раз писали о бедственном положении птицеводства, и вновь Геннадий Бабин возвращается к этой теме. Когда-то область не только себя обеспечивала куриными яйцами и птичьим мясом, но и поставляла их в другие области. И даже в самые «дефицитные времена» никогда не были у нас дефицитом ни яйца, ни курятина. За пять лет рыночных реформ приказали долго жить птицеводхоз «Авангард» (крупнейшее специализированное хозяйство в республике), современные птицефабрики — Ермаковская, Щербактинская и Экибастузская. Ещё дышит «Кызылжарская», но и та ещё неизвестно сколько продержится. Оказывается, дешевле привезти из Америки куриные окорочка неизвестно какой давности, чем выращивать кур самим.

13 июля

Решили отселить Даньку — благо есть куда. Пусть поживёт сам, приучается к самостоятельности. Само собой, это не значит, что мы ему отказываем от дома. Похоже, и он отнёсся к этой идее с воодушевлением — наверное, надоела чрезмерная родительская опека.

17 июля

Кражи телефонного кабеля в Павлодаре и Экибастузе стали обычным делом. И в Экибастузе пытаются внедрить невиданную в мире практику. У тебя не работает телефон из-за того, что где-то поблизости вырезали и унесли кабель? Оплати сам или в складчину с соседями покупку нового — и телефоны подключат. Хорошо ещё не додумались требовать сам кабель. Нашлись бы, наверное, умельцы-рационализаторы — вырезали бы где-то и приносили.

37 лет работает на Павлодарском судоремзаводе Л.П. Ляшко, из них 17 лет — директором. При нём это по-своему уникальное предприятие достигло своего расцвета: построено почти полторы сотни судов различных типов и столько же примерно ежегодно ремонтировали. Теперь почти всё это — в прошлом. Грузовой флот большей частью разбазарен, а меньшая часть ржавеет без дела. Нет заказов и у завода, перебиваются случайными заработками. В последние годы изготавливали пылеугольные горелки для энергетиков, демонстрируя высокий класс мастерства. Стали делать десятки наименований для Аксуской ГРЭС. Но всё это мелочи по сравнению



с тем, что делалось раньше, и тем, что завод ещё в состоянии делать.

Л.П. Ляшко, о котором мы написали, говорит: пока не всё потеряно. Но, похоже, и сам не очень верит в это.

Гигантскую аферу провернула в новой столице фирма «Акмола-Континент», награв примерно 500 человек на миллион долларов. Схема обмана была предельно проста: людям обещали работу на нефтяных промыслах Норвегии с заработками до 150 долларов в день. Но за оформление документов претенденту предлагали заплатить от 500 и более долларов. И многие на это пошли. В фирму рекой потекли деньги из Караганды, Петропавловска, Павлодара, Джамбула и даже Алтайского края... И вдруг «фирма» пропала. Как выяснилось, работала она на вполне законных основаниях, и руководство её уехало в Москву — якобы для оформления документов. И с тех пор руководящую тройку никто не видел. Помимо прочего, с ними пропали и паспорта несостоявшихся нефтедобытчиков.

Теперь даже милиция не знает, как расхлёбывать эту кашу.

19 июля

Опубликовали закон «О языках в Республике Казахстан». В нём, в частности, сказано: «Языком работы в делопроизводстве государственных органов и органов местного самоуправления... является государственный язык, наравне с казахским официально употребляется русский язык».

Несколько скучноватый, но содержащий любопытные сведения материал Э.Д. Соколкина о создании и начале работы «низшей сельскохозяйственной школы» в Павлодаре, основанной в 1888 году, когда в неё было принято 23 ученика.

Уже не раз вижу мужика, скромно, но прилично одетого, ничем не похожего на бомжа или алкаша, роющегося в мусорных баках, установленных чуть поодаль от многоквартирных домов. У него несколько сумок, и выброшенное кем-то за ненадобностью он, наверное, сортирует. Однажды хотел подойти к нему, поговорить, но постеснялся. И вообще-то зря...

22 июля

Похоронили в Иртышке Ольгину тётку. Своего мужа-фронтовика, брата Ольгиного отца, дядю Илью, тётя Маша пережила ровно на год. Жила одна и умерла одна — соседи нашли её лежащей в ночной рубашке и тапочках возле кровати. Они же взяли на себя первые хлопоты — заказали гроб, могилу, машину, а потом и обед готовили. Так что есть ещё, живо в наших людях сострадание, спасибо им...

Уже писал: у казахов есть традиция — отмечать юбилеи знаменитых земляков на их родине. И даже если живут именитые соотечественники в столицах и других городах, праздновать отправляются туда, где родились... За последние годы побывал на таких чествованиях в Баянаульском, Майском, Щербактинском, Иртышском и других районах. Знаю, что нелегко бывает организовывать такие празднества — с подарками юбилярам, весьма по нынешним временам дорогостоящим (от ковров и телевизоров до коней, автомашин и даже квартир), обильным угощением и т.д. и т.п.

И ведь не глупые люди эти юбиляры, понимают, как тяжело живётся сегодня землякам, а многие сельчане попросту бедствуют. Но верх берут традиции, менталитет: положено, без тоя на родине и юбилей не юбилей. Впрочем, и юбиляры местного пошиба стараются не отстать от столичных. Такие банкеты



закатывают в ресторанах — диву даёшься!

Уехала в Россию В.С. Богормистова. Помог ей через А.С. Саркыншакова заполучить контейнер (тоже теперь дефицит), выписал прощальную премию — два месячных оклада. Перед отъездом ещё раз зашла, благодарила.

Туманными остаются наши перспективы вернуть долг Иртышского района за подписку — 1 миллион 400 тысяч тенге. Это сами иртышане предложили схему — за подписку они рассчитаются зерном... Мы дали «добро» на этот бартер почте с условием, что деньги нам вернут после продажи зерна. Зерно иртышане отдали фирме «Мади», та его давно куда-то спланила, а деньги почте не отдаёт. Почта с фирмой судилась и суд выиграла, но денег так и не получила. Скорее всего, тут «в доле» и кто-то из верхушки районной власти. Я позвонил заместителю акима района, который подписывал гарантийное письмо, и сказал, что мы поднимем скандал в газете, назовём все имена — мало никому не покажется. Если превентивная угроза не подействует, дадим материал.

23 июля

Подписано соглашение «Об упрощённом порядке приобретения гражданства гражданами Республики Казахстан, прибывающими на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, и гражданами Российской Федерации, прибывающими на постоянное место жительства в Республику Казахстан». Наконец-то хоть о чём-то действительно важным договорились наши правители.

Ещё не так давно в нашей области насчитывалось почти полтора миллиона овец (это только совхозно-колхозных). Осталось всего 220 тысяч, преимущественно в двух районах — Баянаульском и Майском. В Лебяжинском, некогда славившемся мериносовыми овцами, их теперь только 32 тысячи. Когда-то в одном здешнем совхозе имени XXIII партсъезда овец было больше.

Уже третий год государство не закупает шерсть, а овцы давно превратились в разменную монету при бартерных операциях, это главная «валюта» на селе. Специалисты говорят, что потребуются десятилетия для возрождения отрасли в её прежних параметрах.

Общался с А.С. Саркыншаковым. С досадой говорит о реформах на железной дороге. В Казахстане упразднены все отделения дорог, в том числе и Павлодарское (как самостоятельное) — не только самое крупное в республике, но и во всём бывшем Союзе. Как о вполне реальной перспективе говорит Аби Саркыншакович о том, что будущей зимой могут быть заморожены целые города. Никто не спешит создавать необходимые запасы угля для ТЭЦ, которые должны их отапливать. А когда наступят холода, железнодорожники могут просто «не переварить» резко возросшие объёмы поставок топлива.

24 июля

Россия «перекрывает кислород» (то бишь ограничивает поставки газа) на Украину и в Белоруссию, поскольку они за него почти не платят. Переговоры «Газпрома» с белорусами длились восемь часов. Президент А.Г. Лукашенко обещал погасить долги до конца года. Долго же России и Белоруссии придётся создавать единое государство при таких взаимоотношениях.

Какие-то немыслимые вещи происходят у нас в последнее время. Р.К. - Ахметбеков, алматинец с двумя высшими образованиями (физик и экономист),



взял в оперативное управление с последующим выкупом развалившийся совхоз «Заря» Павлодарского района (когда-то один из лучших по производству картофеля, овощей, молока и мяса). Надеется создать здесь целый агрокомплекс: наладить выращивание картошки на поливе, организовать несколько мини-заводов по переработке молока и мяса. До этого он работал директором внешнеэкономической фирмы при Министерстве внешнеэкономических связей и, наверное, ещё и потому смог найти инвесторов, готовых вложить деньги в его проект. Это иранская (!) фирма, хозяин которой индеец. Фирма имеет десять заводов по производству медицинского оборудования и продуктов питания и 40 филиалов в разных странах. В Иране у неё три завода, а центральный офис — в Чикаго (США). Руководство фирмы побывало на днях в Павлодаре и, как уверяет Р.К. Ахметбеков, готово финансировать новое предприятие.

Попросил Г.А. Бабина, написавшего об этом материал, последить за тем, как пойдут дела в бывшей «Заре».

В первом полугодии нынешнего года прирост объёмов производства в области зафиксирован только в металлургии: на два процента увеличился выпуск ферросплавов и на три — глинозёма. Всё остальное — в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве — продолжает валиться...

Выпущено 1302 трактора, 118 бульдозеров, семь мостовых кранов — меньше, чем в прошлом году, соответственно, на 18, 44 и 67 процентов. (Из отчёта обстатуправления).

Казалось бы, уже всё мы знаем об ужасах депортации... Но вот читаю материал В.Д. Болтиной и снова ужасаюсь. Кого только к нам ни высылали — и до революции, и после. Вот лишь некоторые из приведённых ею фактов.

На 28 сентября 1941 областью были приняты и расселены 21 147 иранцев из западных областей Белоруссии и Украины.

С 29 октября по 14 ноября 1941 года прибыли 13 эшелонов (610 вагонов), доставивших 30169 немцев. На 1 мая 1942 года «спецпереселенцев» было уже 42997 человек: немцев — 37703, русских — 1085, украинцев — 127, эстонцев — 14, грузин — 13, молдаван — 12, латышей — 11, французов (!) — 10, румын — 9, поляков — 8, евреев — 6... А также татары, чехи, мордва и по одному мадьяру, австрийцу, армянину, осетину и турку.

В марте 1944 прибыла 8651 семья с Северного Кавказа — 41773 человека (чеченцы и ингуши, балкарцы, калмыки, те же немцы и т.д. и т.п.).

Разве могла принять и обустроить слабосильная по тем временам область без малого сто тысяч человек? О том, как им подчас жилось, свидетельствуют сухие строки документов. В колхозе «Искра» Цюрупинского района были расселены 89 семей (527 человек). И далее — цитата: «В одной семье из 12 человек умерли от истощения и холода 6 человек взрослых, трупы которых находились до обследования комиссией в доме вместе с оставшимися там в живых детьми...».

26 июля

Аким Павлодара В.И. Пыхтин обращается через нашу газету к горожанам с просьбой — платить за жилищно-коммунальные услуги. Иначе городу нечем будет финансировать его подготовку (и в первую очередь ТЭЦ) к зиме.

Зато в Экибастузе возвращают к жизни местный аэропорт. Идёт сбор средств на покупку самолёта вскладчину. «Вложиться», как пишет наш П. Оноприенко, готовы не только работающие в городе инофирмы, но и некоторые состоятельные экибастузцы. Как-то я прилетел из Алматы в Экибастуз (билетов в



Павлодар не было), а дальше самолёт «Ту-134» летел в Москву.

27 июля

Покончил с собой врач Николай Михайлович Лебедев. Анестезиолог, врач высшей категории, 36 лет проработал в областном противотуберкулёзном диспансере. Шесть месяцев он, как и все здесь, не получал зарплаты. Жена сидела в вынужденном отпуске, без содержания. Понемногу помогал зять. А когда родила дочь, Лебедев не смог пойти в роддом — не решался с пустыми руками.

Долг за квартиру перевалил за 30 тысяч тенге. Из-за нехватки средств закрыли операционную, Лебедева перевели в реанимацию и тут же отправили в отпуск. Само собой — без денег. В конце недели поехал на дачу поливать, а воду из-за долгов отрезали... Чаша терпения оказалась переполнена... Нашли его лишь спустя несколько дней — специально ушёл подальше от дома...

И невыносимая его жизнь, и вынужденная смерть — приговор реформаторам, всё время уверяющим будто жить становится лучше...

Зарплата в сельском хозяйстве (по официальным данным) в пять раз меньше, чем в промышленности — соответственно, 2816 и 14737 тенге. Да и кто её видит, ту зарплату, на селе? А мы ещё чего-то хотим от замордованного нуждой сельчанина!

Продолжается тотальное выбивание денег из должников Пенсионного фонда. В суды направлены на них 514 исков. Руководителям предприятий-должников «светит» статья Уголовного(!) кодекса — от штрафа максимум в 500 месячных расчётных показателей до лишения свободы сроком на два года.

30 июля

Димка зачислен в Омский технический университет, на факультет автоматизации, специальность какая-то мудрёная, я никак не запомню. Правильно мы с Ольгой сделали, что перевели его три года назад в лицей, где уровень преподавания — самый лучший в Павлодаре. Теперь дело за малым — чтоб не свихнулся в большом чужом городе, нормально учился и доучился не в пример старшему брату...

Читаю роман Е. Евтушенко «Не умирай прежде смерти». Талантливость и значительность его (романа) сильно преувеличена (это я к тому, что Е.Е. в интервью нашей газете говорит: роман уже отмечен престижной зарубежной премией и даже самим Биллом Клинтон). Есть в книге очень сильные куски, есть подкупающая искренность, есть яркие образы. Но налицо и заданность, заидеологизированность, неоправданные натяжки. Намешано там всего... Временами возникает ощущение, будто автор-торопыга всё время себя подстёгивал: быстрее пиши, быстрее — и всё время думал — как бы его не опередили... Ну и, конечно, по части пиетета по отношению к себе любимому Евгений Александрович также не оплошал — он даже, как будто, страданиями своими любит.

Кто-то из великих якобы уже предсказал Евтушенко, что он войдёт в 21 век как великий прозаик. Может быть, и войдёт, но только не с этим романом.

А вот чего не отнять у Евгения Александровича, так это его невероятной работоспособности, умения держать нос по ветру (в самом лучшем смысле этого слова, потому что он, как поэт, всегда современен), его подвижнического служения русскому поэтическому слову. И хоть временами его бывает многовато, это не страшно и, скорее, закономерно и по заслугам, ведь он, бесспорно, крупная личность.



Недавно подумал вот о чём: сколько умных людей в России! Среди политиков высшего слоя, учёных и публицистов... Сколько в России интеллектуалов! Вот лишь несколько фамилий, что много лет на слуху (перечисляю первые пришедшие на память, независимо от моих личных пристрастий)... Академики Абалкин, Аганбегян, Петраков... Политики Гайдар, Чубайс, Явлинский, Попов, публицисты-учёные Бунич и Шмелёв... А ещё оба Яковлевы (Александр Николаевич и Егор), Олег Попцов... Да тот же Горбачёв... И, как принято говорить, этот список можно продолжать и продолжать. Но если все они там такие умные, почему же в России дела идут так хреново?

Как минимум один ответ на этот вопрос у меня есть. Умные-то они умные, но это отнюдь не значит, что им можно доверять рычаги управления городами, областями, отраслями, а тем более государством. Управление — это ведь тоже работа, которая требует известных навыков, то есть профессионализма. Не нужно быть гением и интеллектуалом, чтобы построить дом — для этого надо быть просто толковым строителем, обладающим определёнными знаниями и навыками. А теперь представим себе, что дом возьмётся строить бригада интеллектуалов или, тем более, политиков новой волны, кроме умных разговоров ничем другим себя в жизни не зарекомендовавших... Они такого понастроят! То же — и управление государством: после «парада суверенитетов» в Грузии, Азербайджане, Киргизии, Белоруссии, да и в России эти республики взялись реформировать признанные народами демократические лидеры (а некоторые из них к тому же интеллектуалы), не обладающие при этом никакими «строительными навыками» (читай — умением управлять государством). А тут ещё всеобщий бардак, неразбериха — и в экономике, а ещё больше в головах людей... И если на разрушение уже созданного большого ума не надо, то для созидания одного желания мало... Вот и получили в итоге то, что получили.

Но как же быть с этим сонмом умных людей, которые всё и всегда могут объяснить: сначала — почему «так жить нельзя», а потом — почему ничего не вышло из того, что они советовали или взялись делать... Посадить их всех на «философский пароход», как некогда сделал В.И. Ленин, и отправить за границу или отправить в лагеря, как сделал позднее И.В. Сталин? Но наша многострадальная история убеждает в обратном. Поэтому пусть спорят, оппонируют, советуют, получают учёные степени и звания, но не лезут строить и управлять. Потому что большинство из них к этому совершенно не способны.

31 июля

Побывал на 280-летию Железинки и написал материал «Как живёте, земляки?». А живут они, прямо сказать, хреново. Повидался с бывшими директорами совхозов Ахметвали Шариповым, Сергеем Николаевичем Семаниным, бывшим главой района Геннадием Гавриловичем Сокуреном. Грустная была встреча... Говорили больше о прошлом, и у некоторых моих собеседников слёзы на глаза наворачивались.

И не ездить на родину — плохо, а съездишь — одно расстройство.

Опубликовали письмо нашего читателя И. Гайля из села Майск Майского района. Пишет, что нашу газету им доставляют два раза в месяц. А ведь это — не край света. Письмо Гайля пролежало на почте месяц, после чего он отправил его с оказией — через Курчатов, и оно добиралось к нам через Семипалатинск.



2 августа 1997 года

Не найдя других способов вернуть долги по зарплате бюджетникам, и прежде всего учителям, областные власти берут в правительстве кредит в 500 миллионов тенге, гарантом которого выступает наш нефтеперерабатывающий завод.

Зарплату учителям платить, конечно, надо, но ведь и кредит надо будет возвращать. Или опять будут создаваться мобильные группы по типу тех, что изымали хлеб у сельчан? Только что они могут взять с ничего бюджета?

С 10 мая находится в плену у чеченских боевиков съёмочная группа НТВ и почти два месяца — два корреспондента программы «Взгляд». О судьбе ни тех, ни других ничего не известно. Это к вопросу о том, кто сегодня правит балом в Чечне.

4 августа

Позади выходные, более-менее спокойные. Всё поспевает на даче. Я люблю эту пору — уже нет комарья, не так жарко и видны плоды нашего относительно усердного труда. Даже мать, побывав здесь с нами в минувшую субботу, оценила их.

Смотрел вчера итоговую (за неделю) программу «Время» по ОРТ и беспрерывно плевался (хорошо ещё — не в прямом смысле, иначе заплевал бы весь новый ковёр). Вся программа состояла по сути из двух тем. Первая о том, какой подлец президент Белоруссии Лукашенко, едва ли не самолично приказавший задержать журналистов ОРТ (граждан Белоруссии), которые вели съёмки на стыке границ России, Белоруссии и Литвы. Лукашенко, конечно, тоже хорош: не царское это дело заниматься самому подобными вещами, да и вообще арестовывать журналистов — не от большого ума. Хотя и его по-человечески понять можно: допекли! Мало того что «долбили» его по всякому поводу и без него, издевательски интерпретировали всё, что делает в Белоруссии «батяка», так ещё и явно провоцировали здешние спецслужбы на «ответные меры», демонстрируя на телеэкране — мол, никакая тут не граница... Ну и не выдержали президентские нервы... Потому что и до этого в чём только ни обвиняла Лукашенко российская демократическая пресса: и в диктаторских замашках, и в желании захватить власть в случае объединения России и Белоруссии в единое государство, и в том, что такой союз разорит Россию...

Конечно же, глупо было хватать журналистов, а тем более бросать в тюрьму. Во-первых, всё равно придётся отпустить, а, во-вторых, это такой подарок противникам Лукашенко в России (да и в «цивилизованном мире» у него репутация ещё та), о котором они и мечтать не могли.

И вот уже пущена в дело «тяжёлая артиллерия»: лично Б.Н. Ельцин грозит по ТВ белорусскому президенту и выговаривает ему как своему подчинённому. Вместо того чтобы снять телефонную трубку, а заодно и сам вопрос, который не стоит выеденного яйца. Всё-то у нас делается не по-людски: и Лукашенко со своими нарочитыми бессмысленными строгостями, и российские демократы с их истерической ответной атакой.

И вот второй сюжет — вокруг приватизации «Связьинвеста», 25 процентов акций которого выставлены на продажу. Ведущий — харизматичный Сергей Доренко — «несёт» (иное определение и подобрать трудно) группу «Онексим», которая якобы стоит за этой сделкой, действует воровскими и прочими грязными методами... И т.д. и т.п. При этом большинство телезрителей (как, впрочем, и я)



совершенно не понимают, что же на самом деле происходит — из-за чего, собственно, сыр-бор? И только самые продвинутые (особо посвящённые — не в счёт) догадываются: «прихватизируют», то есть прибирают к рукам оставшиеся неподделёнными лакомые кусочки. Это и есть звериный оскал нынешнего капитализма, в котором правят власть и деньги, или, вернее, деньги и власть. И плевать тем, кто установил такие правила игры, и на прессу, и на правоохранительные органы, и на общественное мнение...

5 августа

Умер Святослав Рихтер. В.Ф. Поликарпов как-то рассказывал мне о том, как бывший руководитель Павлодарской филармонии Владимир Линчевский сумел заманить выдающегося музыканта в наш город. Линчевский уже работал в Москве и был одним из тех, кто готовил гастроли Рихтера в Японии. Часть пути в эту страну Рихтер хотел проехать на автомобиле и, как ни уговаривали его отказаться от этой затеи, настоял на своём. А Линчевский так выстроил маршрут, что на его пути оказался Павлодар. И Рихтер дал концерт в нашем музыкальном училище, при переполненном зале. Маэстро даже разрешил поставить стулья для слушателей на сцене, где он играл. Говорят, другого такого концерта в Павлодаре не было за всю его историю.

Сегодня около двух часов провёл в обществе Евгения Евтушенко. Было это в доме-музее Павла Васильева, в узком кругу...

Евтушенко для людей моего, да и не только моего поколения, интересующихся литературой, ещё и теперь остаётся не просто кумиром — небожителем... Я помню, с какой жадностью читал в десятом классе (без малого 30 лет назад!) его поэму «Братская ГЭС», только что опубликованную в «Юности». А «Балладу о ласточке» из неё даже выучил наизусть — так она меня захватила. Понимаю сейчас, что стихи были совсем не выдающиеся, но как сильно та незамысловатая, грубовато-нежная история о любви трогала мою романтическую душу. Я до сих пор помню «Балладу» и даже иногда читаю в кругу друзей. И ведь слушают и слышат!

Позже, уже учась в КазГУ, узнал, что в драмтеатре имени Лермонтова пройдёт единственный поэтический вечер с участием Евтушенко. Как я хотел попасть на этот вечер! Но шансов не было почти никаких: вход только по приглашениям, которые распределяли по предприятиям и учреждениям. Досталось несколько штук и нашему журфаку, но только старшекурсникам, а мы учились ещё только на втором. Помочь мне могло только чудо, и оно явилось в лице пятикурсника Бори Кожарова — ироничного, вальяжно-простоватого соседа по студенческой общаге.

— Вот билет дали на поэтический вечер, — сказал он, — а у меня что-то желания нет...

У здания театра я был задолго до назначенного времени и видел, сколько желающих безуспешно пыталось заполучить «лишний билетик». Видел я, как привезли на автобусе участников вечера, и когда они шли сквозь толпу счастливых обладателей билетов и тех, кто ещё надеялся неизвестно на что, какая-то девушка крикнула Евтушенко:

— Евгений Александрович! Проведите меня с собой!

Евтушенко приостановился на какое-то время и ответил:

— Извините — не могу, это же не только мой вечер...

Не помню теперь всех участников вечера. Помню Олжаса Сулейменова, которого слушали очень хорошо, и, конечно, Евгения Евтушенко, читавшего «Идут белые снега...». Его слушали так, как не слушали никого: кажется, я ни



разу в жизни не находился в зале, полном людей, в котором было бы так тихо... Все читали по одному стихотворению, но зал не отпустил Евтушенко, и тогда он прочитал второе, которое я не знал: «Приходите ко мне на могилу...». Концовка там такая: «на могилу, где нету меня!».

Книг Евтушенко в те времена вообще нельзя было купить. Их каким-то образом «доставали», а мне посчастливилось стать обладателем его двухтомника. Вот как это было. Году, кажется, в 1980-м Центральный комитет комсомола организовал в Москве слёт молодых журналистов, на который послали и меня. Мы побывали в редакции «Известий», в Центральном Доме журналистов, перед нами выступали редактор «Правды» В.Г. Афанасьев, легендарный председатель Гостелерадио С.Г. Лапин, многие известные в ту пору журналисты. А напоследок для нас устроили небольшую книжную распродажу, на которой я каким-то образом оказался в первых рядах и смог урвать двухтомник Евтушенко (их и было-то, наверное, не больше четырёх-пяти экземпляров). Тут же взялся читать авторское предисловие, которое начиналось с совершенно замечательного эпизода. Однажды к Евтушенко пришёл человек, сказал, что он инженер из Обнинска и хотел бы сделать подарок Евгению Александровичу. После чего вручил ему несколько килограммов переплетённых тетрадей. В самой первой значилось: «Евгений Евтушенко. Полное собрание сочинений. Отпечатано на машинке в двух экземплярах». Взявшись просматривать уникальное издание, Е.А. убедился, что «издатель» оказался человеком весьма дотошным и обнаружил даже те стихи, о которых сам автор давно забыл...

Не могу сказать, что мне нравился «весь Евтушенко», но всё же именно он был и остаётся, пожалуй, самым известным поэтом нашего времени. И поэтому на встречу с ним я отправился со смешанным чувством: конечно же, хотел увидеть и по возможности пообщаться, но опасался при этом разочароваться — уж очень часто великие люди вблизи оказываются совсем не такими, какими ты их себе представляешь.

Приезд Евтушенко организовал павлодарский тележурналист Саша Васильев. Намечен платный поэтический вечер, во Дворце культуре тракторостроителей. А пока мы с Ольгой и директором дома-музея Л.Г. Бунеевой стоим во дворе рядом с бюстом Павла Васильева, ждём встречи. Вдруг Лидия Григорьевна спохватывается:

— Что же это я о цветах не подумала!

Выход находится быстро: при доме — небольшой огород с буйно цветущей картошкой, и Л.Г. мигом сооружает из её цветов скромный, но элегантный букетик и спустя несколько минут вручает гостю... Этому букету была уготована долгая поэтическая жизнь, о чём скажу чуть позже...

Е.А. подтянут, хорошо выглядит, у него здоровый цвет лица. Он энергичен и, едва осмотревшись в доме, просит показать документы следственного дела Павла Васильева. Читал не очень чёткие, в основном рукописные копии, быстро и цепко схватывая главное.

Как-то сам собой завязался разговор о Павле. Е.А. сказал, что знал Васильевскую поэзию с детства — отец читал ему «Принца Фому», другие стихи. Заговорили о Васильевских мотивах в поэзии самого Евтушенко, и он тут же, притом не без удовольствия, откликнулся:

— Уж если я ворую, то знаю — из чьего кармана!

И прочитал несколько строк из стиха о китобоях: «Мы сто белух уже забили...».

Весьма откровенно Е.А. говорил о своих братьях по поэтическому и общелитературному цеху. О том, например, как на одном из его поэтических вечеров ему пришла записка следующего примерно содержания: «Всё равно самым лучшим из живых поэтов России является мой любимый поэт Сорокин...».



Л.Г. Бунеева сказала, что хорошо знакома с ним, и Е.А. улыбнулся:

— Вот и расскажите ему при случае эту историю.

Говорил о Белле Ахмадулиной, о любви к которой весьма откровенно рассказывал и в романе «Не умирай прежде смерти», об Андрее Вознесенском. Как мне показалось, с некоторой обидой, потому что дружба с ними осталась в прошлом.

Ахмадулиной посвящено стихотворение «Со мною вот что происходит» — на мой взгляд, совершенно замечательное. А она, сказал нам Е.А., не только не прочитала его последнего романа со строками и ей посвящёнными, но и сняла все посвящения бывшему возлюбленному из своего трёхтомника — таково было требование её нынешнего мужа — художника Б. Мессерера. Говорил Е.А. о ней и другие вещи (думаю, не без основания), но я от их пересказа воздержусь.

А Вознесенский, когда его спросили о значении Евтушенко в русской поэзии, ответил в том смысле: что же, мол, тут говорить, если он теперь в Америке.

Таковы нравы в мире небожителей...

О Станиславе Куняеве (его сын Сергей — один из исследователей жизни и творчества Павла Васильева) Евтушенко сказал, что их пути разошлись из-за «еврейского вопроса». Е.А. на дух не переносит национализма и шовинизма. Подчеркнул: если бы он был уверен в том, что всё зло на свете от евреев, то сам бы стал антисемитом.

Говорили ещё о выпивке, Евтушенко заметил: он давно перешёл с водки на вино, притом хорошее. Ещё и потому, что видел слишком много трагедий по-настоящему талантливых, но пьющих людей. И шампанское, что было на столе, он лишь пригубил. А чай пил и нахваливал варенье — кажется, смородиновое.

Подписывал книги... Быстро, очень неразборчиво, «теряя» буквы и спрямляя окончания. Нам с Ольгой написал на «Антологии»: «С огромным уважением и радостью, что мы, наконец, встретились». А на романе: «Дорогой семье Поминовых — от всех...». Дальше я, как ни старался, не разобрал — почерк у него ужасающий.

Я передал ему одну из первых его книжек «Разведчики грядущего», изданную ещё в 1957 году, и сказал, что это подарок С.А. Музалевского. Видно было, как он удивился. И тут же набросал записку Музалевскому, попросив ему передать.

Накануне Е.А. был в гостях у Шаферов, которые подготовили к этому визиту 48 его книжек. И он все их подписал! Обратил внимание на пластинку «Кирпичики» и, в частности, на конверт, оформленный художником А. Бибиным. Тут же запросился к нему в гости, пришёл в мастерскую и не только назвал на поэтическом вечере Александра Ивановича гениальным художником, но и посвятил ему несколько поэтических строк (о них чуть позже).

То есть в его 65 лет ему всё интересно, он живёт по-прежнему интенсивно и жадно. Вот и в музее тоже говорил много, экспрессивно, образно, убедительно. Характеризовал поэтов, иных — критически, но не злобно, скорее, великодушно. Вспоминал историю появления стихотворения «Добро должно быть с кулаками». Эту строчку предложил Михаил Светлов в качестве первой молодым поэтам, ходившим к нему на семинар в Литинституте. И лучшие стихи написал Станислав Куняев.

Сфотографировались на память у бюста Павла Васильева, который Евгению Александровичу понравился («Есть в нём что-то живое, настоящее...»).

Заговорили о Васильеве, его натуре, отношениях с женщинами, и Е.А. вдруг спросил у меня:

— Как думаете, было у них что-то с Кончаловской?

— Ещё бы, — сказал я, — он ведь был такой орёл! Да и потом «Стихи в честь Натальи...».



— Ну, стихи это дело такое, — не согласился он, — по ним буквально судить нельзя...

— Говорят ещё, что Павел много лет был в тени ещё и потому, что Михалковы «не пущали», — сказал я.

— Это вряд ли, — опять не согласился он. — Михалков, конечно, циник, но в этом не грешен...

До приезда Саши Васильева оставалось ещё какое-то время, и Е.А., осмотрев дом снаружи, предложил прогуляться до Иртыша — благо он тут рядом.

— Можно только я буду опираться на ваше плечо? — спросил меня Е.А. — А то у меня колено сильно болит, сразу после возвращения в Москву ложусь на операцию.

Так мы шли с ним рядом, он, скорее, держась за моё плечо, чем опираясь.

— Буду теперь с полным на то основанием говорить, что я сам служил опорой русской поэзии, — шутливо сказал я и, сам не зная почему, процитировал его: «Ну неси же меня, ну неси меня...» — «А куда я тебя понесу?».

Он оживился:

— А знаете, где мне ещё припомнили эти строки? В Японии. На одном из вечеров кто-то из японцев прочитал мне эти стихи по-русски и пояснил: «Вы знаете, Евтусенко-сан, у наших влюблённых те же проблемы, что и у ваших — им тоже не хватает жилплощади для встреч наедине».

Какое-то время мы шли молча, а потом он вдруг сказал:

— У меня такое странное чувство... Будто я иду по российской земле...

— Это вы мне говорите? — изумился я, — здесь живущему?

Он вздохнул:

— Да уж, тяжело об этом говорить... Думаете, Ельцин с Бурбулисом думали об этом, обо всех нас в Беловежской пуще? Им надо было как можно скорее от Горбачёва избавиться.

— Б...и они все! — в сердцах подытожил он. И замолчал, занятый уже какими-то своими мыслями. Или строками будущего стихотворения, которое он прочитал в тот же день на поэтическом вечере.

Вечер, кстати, удался. И говорил, и читал Е.А. очень хорошо — буквально очаровал зал. Великолепно чувствовал аудиторию и, как хороший актёр, управлял ею. Отработал на совесть. И гвоздём программы стали только что написанные стихи, посвящённые Павлодару, в которых нашлось место и Бурбулису, и художнику Бибину, и букету цветов картошки — как будто привету от Павла Васильева... Вот это класс! А я был отчасти свидетелем того, как зарождались некоторые из этих поэтических строк. Поневолe вспомнишь ахматовское: «Когда бы вы знали из какого сора растут стихи, не ведая стыда...».

Помимо всего прочего, Е.А. труженик — каких поискать и в свои 65 лет работает так, как не снилось многим молодым: преподаёт в Америке, пишет и издаёт книги, ведёт на телевидении отличную передачу о русских поэтах, готовит к изданию восьмитомник (уже на выходе), написал несколько киносценариев... А ещё он муж молодой жены, отец двух маленьких детей в дополнение к двум уже взрослым от прежних браков.

Вот так примерно и надо жить, чтобы, по определению Николая Островского, не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...

Об этом я тоже думал, глядя на длиннющую очередь за автографами, которая выстроилась после окончания вечера к Евгению Александровичу. И у каждого, кто в ней стоял, в руках были книги, у многих — не одна, а несколько...

7 августа

Сняли барельеф с изображением классиков марксизма-ленинизма — Маркса, Энгельса, Ленина, долгое время украшавший фасад бывшего Дома



политпросвещения. Теперь в этом здании областная библиотека, власти, потакая национал-патриотам, посчитали, что барельеф тут ни к чему и перенесли его в парк, что рядом с нашим домом. А по мне пусть бы оставался на прежнем месте — как напоминание о нашей истории. Пусть кровавой и противоречивой, бестолковой, но всё-таки нашей...

Дело теперь за памятником Ленину на центральной площади. Сколько ещё, интересно, он там простоят?

Публикуем заметку о том, что следователями начато дознание по должникам Пенсионного фонда. Если в ходе него выявятся факты злостного уклонения от уплаты, руководителям предприятий грозят либо крупные штрафы, либо лишение свободы. В списке фигурируют предприятия, которые скорее мертвы, чем живы, и расплатиться с долгами они всё равно не смогут, даже распродав всё своё имущество. То есть, если называть вещи своими именами, это элементарная акция устрашения.

С каждым годом уменьшается численность населения области. В начале девяностых годов она подходила к миллиону человек, а на начало нынешнего упала до 897 тысяч — это уровень 1984 года.

Опубликовали стихотворение Евтушенко, посвящённое Павлодару. Приведу одно четверостишие.

*Когда нас развели, нас не спросили.
С покорностью холопских наших вый
Смолчали мы, миллионы безроссийных,
Оставленных в республиках России.*

8 августа

Меня попросил приехать новый аким Майского района Казкен Мукашев. Мы знакомы ещё с тех пор, когда я работал корреспондентом, а он главным зоотехником совхоза. Как-то попали вместе в буран, буксовали...

После развала совхозов Казкен возглавил одно из крестьянских хозяйств, и дела у него быстро пошли в гору. Но вскоре его назначили акимом Аксуского района, а теперь перевели в Майский, приполигонный (часть его земель была отрезана в своё время для Семипалатинского ядерного полигона), наверное, самый «тяжёлый» район в области. И вот Казкен попросил нас с А.М. Мухамеджановым лично поддержать его.

Ездили по полуразвалившимся хозяйствам, из остатков которых новый аким пытается создать хоть что-то дееспособное. Стоит страшная сушь, сенокосы в степи выгорели, и теперь одна надежда — на пойму Иртыша, где травы уродились. Здесь сейчас решается судьба будущей зимовки скота, вот и возил Казкен нас с Альходжой Мухамеджановичем — как тяжёлую артиллерию, в подмогу.

На одном из полевых сенокосных станов я спросил у механизаторов, как-то очень безучастно наблюдавших мою беседу с их бригадиром:

— Вы когда последний раз деньги получали?

И безразличие на их тёмных, сожжённых беспощадным здешним солнцем лицах сменилось выражением некоторой озадаченности: никто не смог сразу вспомнить — когда... После некоторых препирательств пришли к выводу — минимум два года никто из них не получал ни тенге.

Вот бы куда нашу верховную власть, в очередной раз ведущую нас верной дорогой к новому светлому будущему, подумал я.



Аким района лично вручал в бригадах наиболее отличившимся символические премии — по 500 тенге. И хоть моё сравнение может показаться кому-то кощунственным, я подумал: наверное, так раздавали в самые трудные моменты Великой Отечественной войны награды солдатам, уцелевшим после тяжёлых боёв — прямо на передовой. Потому что ничего другого дать не могли: ни новой техники, ни оружия, ни снаряжения — только награды.

Деньги, которые вручал аким «героям зелёной жатвы», были самого мелко-го достоинства — засаленные, мятые... Но всё же это были деньги, которых большинство не видело много месяцев.

Обратил внимание на парня, который с трудом сдерживал слёзы, наблюдая процедуру награждения (оказалось, премировали и его отца). Я отозвал парня в сторону:

— Тебя как зовут?

— Миша Штифель.

— В каком классе учишься?

— В девятый пойду...

Из разговора узнал, что в их семье пятеро детей, он старший, мать не работает — младшие двое — близнецы, ещё маленькие. Когда я спросил, есть ли дома еда, он замялся:

— Когда есть... — запнулся. — А когда нет.

Он и в бригаду пошёл не потому, что надеется заработать, а потому, что тут кормят. Ну и потом, может, сена для небольшого их подворья выделяют.

Я пошарил по карманам, достал деньги, которые у меня с собой были — их оказалось 450 тенге — и отдал ему:

— Это тебе премия, от меня...

Он сначала не брал, но я настоял, и у него опять навернулись на глаза слёзы.

...Невыносимо тяжело наблюдать эту нищету, это убожество жизни. По правде говоря, люди тут и при советской власти не шиковали, но однако и не голодали, и так не бедствовали. Теперь же они настолько дезориентированы, если не сказать — раздавлены реформами, что многие просто не знают как жить.

Думаю написать обо всём, что видел, написать правду. Хотя кому она нужна, эта моя правда?

Был, впрочем, один приятный момент в этой поездке. Ужинали мы перед отъездом в юрте. Само собой, съели барана. И ещё для нас пели артистки местной самодеятельности — казахские песни под домбру. И вдруг одна из них сказала, что хочет спеть для меня лично, и запела песню, которую когда-то пели мои родители с их гостями у нас дома: «На горе колхоз, под горой совхоз...». Оказывается, её можно исполнить и под домбру...

Я, растроганный (и отчасти разгорячённый винными парами), принялся дарить свои книги. А растроганный этим жестом Казкен Мукашев сказал, что раз тут у нас произошло такое взаимообогащение культур, то он сделает всё для восстановления должности завклубом, упразднённой из-за нехватки средств в этом хозяйстве. Её-то и занимала прежде исполнительница, кстати, выпускница культпросветучилища. Я попросил слово для тоста вне очереди, в котором заявил, что из-за одного этого нам с А.М. Мухамеджановым стоило сюда приехать. И я ещё напишу «блэстку» о том, как спас для будущих поколений клуб, который могли растащить по кирпичику.

9 августа

Никто из павлодарцев не смог поехать на международный фестиваль молодёжи и студентов в Гавану. Не нашлось средств, хотя деньги нужны были не такие уж большие — полторы тысячи долларов в оба конца. Может, и в том ещё



дело, что некогда столь популярные эти фестивали потеряли свою значимость, как и молодёжное международное движение тоже.

Б.Н. Ельцин объявил о предстоящей с 1 января будущего года деноминации российского рубля. Суть её в том, что с денег уберут три лишних нуля. И тысяча превратится в рубль, а сто тысяч — в сто рублей.

Наверное, давно пора было это сделать, а то сегодня чуть ли не половина россиян ходят в миллионерах, оставаясь по сути бедняками, если не нищими.

«Во Львовке пробил «час совы» — назвала свой материал З.А. Суворова. Речь о том, что настоящая жизнь в этом селе Качирского района начинается за полночь, когда тут «дают свет» — до семи утра. Бывает, правда, он и днём, но, в первых, всего на три часа, когда большинство на работе. Поэтому и делаются тут главные хозяйственные дела ночью. И развлечения для молодёжи тоже перенесены на вторую половину ночи: дискотека три раза в неделю, почти до утра. Это удовольствие платное, а поскольку денег почти ни у кого нет, можно расплатиться «натурой»: пятью пустыми бутылками, тремя куриными яйцами, домашней сметаной...

10 августа

Заходил С.П. Шевченко. Похвалил мой материал «Как живёте, земляки» за человеческую струнку, искренность. И сказал, что я тем самым навёл его на мысль написать рассказ о судьбе одной учительницы и её школы.

Приятные слова, хотя это единственный отклик на публикацию. Такое время пришло — никому ничего не нужно, в том числе и наши журналистские трепыхания.

11 августа

В прошлую пятницу вечером купались с Пашкой рядом с нашим домом, на пляже. И вдруг как-то очень быстро стала портиться погода. Было что-то зловещее в заходившей с юга чёрно-фиолетовой туче. Пашка заторопил меня домой, до которого пять минут хода. Мы чуть-чуть не дошли до раскидистого старого клёна под нашими окнами, как с шумом ударил град, с воробьиное яйцо. Я снял футболку и прикрывал Пашкину голову, чтобы её не разбило.

Для нас с ним всё обошлось благополучно, и я подумать не мог, что этот град «пройдёт» и по нашей даче. А когда спустя день увидел это печальное зрелище... Град основательно покрошил огуречные грядки, побил помидоры и яблони, они буквально изранены. Ещё недавно всё тут радовало глаз, а теперь побитое, жалкое месиво...

Может, потому это случилось, что уж слишком всё хорошо шло в последнее время: чуть ли не каждый день дождь и парило — как в тропиках. Вот нам природа и напомнила о себе, чтобы не забывались.

Думал, если в Павлодаре дожди, то и повсюду тоже, и отправился за грибами. Но, увы: проехали почти 500 километров и сорвали лишь пару белых грибов да с десяток дождевиков. Зато на обратном пути попарился в бане у Лихановых...

Пашка сдаёт экзамены в школу для одарённых детей, созданную на базе лицея, который окончил Димка. Пока всё идёт хорошо: набрал 18 баллов из 20 возможных и впереди него лишь двое конкурентов.

Выяснилось однако, что у него проблемы со зрением: сидел во время экзамена на последней парте и не смог прочитать часть задания, написанного на доске.

Осталось сдать математику и пройти собеседование. Переживаем...



12 августа

Совершил экскурсию по объектам фирмы «новых казахов». Её глава возил меня на «шестисотом» «Мерседесе» и показывал свои владения. Не знаю, зачем я ему был нужен, но обращался он со мной предельно вежливо, если не сказать ласково. Насколько мне известно, «раскручивалась» фирма на торговле спиртом и сахаром (его вроде даже из США везли), теперь торгуют ещё и мукой, рисом, другими товарами. Есть и производство — дефицитного керамического кирпича для покрытия площадей, тротуаров. Организовали подсобное хозяйство, хлебопекарню, водочный цех. Ещё в память об отце, который и создавал первичный капитал фирмы, построили центр духовного согласия, соединивший в себе мечеть и парадный офис фирмы.

Лядел я на всё это и уже не в первый раз изумлялся: вокруг давно идёт своя, «другая» жизнь, о которой многие из нас ничего не знают. Вот и я не знаю, как ко всему этому относиться. Если верить главе фирмы, ворочающему миллионами, он работает по 14 часов в сутки, пять лет не был в отпуске, живёт в трёхкомнатной квартире и ещё только строит дом, но не для себя, а для матери.

13 августа

Николай Марчевский побывал в бывшем совхозе-техникуме у нашего общего знакомого Владимира Александровича Иноземцева — замечательного агронома-садовода. В последнее время он занимался уникальным здешним пойменным садом, где без полива (только паводок и дожди), удобрений и гербицидов выращивались плодовые деревья и кустарники — яблони, облепиха, вишня, малина, смородина и другие. Иноземцев, и не только он, говорил мне, что пойма Иртыша — вообще одно из самых благоприятных мест в мире для выращивания чёрной смородины. И Павлодар мог бы завалить ею весь Казахстан. Но здешний уникальный сад, не требовавший, кстати, особых затрат, оказался, как и все другие (Мичуринский, Бобровский, Галкинский), никому не нужен. Он приходит в запустение и умирает.

Когда-то сам я написал материал «О чём грустит старый сад», в котором были ностальгические строки о брошенном фруктовом саду в моём родном «Михайловском». С какими невыносимыми трудностями создавались подобные сады на целине, и как бездарно их бросали потом на произвол судьбы — запустение и умирание! Хотя что там слёзы лить по садам, когда всё сельское хозяйство уже почти пущено под откос... От того же моего «Михайловского» скоро останутся рожки да ножки...

Библиотекарь М. Голубинская обращается через газету со слёзным письмом к «управляющему нефтеперерабатывающим заводом господину Ли», прося взять на содержание библиотеку № 6, расположенную в общежитии завода.

15 августа

Ольга взялась лечить меня от нервов — купила каких-то дорогих французских успокоительных таблеток — 1500 тенге за упаковку. Пить я их должен целый месяц, потому что спать стал плохо.

Больше всего меня выводит из себя общение с чиновниками из облминистрации. Одного из них обругал сегодня самыми грязными словами. Он принёс очередной гаденький материал: вот, мол, начальство велело. Ну я его и «понёс»: нет уж, родина должна знать своих героев — или ставь свою подпись, или иди вместе со своим начальством... Потом даже жалко его стало: он хоть и сукин сын, но мелкая сошка, исполнитель, а не вдохновитель.

А весь сыр-бор из-за неплательщиков — должников за коммунальные



услуги. Им грозят всеми возможными карами, а теперь уже и в суды тягают. А мы, стало быть, должны пропагандировать это дело (суды) и клеймить позором должников, которые и рады бы заплатить, да нечем — большинству из них месяцами не платят зарплату...

Подобным дерьмом я питаюсь изо дня в день. И никуда от этого не деться, у меня нет другого способа прокормить семью.

И вообще от всего, что происходит вокруг, всей этой мерзости, бессовестности, беспредельного цинизма одних и нищенства и забитости других всё чаще прихожу в уныние, не хочу работать, потому что всё, что делаю, кажется бессмысленным. Может, ещё из-за этого срываюсь — от осознания собственного бессилия и невозможности хоть что-то изменить.

Кажется, власти всерьёз вознамерились убрать памятник Ленину с центральной городской площади. Уже выкопали яму в парке, что рядом с нашим домом, залили фундамент. Вроде сюда его хотят перевезти. Но официальной информации нет — видно, всё будет тайно. Правоверные коммунисты шумят, а большинству народа, пребывающему в заботах о пропитании, на эти баталии глубоко наплевать.

Читаю в «Новом мире» Бориса Екимова. Как хорошо он пишет — неспешно, образно, пристально вглядываясь в своих героев, — близкую и не очень родную, соседей, знакомых. И всё это — жизнь.

Прочитал его «Наш старый дом» и вспомнил, как ещё лет десять назад предлагал братьям — старшему Шурке и младшему Петьке написать историю нашего дома в «Михайловском», причём именно под таким заголовком. Но они не вдохновились, и я не написал... А теперь читаю Екимова и поражаюсь: ну нет же ничего особенного в этой вещи, а трогает за душу. Его тётка и брат, их незатейливые судьбы, но и неповторимые черты — тоже. И неизвестно как, будто из ничего рождаются удивительные образы, согретые любовью автора.

Спасибо Екимову ещё и за то, что он помог мне утвердиться в выборе — в том, что я правильно поступил, сделав объектами своих писаний близких мне людей.

Е.А. Евтушенко настолько был очарован нашим художником А.И. Бибиным, что оставил ему записку с наказом своей домоуправительнице пускать А.И. на его переделкинскую дачу и в московскую квартиру в любое время и на любой срок, разрешать пользоваться библиотекой и т.д. и т.п. Говорят, Александр Иванович слегка ошалел от такой щедрости Евгения Александровича и даже взялся написать его портрет.

16 августа

У нас проходит практику Настя Корнилова. Говорит, что она внучатая племянница Лавра Корнилова — того самого царского генерала, который мог повернуть российскую историю совсем по другому пути. Я не знал, что у него казахстанские корни. Когда красные захватили Екатеринодар, где за день или два до того тайно похоронили Корнилова, смертельно раненного от взрыва гранаты, они раскопали его могилу, труп раздели, кололи, рубили пашками, топтали копытами коней и сожгли на свалке.

Это всё из материала Насти Корниловой.

В прошлом году в области жертвами убийств стали 249 человек, от отравления алкоголем, как правило, суррогатным, умерли 276, 280 человек покончили жизнь самоубийством (многие — нетрезвыми).

**18 августа**

Приехал брат Петька с семейством. Давно они не были такими умиротворёнными. Лена, как в лучшие времена, ровна, иронична, улыбчива, дети — веселы, у брата здоровый цвет лица и даже загар, весь он — как в свои лучшие времена излучает энергию и жизнелюбие. Так приятно их видеть именно такими. Дай-то Бог, чтобы и дальше так было...

Собираемся с Ольгой в Омск — определять Димку на место жительства, пока что в общагу. Димон при всей его относительной внешней разболтанности слегка волнуется. Устроил прощальный вечер для друзей на даче. Собирает вещи, расспрашивает меня, как жарить картошку. Иногда мы с О. обсуждаем его будущее житьё-бытьё при нём, но без его участия, и он как-то даже возмутился:

— Я ощущаю себя полным ничтожеством — говорите обо мне, будто меня нет!

Ещё сказал, что испытывает смешанные чувства: ждал-ждал этого отъезда, а уезжать из дома, оказывается, тяжело. Поинтересовался, сколько я ему оставляю денег на прожитьё. Я сказал — миллион рублей.

— Ну тогда точно не пропаду, — засмеялся он.

19 августа

В редакцию пришло письмо от К.С. Корнелюка из Витебска (Белоруссия). Несколько лет назад он побывал в нашем Таволжане, где родилась его мать. Она вышла замуж за белоруса-целинника, и потом они уехали в Белоруссию (её теперь уже нет в живых).

К.С. Корнелюк пишет, что они в Витебске уже много лет собирают рассказы разных людей о своих матерях для книги «Мамы XX века». Он предлагает и нам (всем, кто захочет) поучаствовать в этом проекте.

Мы опубликовали его письмо, а сам я отправил ему по почте свои новеллы о бабушке Марии Петровне и о матери. Написал, что на гонорар не претендую, а книгу бы хотел иметь, готов её даже купить.

21 августа

Позавчера ночью памятник Ленину с центральной площади перевезли в сквер возле нашего дома. Всё сделано тайно и быстро, так что его защитники не успели даже отреагировать.

Дали в «ЗП» нейтральную информацию.

23 августа

Завод «Октябрь» презентовал свою новую продукцию — сенокосилку на конной тяге. Говорят, фермеры её высоко оценили и уже заказали аж пять экземпляров. Наверное, следующим этапом технологического прогресса станет выпуск кос-литовок для ручной косьбы трав...

Умер Юрий Никулин. Помимо того, что он был талантливым актёром и не менее талантливым клоуном, он был хорошим человеком.

Договорился с редактором «Простора» Г.И. Толмачёвым и опубликовал в «ЗП» выдержки из его книги «50 встреч с Д.А. Кунаевым». В том числе и такой эпизод: в своё время власти то ли Павлодара, то ли области предложили переименовать наш город в Хрущёвград. Доложили Кунаеву, который сразу спросил: знает ли об этой инициативе Москва? Оказалось — нет. Так Павлодар и остался Павлодаром. Хотя некоторые национал-патриоты считают, что это название — отрывка имперской политики России по отношению к Казахстану.

Беловежскую «инициативу» Ельцина, Кравчука, Шушкевича Д.А. Кунаев называл сговором, единственной целью которого было убрать с дороги Горбачёва.



Павлодарка Любовь Николаевна Жидкова накануне своего 61 года рождения переплыла Иртыш туда и обратно в районе Лермонтовского пляжа. А течение здесь довольно сильное.

24 августа

Вернулись с Ольгой из Омска, который произвёл на меня очень приличное впечатление: благоустраивается, прихорашивается, приобретает черты современного, динамично развивающегося города. По центру его просто приятно пройти: помимо прочего много магазинов с современным дизайном, полных всевозможных товаров, а ещё магазинчиков, кафешек, в том числе под открытым небом, чего у нас почти нет.

Просто поразили меня своим обилием книжные магазины, в которых преобладает отнюдь не глянцевого барахла, заполнившие редкие книжные прилавки в Павлодаре, а масса литературы на самый разный вкус. Много великолепных книг по искусству, разного рода энциклопедий и справочников, художественной литературы. Мы тоже много чего накупили. Хотя цены кусаются.

Пообщались с Голубевыми. Живётся им нелегко, но они не жалуются, живут, в отличие от меня, несуетливо и с достоинством. В очередной раз подумал о том, как повезло мне встретиться и подружиться с ними.

Пристроили Димку в общагу при университете, пока временно. Бодрится, не показывает вида, что с тревогой остаётся один в большой чужом городе...

Вернулись домой — тут тоже хорошая новость. Пашку зачислили в школу для одарённых. Вдвойне приятно, что все экзамены он сдавал сам, без всякого блата. Правда, зачислили не на техническое, как мы хотели, а на гуманитарное отделение. Но со временем станет ясно, какие там у них на самом деле приоритеты.

29 августа

В Павлодаре вновь проходит международный турнир по волейболу на призы Н.А. Назарбаева. Пытались собрать на него «большую прессу», но не удалось. Московские журналисты выставили следующие условия: гарантия оплаты за проезд, вернее, пролёт в оба конца, плюс бесплатное проживание и питание, плюс гонорар за будущее освещение турнира. В последнем им было отказано, поэтому из нашей общей бывшей столицы не приехал никто. Зато прибыли трое алматинцев. И вот эту троицу с самого первого дня у нас ублажают, как могут. Каждый вечер устраивают ужины в узком кругу, развлекают, дарят подарки. Как-то гнусновато становится на душе, когда видишь как беззастенчиво «прикармливают» нашего брата. И таким убогим провинциализмом несёт от всех этих «приёмов» на высшем уровне.

30 августа

В разные времена нашей не столь уж давней истории хлеб у тех, кто его выращивает, отнимали по-разному. Была бесчеловечная продразвёрстка сразу после гражданской войны, в советские времена — «первая хлебоборбская заповедь», когда тоже подчас выкачивали всё — вплоть до фуража, а иногда и семян. А теперь это называется новомодным словом «фьючерс». Весной и летом хозяйства брали на нашем Павлодарском нефтеперерабатывающем заводе горючесмазочные материалы на посевную, сенокос, уборку, рассчитаться за которые обязались с нового урожая.

Аким Успенского района Г.Л. Воронин рассказывал мне («не для печати»),



каким образом обеспечивается возврат. В области созданы специальные мобильные бригады из сотрудников милиции и ГАИ, ещё каких-то представителей, которые машины с зерном, идущие от комбайнов, прямым ходом отправляют на элеваторы, зафрахтованные фирмами — поставщиками ГСМ. Логика тут проста: сначала рассчитайтесь с нами, а потом делайте со своим хлебом что хотите...

— Это же подразвёрстка какая-то, — сокрушался Г.Л. Воронин, — никто ведь не отказывается платить, но за горло нас зачем брать — не по-людски всё это, перед механизаторами стыдно.

Может, и не по-людски, зато вполне по-рыночному.

Отселили Даньку — живёт теперь отдельно. А мы остались вчетвером в двух квартирах — четырёхкомнатной и однокомнатной (в ней мать живёт). А так ли давно обитали в четырёхкомнатной всемером, когда ещё бабушка жива была?

Позвонил Димка из Омска. Всё у него как будто нормально. Переселился в другую (говорит — хорошую) общагу. Но и платить за неё будет сто тысяч российских рублей в месяц (примерно полторы тысячи тенге).

31 августа

Десять лет не даёт умереть павлодарской археологической экспедиции Виктор Карлович Мерц. Тот самый, что раскопал древнее захоронение на нашей даче. Но этому захоронению максимум «каких-то» тысячу лет, а на берегах речки Шидертинки он раскопал нечто вовсе фантастическое — следы людей, которые обитали здесь от 12 тысяч до 3 тысяч лет до нашей эры: нашёл каменные топоры, скребки, стрелы, фрагменты керамики. И всё это почти на голом энтузиазме, с помощью школьников, студентов и других людей, таких же одержимых, как и он сам. А в числе ближайших соратников у него и наш экибастузский собкор П.И. Оноприенко.

1 сентября 1997 года

Когда-то я очень любил этот день — день встречи со школой — и по возможности ходил на торжественные линейки даже тогда, когда уже не был школьником. А сегодня день пролетел — в окно некогда было взглянуть.

Позади дико суматошная неделя. Ещё и потому, что нам пришлось делать спецвыпуск для участников международного волейбольного турнира. И мы сделали целых пять номеров, которые увёз с собой вице-президент международной федерации волейбола, чтобы презентовать их на международном уровне.

Сколько крови они нам стоили, эти номера! Я согласился их делать по одной простой причине: мы готовимся к переходу на компьютерную технологию вёрстки газеты — вот и хотелось обкатать её на этом проекте. Не такое уж простое оказалось дело, к тому же не все журналисты смогли работать собранно и оперативно. И теперь ещё в конторе пыль до потолка, суета, нестыковки — это уже пытаемся создавать задел для первого компьютерного номера.

Вчера (было воскресенье) впервые в жизни ходил с художником Виктором Поликарповым удить язя. И таки выудил — одного-единственного...

Прекрасный был день — на излёте лета. Мы переправились на крохотной резиновой лодке через протоку на остров в районе села Павлодарское и попали совсем в другой мир. Мы шли по скошенному пойменному лугу, на котором ярко зеленела трава, мимо аккуратно причёсанных стожков сена, которые сметали на своих покосах местные жители, мимо крохотного озера в низине с неподвижной



тёмной водой. Мы любовались нежно-голубыми, с белым отливом свечками заново цветущего подорожника... Мы подошли к калине с уже поспевающими ягодами — как к давней поликарповской знакомой и скоро попали в дикие некошеные травы, которые местами скрывали нас с головой, отчего мы ощущали себя первопроходцами...

И вот он — высокий берег, а перед ним — излучина Иртыша, как бок большой и сильной рыбы с чешуёй-рябью из солнечных бликов. У берега — омуты-«крутяки» (вода в них закручивается в мелкие воронки) — это и есть, как объяснил мне Виктор Фёдорович, здешние «язёвые» места.

Язей мы ловили на хлебную корочку. Поликарпов показал мне, как это делается. Надо нажёвывать хлеб и бросать туда, где будет поплавок, для прикорма. Тут есть своя хитрость: если просто крошить хлеб и бросать в воду, крошки быстро уносит течением. А «жёванка» дольше держится на месте, слегка погружаясь в воду. На крючок также насаживается кусочек хлебной корки.

Поликарпов своего первого язя поймал быстро, потом ещё подъязка, а мне всё не везло. И я вспомнил услышанную от брата Петьки присказку: до обеда не клевало, а после обеда — как отрезало.

Обедали мы не спеша, поговорили на разные темы, тем более что В.Ф. большой любитель поговорить, а затем вновь приступили к ловле. И тут мне дико повезло — я зацепил здоровенькую рыбку. Пишу зацепил, а не поймал сразу по двум причинам. Во-первых, это была щука, которую вряд ли могла прельстить хлебная корочка, предназначенная для язя, щука ведь хищница. Видимо, возле корочки вился чебачок, пощипывая от неё, отчего и поплавок нырял, а за чебаком устремилась щука, может, даже уже ухватила его (или только пасть разинула), а я подсёк и, скорее случайно, зацепил хищницу. Вытащить её на высокий, под три метра, берег удочкой не было никакой возможности. И я повёл щуку к тому месту, куда можно было спуститься. Я уже видел её роскошное зеленоватосерое, в пятнах, тело... И когда я почти подтянул щуку к берегу, где стоял В.Ф., готовый подхватить её руками, щука сорвалась. Какое-то мгновение она ещё стояла на месте, как будто не веря в своё счастливое освобождение... Поликарпов отважно бросился в воду, на что-то ещё надеясь, но щука, конечно же, ушла. И, наверное, ушла справедливо — это была «неправильная», не моя щука, потому что нельзя ловить щуку на хлебную корочку. Но какая великолепная была бы добыча!

Утешительным призом мне стал язь, граммов на 500-600, которого я всё же смог выудить, причём по всем правилам: подсёк, аккуратно подвёл к берегу и осторожно, за леску, вытащил из воды. Он показался мне очень красивым. Наверное, ещё и потому, что это была вообще единственная пойманная мной в тот день рыба.

— Зато ты теперь настоящий рыбак, — успокаивал Поликарпов, поздравляя меня с уловом.

А ещё мы с ним попали тем же вечером в баню у его родственников в Павлодарском и от души напарились.

Дома я очутился ближе к полуночи и сполна получил от матери и дражайшей супруги всё, что полагается в таких случаях рыбаку. Но этот осенний день я всё равно никогда не забуду...

3 сентября

Дикая история, которая, тем не менее, вполне вписывается в нынешние рыночные реалии. Когда начали разрабатывать новый угольный разрез «Майкубенский», рядом с ним возник посёлок — как опорная база строителей и будущих эксплуатационников. Но как-то так получалось, что почти никто тут не



жил, особенно по ночам. А поживиться было чем, и посёлок потихоньку растаскивали. И чтобы хоть как-то противостоять этому, администрация разрешила заселить недостроенные дома жителями окрестных посёлков и сёл. Желающие нашлись: у кого-то было ветхое жильё, у кого-то его вовсе не было, кто-то уже работал на «Майкубенском». Посёлок всем миром достроили и заселили.

Но пришли другие времена, когда угольщики не по своей воле оказались в финансовой пропасти, и чтобы угледобыча и вовсе не остановилась, разрезы стали отдавать в управления иностранным фирмам или продавать. Такая участь постигла и «Майкубенский», где инвестор налаживает работу по вахтовому методу, а от объектов социальной сферы решительно избавляется. И тут возникает совершенно новая коллизия: когда-то жилые дома были переданы жителям безвозмездно, тем более что некоторые они сами и достраивали. Новые хозяева разреза никаких обязательств ни перед кем не несут, территориально посёлок относится к Баянаульскому району, власти которого, не мудрствуя лукаво, предлагают жителям выкупить дома за наличные деньги, рассчитывая тем самым пополнить Пенсионный фонд. Сам же посёлок, расположенный в степи, за 30 километров от разреза, не нужен решительно никому. Его нет ни на одной карте, как нет тут школы, отделения связи, бани, питьевой воды (привозят раз-два в неделю по три тенге за ведро), медпункта, нет с посёлком автобусного сообщения... Все, кто мог, давно уехал отсюда, но многим просто некуда деться. Теперь эти люди рискуют лишиться и этого жилья, которое может быть выставлено на продажу. Хотя у всех у них есть ордера и приватизационные купоны.

Пока опубликовали письмо жителей посёлка, но надо будет послать туда кого-нибудь из наших журналистов.

Спецслужбы Великобритании, России и Казахстана обезвредили международную группу наркодельцов. Она поставляла наркотики из Нигерии через Алматы в Москву. Возглавляли её нигериец и казахстанец, а наркокурьерами были россиянка и четверо казахстанцев. За прошлый и нынешний годы через Алматы прошло примерно 70 килограммов героина. Последняя арестованная партия — 12 килограммов героина и два килограмма кокаина — общей стоимостью 3,5 миллиона долларов.

В сообщении КазТАГ не пишется, каким путём наркотики доставлялись из Алматы в Москву, но хорошо известно, что наземным путём очень много их идёт и через нашу область в Омск, Новосибирск, Барнаул и далее по всей России.

4 сентября

Доводим до кондиции первый «компьютерный» номер газеты. Все уже который день в мыле от всевозможных накладок и нестыковок. Оказалось, что все мы не готовы работать по-новому. Хотя покувыркаемся-покувыркаемся и вырулим — никуда не денемся. И делать будем совсем другую по оформлению газету. Но хотелось бы видеть её другой и по содержанию, что вряд ли возможно. И радуемся, и огорчаемся, и удивляемся, как дети, глядя, как заново рождается, обретая непривычные для всех черты, наше прежнее детище.

Погибла принцесса Диана. В трауре едва ли не весь мир, особенно если судить по телевизионным сюжетам. Какая-то запутанная история. В последнее время ей не давали покоя папарацци — назойливые и настырные



фотографы, следящие едва ли не за каждым её шагом. А она, будучи несчастной в браке с принцем (!) Чарльзом и разведена, всё еще мечтала о личном счастье. В этот раз они с другом пытались скрыться от журналистов и погибли в автокатастрофе. Так или иначе, папарацци всё равно повинны в их гибели. Хотя весь этот мировой ажиотаж, подогретый нашим братом журналистом (всё на продажу!), сейчас мне кажется чрезмерным, в значительной мере искусственным, ханжеским...

В Диане было столько женского обаяния, человеческой доброты, достоинства. Больше всего жаль сегодня двух её сыновей...

5 сентября

П.В. Лефлер побывал в своём любимом колхозе имени Тельмана — ныне производственном кооперативе. И хотя население его едва ли не полностью обновилось, потому что «коренные» немцы уехали в Германию, хозяйство по-прежнему на плаву. Всё тут сохранено и всё работает — и производство, и социальная сфера, включая врачебную амбулаторию, дома культуры и быта, почтовое отделение, церемониальный зал, баню. И уж, конечно, не благодаря реформам на селе, а, скорее, вопреки им, да ещё потому, что как жили тут, так и живут по-колхозному. Отделиться со своими паями-долями не захотел почти никто. Бывшие колхозники доверяют нынешнему руководителю Николаю Фёдоровичу Дубяге, который здесь родился и вырос и к тому же оказался достойным возложенной на него ноши.

Поразительно, что это хозяйство, как и соседнее, бывший колхоз имени Кирова, выстояло, а вот знаменитый колхоз имени 30-летия Казахской ССР, слава которого гремела на весь Союз, пущен по ветру. Тоже, между прочим, повод для размышлений и толкового журналистского материала.

9 сентября

Премьер-министр А.М. Кажегельдин выступил на августовском совещании работников образования с обращением к состоятельным казахстанцам, в котором призывает их помочь оборудовать компьютерные классы в школах, которые они когда-то закончили. И уже сам подал пример: решил на собственные деньги оснастить всем необходимым информационно-образовательный класс в школе, где он учился.

Почин, разумеется, благородный. Но вряд ли он получит массовую поддержку у людей, пустившихся во все тяжкие. Лучше бы глава правительства вместе с депутатами установили такие рыночные правила, по которым нельзя было строить особняки и разъезжать на супердорогих авто всем тем, чья официальная зарплата ненамного превышает прожиточный минимум. И если бы все они, а также иностранные инвесторы, работающие в сверхльготном налоговом режиме, платили государству всё, что положено, не было бы нужды в подобных обращениях.

А.М. Кажегельдин, отвечая всем тем, кто готов заподозрить его в лоббировании этой идеи и даже в оказании давления, высокопарно заявляет. «Я буду горд, если на мне останется клеймо человека, который лоббировал интересы детей своей страны». Боюсь, однако, что славу после себя наш нынешний премьер и иже с ним оставят совсем иную. И за примерами далеко ходить не надо.

* * *

В Павлодарском аэропорту закончено строительство международного терминала. Побывавшая в нём О.Воронько пишет, что убранство этого сектора стоимостью в десять миллионов тенге (в такую сумму обошлись все



работы) впечатляет. Теперь таможенники должны установить здесь своё оборудование — интерскопы, на которые пока нет денег.

И всё бы хорошо, да рейсов становится всё меньше и меньше, даже внутренних. Про зарубежные и говорить нечего. Давно ли можно было улететь из Павлодара в Новосибирск, Омск, Томск, Свердловск, Минеральные Воды и летом даже в Ленинград. Теперь остался, кажется, лишь рейс на Москву, и тот из ежедневного скоро станет еженедельным...

Кража цветных металлов в области давно приобрела характер стихийного бедствия. Недавно с Экибастузской ТЭЦ, что называется, «с мясом», вырвали начинку двух крупных электродвигателей, а на разрезе «Северный» таким же образом раскурочили двигатели девяти электровозов. Милиция провела рейды по приёмным пунктам и обнаружила там немало вполне пригодных узлов и деталей из цветного металла. Всё это прямоком идёт в Китай через Павлодар и Семипалатинск. А государственные мужи разводят при этом руками: что вы, мол, хотите — это же рынок, когда разрешено всё, что не запрещено. Хотя на деле это чистойшей воды экономическая диверсия.

11 сентября

Есть такая дурацкая присказка: как ни болела, а померла. Иностранцу её, как и многие наши пословицы-поговорки, и в самом лучшем переводе не понять. А я привёл эту присказку к тому, что с прежней технологией вёрстки и издания «ЗП» покончено. Выдали три «компьютерных» номера, да ещё на офсетной печати.

Уровень нынешнего полиграфического исполнения «ЗП», конечно, не идёт ни в какое сравнение с прежним, и тем не менее читательские отклики на новшество весьма противоречивы. Многих раздражает пестрота и аляповатость оформления, и особенно непривычный «малый» формат. Один из наших давних подписчиков выразился так:

— Я привык брать в руки газету... Развернёшь её во всю ширь — и сразу чувствуешь, что это — газета. И всё в ней было на своих местах. А теперь всё какое-то вроде красивое, но несолидное. И, потом, пока отыщешь, что тебе надо... Не нравится мне ваша новая газета!

Мы думали, большинство читателей порадуются вместе с нами новому лицу «ЗП», но традиции и стереотипы бывают посильнее даже здравого смысла. Хотя обратной дороги нет.

Проблем же больше, чем мы могли предполагать: старый секретариат — штаб редакции — умер, он в таком виде не нужен. Но что-то взамен создавать надо — координатора, который бы увязывал все нити, стал связующим звеном между журналистами и компьютерным центром, соединил бы в себе функции прежнего ответсекретаря и нынешнего координатора, функции, которые ещё только предстоит выстроить.

Пока тяжелее других приходится В.Г. Семерьянову. Но он, хоть и стонет, пока этот большой воз тащит.

У Пашки новые большие заботы в новой школе. Там у них английский, который большинство его нынешних одноклассников учат едва ли не с детского сада, а он начал изучать год или два назад. Так что ему надо подтягиваться и быстро.

Ещё ждут в гости супругу президента С.А. Назарбаеву, в присутствии которой должно быть проведено какое-то психологическое тестирование по типу КВН. И вот Пашку и ещё одну девочку определили кандидатами на это самое



тестирование. Он теперь переживает из-за этого, тем более что неясно пока, какие там будут вопросы или задания. Ещё переживает, как пробежит кросс в два километра. Я успокаиваю: беги, не торопясь, рассчитывай силы, и всё будет нормально.

Н.А. Назарбаев публично выразил своё недовольство иностранным компаниям, взявшим в управление или в собственность крупнейшие казахстанские предприятия. Работать-то они работают, а вот налогов не платят: объёмы производства наращивают, а рентабельность у всех при этом минусовая, получается, что в убыток себе работают.

Названы были, в частности, «Казхром» и «Алюминий Казахстана», куда входят наши ферросплавный и алюминиевый заводы.

Президент пригрозил принять меры, если положение не изменится.

Две встречи, красноречиво живописующие наши новые времена. Давний знакомый, ещё по обкому партии, выдаёт замуж дочь. Свадьба и общие расходы, с ней связанные, составят, по самым скромным прикидкам, не менее 800 тысяч тенге. И хотя человек он явно небогатый, лицом в грязь ударять не намерен: под торжество уже заказан самый большой ресторан в городе, а гостей сэвуют не менее 250 человек.

А другой давний знакомец, и ныне обретающийся в коридорах власти, вчера в мягкой форме дал мне понять, какой я чужак на букву «м». Потому что когда другие только тем и занимаются, что делают «под себя» бывшую госсобственность, я хлопаю глазами и ушами.

12 сентября

«Банкротом быть выгодно» — уверяет в нашей газете директор филиала республиканского агентства по реорганизации и ликвидации предприятий С.Л. Горбенко. Говорит, что таким образом можно спасти многие из них и даже вернуть к жизни. При этом почти никто не задаётся вопросом: как могло получиться, что в банкротствах оказались и вполне дееспособные предприятия, например, большинство бывших совхозов и колхозов, некоторые заводы и фабрики, попавшие в долговую яму далеко не по своей собственной вине?

Публикуем прощальный репортаж «Последняя смена» о том, как несколько дней назад ушла в прошлое допотопная технология издания газеты с литьевым набором, свинцовыми стереотипами по 25 килограммов каждый, обрубкой «хвостов», фрезерованием и прочим, прочим, прочим... А я, кстати, застал, работая в начале 70-х годов в Железинке, ещё ручной набор текстов с деревянными «кассами», когда каждую букву выставляли отдельно. Теперь очень много заменил его величество компьютер. Хотя далеко не всё.

14 сентября

Ещё один день редактора из «цикла» непрекращающегося спектакля театра абсурда...

Сразу после планёрки зашёл пенсионер — седой, благообразный, с орденскими планками на пиджаке. Представился преподавателем вуза.

— Я к вам по очень деликатному делу, разговор сугубо конфиденциальный... Зять вашего сотрудника занял у меня 795 долларов и уже третий год не отдаёт...

— Но я-то что могу?

— А тесть его покрывает, звонит мне домой, на кафедру, угрожает...



А сумма долга с процентами уже три тысячи долларов... Вот тут у меня расчёты, заявление...

— От меня-то вы чего хотите?

— Воздействуйте на вашего сотрудника. Пусть они с зятем выплатят мне долг, а то я рэкетиров найму.

Зову сотрудника, с которым мы знакомы больше двадцати лет. Ничего подобного за ним никогда не замечалось. Не знаю, как подступиться к разговору, показываю заявление.

— Осень, — качает он головой, — снова осень...

— А осень тут при чём? — я совсем уже сбит с толку.

— Осенью и весной у них обострение, повышается активность... Он, кстати, не жаловался, что я под своим именем выпустил его книгу и даже гонорар получил?

— Про это он ничего не говорил.

— В другой раз скажет...

Только теперь я стал понимать, что имел дело с больным человеком.

Едва сотрудник ушёл, вошла секретарша:

— Женщина звонит, плачет, настаивает, чтобы я соединила с вами. Жалуются на журналиста Б.

Беру трубку.

— Я настоятельно прошу вас оградить меня от притязаний и угроз со стороны вашего журналиста Б.

— А в чём это проявляется?

— Он беспрерывно звонит мне домой и на работу, требует, чтобы я воссоединила его с женой...

— Почему именно вы?

— Она — моя сестра и не хочет с ним жить, а он этого добивается. Воздействуйте на него, иначе я обращусь в милицию!

Обещаю поговорить с Б. после его возвращения из командировки. И ещё толком не успеваю перевести дух, как входит молодая сотрудница и тут же начинает плакать:

— Дайте мне, пожалуйста, неделю в счёт отпуска!

— Что случилось?

— Почему Г. настраивает против меня всю редакцию, оскорбляет, не даёт работать?

— Да вы ведь по работе никак не связаны...

— Она слухи про меня распускает... Из-за неё мой материал вчера сняли, а теперь он устарел...

Ну бабы! Как правило, замечательные работницы, но характеры... Уже если между ними чёрная кошка пробежала — пиши пропало.

Привожу журналистку в чувство, отправляю домой, разрешаю не выходить ещё день, а там выходные...

В тот день у меня ещё побывали последовательница Порфирия Иванова, настаивающая на открытии в газете специальной рубрики, пропагандирующей «жизнь по Иванову», делегация учителей одной из школ — у её директора юбилей, о нём (директоре) надо написать, С.П. Шевченко с огромным материалом, который не очень-то вписывается в газетные рамки, Жасулан Садыков с эссе о роли интеллигенции в нашей жизни, с которым я не знаю что делать... И ещё с десятков людей — своих, конторских, и чужих, которым что-то от меня было надо. Как тут было не вспомнить Василия Михайловича Шкурко, жаловавшегося мне, начинающему корреспонденту «ЗП», за партией в шахматы:

— Идут, Юра, и идут... Свои, чужие... И каждому что-нибудь да надо. Дай, Василий Михайлович, сделай, помоги. И никто не приедет и не скажет: «На,



Василий Михайлович! Или: хочешь — помогу тебе, Василий Михайлович, сделаю...».

16 сентября

В Пекине проходит XV съезд Коммунистической партии Китая, который, помимо прочего, обсуждает стратегический план векового развития реформ, социалистической модернизации страны.

Компартия и приверженность социализму, как ни странно, не мешают Китаю стремительно идти в гору, развивать рыночные начала в экономике. Китай пробился со своими товарами не только на необъятный рынок сбыта бывшего СССР (как правило, с дешёвым и низкокачественным ширпотребом), но и за океан, где вполне конкурирует с мировыми производителями, например, электроники, тиражируя их же продукцию — высококачественную и относительно недорогую. Про китайские рестораны и говорить нечего: они в тех же США — одни из самых посещаемых.

Многие казахстанцы также выживают сегодня благодаря Китаю — везут оттуда и продают на бесчисленных отечественных базарах и базарчиках китайский ширпотреб.

Бастуют около тысячи работников «Севказэнергоремонта» — уникального предприятия, которое готовит к эксплуатации оборудование трёх павлодарских ТЭЦ и Аксуской ГРЭС. Зарплату ремонтники не получают уже девять месяцев, потому что названные предприятия не платят этой фирме за выполненные работы. А предприятия не платят, потому что с ними не рассчитываются потребители тепла и электроэнергии. Как жить ремонтникам, получающим вместо зарплаты по талону на обед? Они решили бастовать до тех пор, пока им не погасят хотя бы 50 процентов долга по зарплате.

17 сентября

Картинка с натуры. В областной администрации обсуждали проблемы ономастики — переименования населённых пунктов. Выступает заместитель акима района:

— Мы понимаем, что многие населённые пункты надо переименовывать. И мы хотим это сделать быстро и демократично. Но, понимаете, народ не хочет...

Беда с этим народом! Хоть китайцев и японцев к нам завози.

19 сентября

В Качирах перешли на «цивилизованное отключение энергопотребителей». Отныне «ключевые» организации, учреждения, предприятия — больница и школа, типография и пекарня, почта и колбасный цех, здание районного акимата и самого «Энергосбыта» отключаются по графику. И их работники приспособиваются жить в новом режиме энергопотребления и энергоотсутствия.

21 сентября

Пообщались «за жизнь» с Акифом Мамеловичем Гасановым. Яркий, глубокий человек с очень непростой судьбой. Вытянул на своих плечах совхоз «Берёзовский» в Качирском районе — один из самых дальних и до него основательно запущенный. Получил новое высокое назначение — начальником Железинского райсельхозуправления. И на этом посту сумел многое сделать. А когда началась реформенная чехарда, ушёл опять директором — совхоза «Червоноукраинский». С досадой и горечью говорил о том, как пускают под откос даже традиционно крепкие хозяйства. Не спасти и его нынешнее. Подумывает



об организации крестьянского хозяйства на базе одного из отделений разваливающегося «Червоноукраинского». Каково ему, всю жизнь отдавшему подъёму и преобразению села, видеть его сегодняшнее разорение?

...На обратном пути заехал в лес и удивился: опять природа чудит — подснежники зацвели. Слишком тёплая и влажная осень стоит...

Ходили с Ольгой на проводы Владимира Викторовича Шнейдмюллера — начальника Павлодарского отделения железной дороги, назначенного заместителем министра транспорта.

Шнейдмюллеры — известная фамилия в области. Они из семьи ссыльных немцев, сумели, как и их отец, выросший до заместителя начальника облсельхозуправления, преодолеть все жизненные невзгоды, подняться в полный рост. Владимир Викторович прошёл по всем ступеням железнодорожной карьерной лестницы, а его брат Александр Викторович — по ступеням лестницы спортивной.

А сегодня с утра ездили с Ольгой и Пашкой на дачу. Потрудились немного, а потом отдыхали, наслаждаясь, наверное, уже одним из последних погожих дней уходящего лета... Пекли в костре картошку, пили чай с дымком.

Хорошо было!

24 сентября

Грызёмся на работе. Помощники убеждают меня в том, что ну никак мы не можем в четверг выпускать «ЗП» на 16 полосах с программой ТВ. Но я-то знаю, что можем, хоть это и непросто. Сказал, что не отступлю...

Потом — разборки с бухгалтерией, которая работает у нас через пень-колоду. Понимаю, что людей там надо менять, но мне их жалко. Вот и дёргаюсь, а порядка в бухгалтерии нет. Не потому, наверное, что не хотят работать, а потому что «не врубаются» во всё новое.

Работа высасывает из нас с Ольгой все соки. Ладно, я — редактор, и это, наверное, мой крест (как приложение к должности). Но она ведь не только журналист (один из лучших в «ЗП», потому и бросаю её то на один, то на другой прорыв), но ещё и поэт. А когда ей писать стихи, если все эти, большей частью графоманствующие авторы, облепили её, как пиявки, и вытягивают все жизненные силы?

Говорил ей сегодня: надо тебе как-то от них дистанцироваться. И сразу подумал: а тебе самому не надо? Ты ведь тоже, как старая баржа ракушками, все больше обрастаешь какими-то людьми, нужными-не нужными обязательствами и связями, они опутывают тебя по рукам и ногам... Это ведь тоже не жизнь, а какая-то её имитация!

В Казахстане разгорается новый скандал — на этот раз вокруг фигуры премьер-министра А.М. Кажегельдина. Речь о его службе в КГБ и его неблагоприятной роли в приватизации. Сам он отбыл на лечение за границу. А один из известных наших парламентариев заявил вчера публично, что, возможно, Кажегельдин и вовсе назад не вернётся.

В России также, что ни день, то скандал. «Известия» дали серию материалов о том, как и почему мэром города Ленинска-Кузнецкого в Кемеровской области стал трижды судимый человек. И, судя по всему, теперь его уже никому не взять. Таковы российские демократические порядки.

Канал НТВ показал вчера интервью с депутатом Госдумы генералом Л. Рохлиным,



участником боевых действий в Чечне, ныне ушедшем в жёсткую оппозицию к Ельцину. С виду Рохлин — мужик мужиком и говорит нескладно и даже коряво, но какой-то несокрушимой верой веет от этого глыбы-генерала.

Он говорит: Ельцин пришёл к власти на волне народного недовольства Горбачёвым, но нынешнее недовольство этого самого народа уже самим Ельциным куда сильнее...

Наверное, так оно и есть. Но ельцинское окружение, давно опутавшее его по рукам и ногам (не только ближайшие помощники от власти, но и входившие в ближний круг «новые русские», враз разбогатевшие на дележе бывшей общенародной собственности), это окружение, всё под себя подмявшее, никогда «просто так» ничего наворованного не отдаст. И Ельцина — тоже, потому что он им всем нужен как «крыша». А они нужны ему как опора. Так и дальше будут друг друга подпирать. И Рохлину их не одолеть.

Дуплетом выступили с Ольгой в «Просторе». Она с очерком об Анастасии Цветаевой, а я с очерком о Викторе Николаевиче Васильеве. Хорошее совпадение, побольше бы таких!

25 сентября

Во многих российских школах до сих пор не начались занятия — бастуют учителя, долг по зарплате им составляет в среднем четыре месяца, а кое-где — около года.

Зато Россия теперь — член Парижского клуба и вправе требовать возвращения долгов от Вьетнама, Мозамбика, Эфиопии, Алжира — всего от 25 стран на общую сумму в 20 миллиардов долларов. Потребовать-то она может, но вот только вернут ли?

26 сентября

Написал для страницы «Человек и природа» про самую необычную в своей жизни рыбалку. Её нам устроил мой водитель Виктор Моторин. Зная его страсть к привиранию, я не поверил в рассказ о том, что карасей осенью в пойменных озёрах можно ловить голыми руками. Притом сразу за мостом через Иртыш. Но оказалось — всё правда.

На рыбную ловлю отправились четвером: Виктор, я, брат Петька и Пашка. Сразу за автомобильным мостом свернули налево и, минут 15 пропетляв по пойме, оказались на берегу высыхающего озера, местами заросшего камышом, — как раз напротив автодороги из Павлодара в посёлок Ленинский.

Виктор первым вступил в воду, мы за ним. Дно было вязкое, ступни утопали в густой озёрно-болотной тине. Воды было, как выражается один мой знакомый, примерно «по это самое», то есть чуть пониже пояса...

Виктор показал, как это делается: стал шарить обеими руками по дну и какое-то время спустя вытащил тёмного, золотистого озёрного карася, небольшого, с ладошку. И мы с братом, преодолевая брезгливость, также взялись шарить руками по дну, задрав кверху зады. Пашка следовал за нами с мешком для рыбы. Сначала дело у нас никак не шло: «Юрич» (так мы именovali Моторина) достал из воды уже с пяток карасишек, а нам с братом не удавалось поймать ни одного. Но скоро и мы освоили эту нехитрую науку: нащупываешь на дне невидимого карася, прижимаешь слегка, ухватываешь и тащишь наверх. Больше половины при этом всё равно упускаешь, но зато оставшиеся — твои.

Часа два мы бродили по озеру, измазались как черти, но зато в мешке у



Пашки трепыхалось с полсотни небольших карасей. Хватит на жарёху и нашему, и моторинскому семейству.

Отмылись потом в Иртыше и домой заявилися героями. Когда рассказывал потом друзьям об этой рыбалке, почти никто мне не поверил...

П.И. Оноприенко побывал в бывшем совхозе имени XXII партийного съезда, что неподалёку от Калкамана. Совхоз этот и раньше не блистал результатами, а теперь и вовсе вымирает. Разорены бывшая контора и школьный интернат, кругом развалины вместо домов. Нет ни магазина, ни бани, ни почты. В отделеении, где была овцеферма и 200 жителей, осталась одна семья.

Были поливные земли, но украдены провода электролинии, проведённой сюда, и наполовину разукомплектована дождевальная техника. Земли в округе достаточно, но в этом году она не засеивалась вовсе — не на что было купить горючее.

Так идут сегодня на селе реформы...

30 сентября

Целую страницу посвятили в сегодняшнем номере тому, как дураят нашего брата. Первый материал посвящён «Игилик-банку», «нагревшему» своих вкладчиков. Они положили в этот банк деньги под проценты, а банк по сути прогорел и не только проценты, но и деньги им, скорее всего, не вернёт. Даже если они выиграют дело в суде, у банка уже почти нет средств на счету, а имущество арестовано за долги, и его не хватит, чтобы рассчитаться со всеми должниками, среди которых вкладчики — далеко не первые, кому что-то может достаться.

Вторая история — наша собственная: о том, как фирма «Мади» кинула почту, а заодно «ЗП» примерно на полтора миллиона тенге, вернуть из которых удалось менее четверти.

Будущий год тракторный завод начнёт под новой вывеской — «Павлодар-казахстантрактор». Продолжится его сегментация, то есть отсечение очередных подразделений, чтобы создать оптимальную структуру, способную выпускать столько тракторов, сколько их востребует рынок. Уже подсчитано, что в ближайшие три-пять лет это будет не больше четырёх тысяч машин в год. В этом году пока выпущено менее двух тысяч. Основными покупателями павлодарского трактора остаются россияне.

Наша Людмила Мелехова описывает в газете совершенно дикую историю, произошедшую в Павлодаре. Мужчине средних лет стало плохо. Вызвали «скорую», которая приехала очень быстро. Мужчине стали делать искусственное дыхание, пытались «завести» сердце электрическим разрядом. Но в чувство привести его врачи не смогли и стали уверять жену и сына, что больной мёртв, хотя он всё ещё подавал признаки жизни. Один из врачей позвонил в милицию и сказал, чтобы приезжали «на труп».

Минут через 40 приехали милиционеры и сразу стали вызывать «скорую». Приехала другая бригада, сделала уколы и повезла мужчину в больницу. Там его тоже не ждали, стали искать каталку. Катили его к дверям реанимации всё те же родственники. Спустя три часа мужчина умер — у него был обширный инфаркт.

Пообещали читателям, что вернёмся к этой истории.

Окончание в следующем номере.



Павел ВЛАСОВ

“Вдруг обрести протянутую руку...”

Городской степенный житель,
Урождённый в деревнях,
Вы порой домой спешите:
Мните мчаться на санях,
Прямо в детство, вдоль опушки,
Шапку — набок, повод — в жгут...
Только вас совсем не ждут
Прятки, футбиши, войнушки,
И костёр, который жгут
Там — не вам печёт ракушки.

Там другой теперь хозяин —
Лет семи худой молчун,
Он теперь грызёт ферзями
Королевскую парчу,
Он счастливый обладатель
Горя школьных «единиц»,
Для него горит в закате
Зов прочитанных страниц,
Он не знает тех границ,
Что ведут людей к расплате...

Городской степенный житель,
Урождённый в деревнях,
Вы порой домой спешите:
Мните мчаться на санях...
Не ходите. Не ходите.
Я оттуда. Был на днях.

**Павел
ВЛАСОВ**

живёт в Санкт-Петербурге. Родился 30 декабря 1971 года в Коми АССР в посёлке Лемтыбож. Название посёлка сделал своим литературным псевдонимом, под которым опубликовал сборник стихов и прозы «Говориша» в 2009 году.

Выпустил две серии открыток (2009-2010), героями которых стали русские и зарубежные писатели.

На книгу и открытки были статьи-рецензии в журнале «Ровесник», «Российской газете», «Комсомольской правде».



Начало

Вода шумит и льётся свет,
И кожа ёжится от ласки,
И всё слипается как глазки,
И мира мягкого привет
Ты принимаешь.
Сколько лет
Уже живётся в этой сказке,
Она всё так же глубока
И с каждым днём её бока
Роднее.
В карнавальной маске
Сюда пытаются войти
Чужие сделанные люди,
Но не даётся мир в горсти
И он даваться им не будет —
Им свой придётся обрести.

Вода шумит. Кровавый ток
Вторит своей живой двойняшке
И тот же делает виток —
Упругий, выверенный, тяжкий.
В такое время на упряжке
Прекрасно ехать за китом
Последним. Бросив дол и дом,
Лишив себя сполна при том
Прав на ошибки и промашки.

И вместо ванны океан,
И вместо лампы солнце встало,
Но не меняется начало
Внутри трепещущих лиан.
Всё неизбывнее оно
И твёрдо празднует одно:
Когда лицо к воде припало, —
Ему другого не дано.

Без меня собачка плачет,
Задирая высоко
Морду, что, конечно, значит:
«Мне, хозяин, нелегко!
Мне, хозяин, очень горько
Без тебя сидеть одной».

— Понимаю. Вижу. Только...
Я сегодня выходной.
Я сегодня не на сутках,
У меня свои дела...



А собачка: «Это шутка?
Что-то я не поняла...»

Сядет. Смотрит скорбным взглядом.
Ей — в отсутствии родных —
Нужно, чтоб всё время рядом
Был бы я. Без выходных.

Что возвышает нас?
Падение в себя.
Падение до самой низкой сути,
И чаянье при бледной той минуте,
Под спудом зол надежду погребя,
Вдруг обрести протянутую руку,
Забывать умы, сомнения, науку,
И страшно обнажённым встать на свет,
И тотчас с миром получить разлуку,
И возыметь на всё один ответ.
Что возвышает нас?
Олимп? Эльбрус? Парнас?
О, нет. Они приносят только муку.

Не меня, а того есаула
Бил плетьюми атаман на войне.
Девяносто годов, как минуло.
Только шрамы вспухали... на мне.

Не меня, а мальчишку худого
В Ленинграде измучил мороз.
Только это... моё полуслово
На губах замерзало от слёз.

Не меня блатата ломовая
За политику вмяла в сугроб.
Только кто, как не я этот гроб
Обживал, на ветру застывая?

Не меня на допросы вдоль стенки
Волокли в кителях опера.
Только содраны были коленки,
Были попорчены зёрна нутра
У меня... у Алёшки... у Ленки...

Не на мне, фанатично гортаня,
«Духи» резали звёзды ножом.
Только в крови на пыльной поляне
Я когда-то затих нагишом.



Не по мне, скрежеща и борзея,
Шла страна, сострадания вне.
Только вся ты, сякая Расея,
Глубоко поселилась во мне.

Обычаем и свычкою
Встречает всё старинное,
И стан склонить немедленно
Оно тебе велит:
Здесь двери очень низкие,
И даже если недруг ты —
Поклон с тебя, кудлатого,
Оно уже взяло.

Так старина устроена,
Таким набита сахаром:
Скрипи зубами, гадина,
А всё же поклонись.

Писать не медля ни секунды!
Покрыть листы рядами строк!
Про снег, про валенки и унты,
Про туго взведенный курок,
Про деда (знавшего оброк),
Что всё ещё ведёт на фунты
Вес хлеба...
Утро. Снег глубок, —
В его сиреневом отливе,
В его искристой белизне
Такая жизнь открылась мне,
Такой от ветра вздулся кливер,
Что только сосенки одне
Поймут меня!..
По чёрной гриве
Гнедка бежит живьём волна,
Когда он тычет морду в ясли;
Глаза — как будто в чёрном масле,
Копыта — в зёрнышках пшена;
И, пав на круп, тотчас погасли
Снежинки...
Бим залаял на
Сороку, севшую на баню.
Она, клегча, летит на тын,
Кричит: «А я нашла алтын,
И вот в гнездо его тараню...»

Пройдёт соседка в магазин,
«Буран» проедет ярко-красный,
И тишина — неделей страстной,



И ветра свист среди лозин,
И пахнет дорого бензин,
И сизый дым — такой прекрасный!..

Поленья горкой у печи.
С них каплет серебро и золото.
И дядя Коля щиплет перчит,
И ест на завтрак в два прихвата:
Сначала суп, а после кость,
И выбивает мозг на ложку,
И со стола сметает крошку
В свою как ковш литую горсть...
Потом сидит спиной к печи
И курит, курит... и молчит...
Глаза лучатся без конца,
И бакенбарды вдоль лица —
При облысевшей голове —
Ещё милее для ребёнка,
И мы, все 22 опёнка, —
Кто сбоку, кто на рукаве —
На дяде Коле вырастали,
Как на огромном пьедестале,
Как на большом и мшистом пне...

Минуло всё. Прожить вполне
Такое больше не придётся.
Пусть дядя Коля остаётся
Внутри меня. Во мне. Во мне.
Пусть он в монтажном колпаке
Идёт каким-то дальним бременем,
И пахнет дымом, светом, снегом,
И «Дружбу» тащит на руке.

Поехать, что ли, в Абакан?
А там Тува, и за границу?
Закинуть за спину зарницу,
Ещё зовёт оно пока?
Поехать, что ли, сей же час?..
Купить билет в просторной кассе,
Мне всё равно, в каком классе,
Я ко всему привычный класс,
Молчать дорожною в купе
И хмурить брови, чтоб отстали,
Глядеть в темнеющие дали,
На верхнем лёжа канале...

Ступить на замерший пейзаж
И ощутить колючку пяткой,
И за десятой пересадкой
Не в книжный врезаться типаж,



А в жизнь саму, в её начало,
В её распахнутую твердь,
И рядом с ней почуять смерть,
Что разговаривать почала...

Баян-Ольгий и Учкекен
Проехать засветло на «ГАЗе»,
И оборвать на полуфразе,
Когда заглохнет «ГАЗ» в реке...
Петляя между серых гор,
«Алтан Навчис» курить с монголом,
И замечать на небе голом
Своей нервозности укор...
Въезжать в гонимый ураган,
И посреди его отдушин
Сидеть в пыли и долго слушать,
Как свищет рыжий тарабан.

В Лахте

Хорошо репетировать в Лахте,
Где не слышно гуденья машин,
Где на каждой на бабе по плахте —
Шириной и длиною в аршин,
И высокий-высокий кокошник,
И понёва лиловая в тон,
Где у всякой лицо как творожник,
А бедро как столичный батон.

Хорошо репетировать в Лахте,
Где мужик, неприкаянный тать,
Целый день пребывает на вахте
У ларька, в настроении поддать,
Где он, выжженный маленьким солнцем,
Упирая ручищи в бока,
О родстве с пресловутым эстонцем
Всё кричит, и ругает ЦК.

Хорошо репетировать в Лахте,
Где из миски, на кухне, в углу,
Котик серенький вылакал — ах, те —
Молоко, и заснул на полу...
Где глухая собака на будке
Отдыхает от мнимых погонь,
И её в смысле лахтинской шутки
Называют не «Шарик», а «Конь».

.....
Не трещит побелённая печка...
Всюду газ, батареи ... и что ж?
Как взошёл на кривое крылечко,
Так и вспомнился мне Лемтыбож.



**Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель, академик МАИН**

100-летию Касыма Аманжолова

Память о нём не меркнет

Касым Аманжолов был прекрасным поэтом, настоящим гражданином своего времени. Его поэзия подкупает лиризмом, искренностью, высоким гражданским накалом и патриотизмом.

Будучи коммунистом (с 1944 года), Касым Аманжолов, конечно, отдал дань социалистическому реализму – писал стихи о Ленине, о родной Компартии. Его книги выпускались не только в Алма-Ате, но и в Москве. Их переводили с казахского на русский язык достойнейшие поэты советской эпохи Борис Слуцкий, Илья Сельвинский, Дмитрий Снегин...

Помню, лет двадцать назад я был в гостях у карагандинского поэта, ветерана Великой Отечественной Михаила Балыкина. Как водится, выпили по сто фронтовых и вышли на балкон «отдышаться». И тут Михаил Данилович сказал:

– Знаешь, сегодня как раз 80-летие со дня рождения поэта Касыма Аманжолова. А вокруг – гробовая тишина, никто его не вспоминает, нет никаких публикаций о нём, его творчестве. Молчат библиотеки, молчат власти ... А ведь замечательный был поэт, патриот Родины!

И с гордостью добавил:

– Меня удостоили в Союзе писателей высочайшей чести: предложили переводить его стихи на русский язык.

Тут Балыкин жестом пригласил меня в свой кабинет и показал сборник стихов Касыма Аманжолова «Письма родине», вышедший в Москве в издательстве «Художественная литература» в 1960 году. В нём я нашёл стихи Аманжолова «Баллада о воде», «Акылбек», переведённые Михаилом Даниловичем.

А в 1984 году в издательстве «Жазушы» вышел новый сборник Касыма Аманжолова «Светлый путь». И в нём – опять переводы Балыкина. И я спросил его:

– Почему же вы, Данилыч, взялись переводить стихи Аманжолова?

И он охотно ответил:

– Ну, во-первых, Касым считался в пятидесятые годы лучшим поэтом Казахстана. А, во-вторых, он одинаково ровно относился и к казахам, и к русским, и к украинцам... Его хорошо знал писатель Алексей Брагин, они дружили в Алма-Ате. И он мне рассказывал, что в 1949 году Аманжолов в составе делегации писателей республики побывал в Москве на Декаде литературы Казахстана. Открывал её Николай Семёнович Тихонов. И в своём вступительном слове он назвал поэму Аманжолова «Смерть поэта» «жемчужиной казахской поэзии». И когда Касым услышал эти слова



Тихонова, то заплакал... Это были слёзы радости казахского поэта. Его по достоинству оценили в России!

Несколько раз сам Михаил Данилович встречался с Аманжоловым в Алма-Ате, бывал у него в гостях в двухэтажном доме по улице Виноградова, 29. В то время переводы надо было в обязательном порядке согласовывать с автором, и Балыкин этому неписаному правилу подчинялся.

Встречала его супруга Касыма Сакыпжамал, которая оберегала своего мужа, как могла, от невзгод и бед. Она всегда радовалась приходу гостей, сразу накрывала стол, угощала чаем с молоком, баурсаками. По её мнению, гости отвлекали Касыма от грустных мыслей, прогоняли из его души тоску-пессимизм.

И впрямь – увидев Балыкина, Касым поторопился навстречу, заулыбался, его карие глаза заискрились солнечным светом. Он остался доволен переводом Балыкина его стихотворения «Баллада о воде».

И переводчик ему понравился – свойский человек, ветеран Отечественной войны. Касым ведь тоже немало повоевал, он хорошо знал, что такое артоналёт фашистов, запах сырых окопов, чёрные взрывы снарядов, закрывающие солнце... Он хорошо знал психологию солдата-патриота и смог выразить её образно, всего в двух строчках:

*В гранату, сердце, превратись,
Тебя швырну в моих врагов!*

Этими строками Касыма Балыкин прямо-таки упивался, когда рассказывал мне о творчестве поэта. Аманжолов долгое время оставался в стихах доблестным воином, как и Михаил Балыкин. Об этом говорят и посвящения стихов Касыма – подполковнику Альпину, рядовому Сырбаю Мауленову, Герою Советского Союза, карагандинскому шахтёру Мартбеку Мамраеву, наконец, поэту-воину Абдулле Джумагалиеву... Но наряду с публицистическими патриотическими стихами он постоянно погружался в лирику. Любовь Касыма к женщине, матери, дочери не меркнет даже в пороховом дыму грозной войны... Характерно в этом отношении его стихотворение, посвящённое жене Сакипжамал:

*К одной лишь тебе я хочу идти,
Мне выбора больше нет.
И я не могу заблудиться в пути –
Я глаз твоих видел свет!*

Казалось, всего того, что написал Касым, достаточно, чтобы утвердиться в стране поэзии. Но не таков Аманжолов, ему надо было расширять рамки своего поэтического мира. Однажды, беседуя с Балыкиным, Касым неожиданно спросил его:

– А не думаешь ли, Михаил, что мы, поэты, ограничены в своей тематике и в своей правде?

– В каком смысле? – насторожился Балыкин.

– Видишь ли, я считаю своим учителем Сакена Сейфуллина, хотел бы написать всю правду о его жизни. Но это вряд ли нынче напечатают, ведь мы творим и живём под сапогом цензуры. До сих пор власти скрывают, что Сакена Сейфуллина в тридцатые годы сделали «врагом народа», а затем расстреляли. Когда же придёт время писать правду? Почему мы



пишем только о положительных явлениях, а отрицательные замалчиваем?

Балыкин растерялся, не зная, что ответить.

Но тут в комнату вошла Сакыпжамал и, взглянув на мужа, спросила:

– Что, опять захандрил, дорогой? Ты прямо замучил гостя: «почему» да «почему»! Зачем тебе в прошлом копать? Посмотри, какое солнце на дворе!

Она отодвинула шторы, и золотые лучи дневного светила упали на лицо Касыма. Но тут ему стало плохо, он закашлялся, и платок, которым поэт закрывал рот, покрылся розовыми пятнами крови...

Так Балыкин узнал, что Аманжолов болен туберкулёзом.

Во второй раз Данилыч отыскал Касыма у реки Алмаатинки. Учитывая тяжёлое состояние здоровья поэта, Союз писателей выделил ему юрту, чтобы он смог выезжать на джайляу, дышать чистым целебным воздухом Алатау, пить кумыс. И опять Аманжолов вернулся к проклятой «запретной» теме – трагедии казахского народа в тридцатых годах, когда все дороги были забиты трупами людей, погибших от голода. Может, после смерти Сталина разрешат, наконец, написать правду о горе народном, лагерях, Сейфуллине?

– Рано ещё писать обо всём этом, – угрюмо ответил Балыкин, и чтобы закрыть запретную тему, попросил: – Почитай лучше свои новые стихи...

В 1954 году Союз писателей выдал Аманжолову путёвку в Щучинский санаторий. Поэт побывал в горах и лесах Кокчетавщины, купался в прохладных озёрах, и, казалось, страшная болезнь отступила, хорошее настроение вернулось. Вот что такое соприкосновение с природой! Печальные мысли ушли, и вновь Касыма охватило вдохновение, родившееся из дара поэта – уметь удивляться. И он это удивление талантливо передаёт в строках, приглашая читателей в удивительную страну Кокшетау, где «вечно солнце светит», где «ветры, как щенки, у ног играют», «где тучи на вершинах тают»... Отдых в Боровом возвращает его в своё детство, родной Каркаралинск... Он говорит жене Сакыпжамал: «Обязательно после Окжетпеса побываю в Каркаралах, там осталось моё сердце...». Он верил, что его жизнь, как сапоги солдата, прочна!

Однако побывать на своей малой родине Касым Аманжолов не успел. «Я, словно дуб могучий, в пламени почернел!». Вначале почернел, а затем навсегда упал на землю – без дыхания, без признаков жизни. Было ему всего 44 года...

И Михаил Балыкин, вспоминая похороны Аманжолова, нервно закурил. И сквозь набежавшие слёзы прошептал:

– Я считал его своим другом, а он стал другом всего народа Казахстана. И молчать о Касyme Аманжолове сегодня – нельзя!

Немного подумав, успокоившись, Балыкин как бы обобщил свои воспоминания:

– Я делю всех писателей на две категории: тех, кто несёт свет людям, и тех, кто вгоняет их в темноту и мрак. Так вот Касым был из первой категории: он нёс свет людям, утверждая в стихах любовь к Сары-Арке, ветеранам Отечественной... Он, конечно, многого не успел сказать о



чёрных годах своего народа. Но я уверен, что доживи Касым Аманжолов до «оттепели», когда пали шлюзы молчания и запретов, он бы первым заговорил во весь голос о трагическом времени, о гибели незабвенного Сакена Сейфуллина...

Любил поэзию Аманжолова и карагандинский писатель Амен Азиев. Он неоднократно брал меня с собой в поездки по Каркаралинскому району. И непременно каждый раз мы заезжали на малую родину Касыма Аманжолова – в тогдашний совхоз имени Фрунзе. Конечно, зимовки, где родился поэт в 1911 году, давно уже не было. Но продолжали жить его родные места – урочище Ак-Кара, речка Кызыл, высокие горы Кент... На одной из высоченных скал, в которую вцепились три берёзы, кто-то вывел красной краской: «Касым Аманжолов».

Эти места ещё в детстве вошли в сердце поэта, воспоминания о них сопровождали его всю жизнь, особенно в те часы и дни, когда он борлся за перо...

Касым рано лишился отца, умершего тоже от туберкулёза. Мать Айгапша сдала его в интернат, но не забывала сына – время от времени навещала, привозила ему баурсаки, кумыс. А со временем Касыма взял к себе на воспитание старший брат Рахимжан, который жил в Семипалатинске. Он определил Касыма в местный техникум.

Для всех студентов тогда кумиром был великий Абай Кунанбаев. И Касым запомнил его заповеди, особенно: «Всю жизнь учись, постигая знания, накопленные человечеством». И он решил продолжить учёбу, поступив в Уральский педагогический институт... И первые профессиональные стихи появились у него в Уральске. И они были, на счастье Касыма, опубликованы в республиканской прессе.

О милый край! Тобою грезит твой акын.

Когда не вижу я родных твоих долин,

То словно никну, словно дряхлым становлюсь...

Я твой навек! Я твой защитник. Я твой сын!

В 1932 году Аманжолова приглашают на работу в редакцию республиканской газеты «Лениншил жас» («Ленинская молодёжь»), и он с удовольствием переезжает в Алма-Ату. Здесь талант Касыма раскрывается во всю силу, и после нескольких лет творческих исканий и публикаций в журналах и газетах выходит, наконец, его первый сборник поэзии «Исповедь жизни».

Там, где домик твой стоит, –

Речка быстрая бежит, –

Не моё ли отраженье

На волне её дрожит?

У тебя платок в руке –

И на белом том платке

Не моё ли это имя

Вышито на уголке?

– Вот с таких наивных стихов начинал Касым Аманжолов, – объяснил Амен Азиев. – И ему понадобилось много лет труда, чтобы подняться до уровня гражданина-поэта, остро чувствующего ответственность за всё



происходящее на земле...

И тут Амен Азиев поведал о таком малоизвестном факте: Аманжолов взялся за написание поэмы «Стон земли», в которой хотел показать трагедию его Отчизны. Но не успел осуществить задуманное...

«Я считаю, что его идеи не погибли, – уверенно сказал Азиев. – Я уже взялся за написание романа о трагедии нашего народа в 30-50 годы».

Это Амен Азиев мне говорил, стоя на берегу речушки Кызыл, где-то в 1995 году. А вскоре я уже держал в руках его роман «Стон земли»... Что не успел написать Аманжолов, то осуществил Амен Махатович Азиев, тоже, кстати, уроженец каркаралинских мест...

Годы летят быстро, и всё меньше остаётся людей, знавших Касыма Аманжолова. И хорошо, что в Каркаралинском районном краеведческом музее тщательно и аккуратно собирают всё, что связано с именем замечательного поэта. Здесь мне впервые показали стихи о нём литературоведа Такена Алимкулова, бывшего редактора каркаралинской газеты Заманбая Игликова, алмаатинского писателя Алексея Брагина... Вдова К.Аманжолова Сакыпжамал подарила музею чернильницу и ручку поэта, книги, которые он любил, читал и даже переводил, в том числе Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Твардовского...

Да, Касым Аманжолов долго и много занимался переводами на казахский язык классиков мировой литературы. Так что талант Касыма Аманжолова был многогранным, и каждая грань его сияла оригинально и ярко.

Касым Аманжолов ещё при жизни получил признание читателей... Поэт сумел шагнуть в наш век. В честь Касыма Аманжолова названы улицы в Караганде и Каркаралинске, на доме в Алма-Ате, где он жил, установлена мемориальная доска. И, конечно же, давно пора поставить в Караганде памятник Касыму Аманжолову. Право, он заслужил это своим великим стремлением к правде, своими пламенными стихами, воспевающими Сары-Арку, шахтёрский край, его отважных людей, завоевавших Великую Победу в битве с фашизмом, дающих стране хлеб и уголь.

С большим уважением к имени Касыма Аманжолова относился аксакал карагандинских писателей Жаик Кагенович Бектуров. Особенно ему нравилась его поэма «Мартбек», посвящённая боевой жизни Героя Советского Союза, карагандинского шахтёра М. Мамраева. Он считал её вершиной литературного мастерства Аманжолова. Действительно, в этой поэме Касым умело сочетает гражданский темперамент патриота с лирическими и философскими раздумьями о жизни и смерти, любви и ненависти, находит для неё единственно верные слова. Скупое, без публицистической фальши он показывает эпизоды боя за Днепр... Тяжело ранен командир взвода, лейтенант Волков, рухнул на землю, теряя последние капли крови... Солдаты растерялись, как быть? И тут поднялся во весь рост командир пулемётного расчёта Мартбек Мамраев...

Есть в бою неписаное право

Вдруг подать команду на бегу...



*Наш Мартбек – наш беркут Алатау –
Крикнул вдохновенно:
– Смерть врагу!
Дивной силой наполнялось тело.
Хоть и дыбился огонь степной,
Всё ж Мартбек вперёд рванулся смело,
Вновь друзьям скомандовал
– За мной!
И его послушались солдаты.
И опять сплотила их судьба.
А Мартбек – врагов из автомата
Вырубал как лезвием серпа.*

Не все знают, что Касым Аманжолов и герой его поэмы Мартбек Мамраев служили в одном подразделении в годы войны, хорошо знали друг друга, ибо вместе съели не один пуд соли из солдатского котелка в сырых и тёмных окопах. Вместе они в свободное время писали в дивизионную газету «В бой за Родину». На её страницах была опубликована статья Мамраева «Моё слово к воинам запаса» – своеобразный призыв к запасникам не сидеть на задней скамейке, не отсиживаться в домашнем тепле, а становиться в строй фронтовиков, чтобы вместе «бить фашистского гада». В этой же газете были напечатаны стихи Аманжолова, посвящённые героическому подвигу поэта-фронтовика Абдуллы Джумагалиева, павшего при защите Москвы в 1941 году. Стихи прозвучали настолько сильно, профессионально, что редактор газеты В.С. Кулагин заинтересовался творчеством Аманжолова. А поняв, что перед ним незаурядный талант, обратился к начальнику политотдела подполковнику Альпину отпустить Аманжолова на работу в редакцию газеты «В бой за Родину». И Альпин, доброй души человек, дал согласие на это. Немного позже, в 1944 году, Касым отблагодарит подполковника Альпина, посвятив ему очень тёплые строки.

*Привет поэта и привет солдата
Тому, чьё сердце добротой богато.
Я не забуду вашу широту,
Открытость вашу помнить буду свято.
С повязкой на ноге, в шинели серой
Всё испытал солдат ваш полной мерой.
К тому, что он прославится строкой,
Вы, подполковник, относились с верой.*

И далее Аманжолов благодарит Альпина за то, что открыл ему простор для творчества, утвердив специальным корреспондентом фронтовой газеты.

С болью и печалью расставался Касым с товарищами – бесстрашными бойцами, которые стали для него родными. Всегда, «как барс, отвержен и суров» Мартбек Мамраев, прощаясь с боевым товарищем, на этот раз не выдержал – незаметно смахнул слезу рукавом шинели.

– Да что ты, друг, – успокаивал его Касым. – Я только к ружью приравнял перо, а так душой и сердцем я с вами. И в первую же творческую командировку приеду к вам...



И Аманжолов, верно, через несколько дней уже опять обнимался с Мамраевым на передовой, собирая материал для газеты.

– О дружбе Мамраева и Аманжолова, к сожалению, написано очень мало, – говорил мне Бектуров. – А она была крепкой и многолетней. На фронте они вместе шли не только в атаку, но и выступали с концертами на грузовиках перед бойцами в часы затишья. Мамраев – с рассказами о битве за Днепр, Касым – с песнями о Родине, Каркаралах. Ведь он писал не только тексты, но и музыку, хорошо владел домброй, хорошо пел. Его песни «Дарига», «Страна родная» до сих пор живут в народе.

Работа в редакции фронтовой газеты вдохновила старшего сержанта Касыма Аманжолова на создание новых поэтических произведений. Невозможно сегодня без волнения читать его строки о фронтовой дружбе с казахским поэтом-воином Сырбаем Мауленовым, о Первомае, «когда шинель была из льда, и ливень шёл свинцом», о позывных Кремля: «Говорит Москва!».

Касым Аманжолов печатал свои стихи не только во фронтовой газете «В бой за Родину», но и во многих других периодических изданиях. В июне 1944 года большой радостью для него стал приезд делегации Карагандинской области в Брянск. Она доставила для населения освобождённых районов России девять вагонов подарков. Карагандинцы встречались с бойцами, посетили заводы и железнодорожное депо Брянска. Аманжолов как корреспондент присутствовал на этих встречах. В газете «Брянский рабочий» он опубликовал стихотворение «Приветствую тебя, Брянск!».

*Прими, Брянск вольный, скромный дар поэта,
Певца Победы, бури и огня!
Идёт к тебе с подарками, с приветом
Казахская республика моя!*

Бектуров рассказал, что в нашей республике это стихотворение не было долгое время известно. Только в 1962 году его случайно обнаружил в газете «Брянский рабочий» тогдашний аспирант, ныне доктор исторических наук Амирхан Жумасултанов.

Фронтовая поэзия Аманжолова богата и разнообразна. Но, как утёс, возвышается написанная им в 1944 году поэма «Мартбек». Она ещё больше сдружила Касыма с Мамраевым. Мартбек восторгался пламенным слогом друга, его образностью. У него не было никаких расхождений с Аманжоловым по части правдивости его строк.

Их фронтовая дружба была продолжена и в мирное время. Когда Аманжолов приезжал в Караганду, обязательно бывал в гостях у Мамраева. Вместе они отдыхали в Боровом в 1954 году, где лечились в Щучинском санатории. Там Касым задумал написать роман в стихах «Казах из Каркаралы», эту идею поддержал Мамраев... Но здоровье не позволило Касыму осуществить этот грандиозный замысел.

И всё же Касым Аманжолов оставил после себя богатое наследие. У меня в личной библиотеке сохранились его книги «Избранное» (1971 год), «Стихи» (1973 год), «Светлый путь» (1984 год), изданные в Москве и Алма-Ате.



Немало стихов Аманжолова было опубликовано в коллективных сборниках. Так, в 1985 году в издательстве «Жазушы» вышел сборник стихов «Песни о тебе, Караганда». Одним из его составителей был Жаик Кагенович Бектуров. Он предложил включить в этот сборник стихотворение Касыма Аманжолова «Акын и шахтёр», опубликованное в 1948 году в переводе с казахского языка на русский Ильёй Сельвинским, что и было сделано. А содержание стихотворения таково: шахтёр обращается к поэту с призывом шагать с ним рядом, в ногу, прославлять его труд под землёй. И поэт вторит этому призыву:

*Шахтёр, ты прав...
Когда народ идёт вперёд,
То впереди поэты!
Их долг прямой
Идти в забой
Для боевой Победы.*

Не правда ли, это стихотворение Касыма Аманжолова актуально и сегодня, когда музы молчат, не поднимая на пьедестал славы в поэмах и стихах героев сегодняшнего дня – горняков и металлургов? А в то советское время призыву Касыма Аманжолова воспевать шахтёрский труд вняли многие поэты Казахстана. Среди них – Фёдор Моргун («Звёзды на копрах»), Омар Шипин («Голос народа»), Музафар Алимбаев («Угольный комбайн»), Анатолий Галиев («Шахтёры»), Геннадий Иванов («Стихи о чёрном камне»)... Я уж не говорю о таких прославленных поэтах, как Джубан Мулдагалиев, Аманжол Шамкенов, Михаил Львов, Алексей Брагин, Николай Кузнецов, Михаил Балыкин, Абдулла Салехов, Любовь Шашкова...

Жаик Кагенович Бектуров говорил:

– По сути, стихотворение Касыма Аманжолова «Акын и шахтёр» стало заглавным в том сборнике. Касым как бы повёл за собой целую плеяду поэтов, объединив их темой шахтёрского труда...

Ж.К. Бектуров гордился тем, что ему доверили подготовку к выпуску большой поэтической книги, посвящённой Караганде и её труженикам. Сейчас уже стали забывать, что в 1984 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Караганда в год своего 50-летия была награждена орденом Трудового Красного Знамени за заслуги трудящихся города в социалистическом строительстве, их большую роль в индустриализации страны и значительный вклад в обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне. В связи с этим событием и был осуществлён выпуск коллективного сборника стихов «Песни о тебе, Караганда».

Составители этого сборника Ж. Бектуров и Ю. Нестеров блестяще справились с поставленной задачей, осуществив большой поиск стихотворений поэтов разных поколений о Караганде (около 60 авторов).

Хорошо отзывался о поэзии Касыма Аманжолова уважаемый мной



алмаатинский писатель Олег Васильевич Мацкевич, с которым я был дружен и вёл длительную переписку. Он ставил в большую заслугу Касыму Аманжолову его умение передать неординарно, самобытно любовь к Казахстану, его пашням и рекам, горам и долинам, к женщине-матери, невесте, сестре...

В 1984 году в издательстве «Жазушы» вышел сборник стихов Касыма Аманжолова «Светлый путь». Большую дорогу к читателю открыл ему Олег Васильевич Мацкевич, рецензент этой книги. В своей рецензии он отметил, что Касыму Аманжолову принадлежит заметное место в казахской поэзии, он – поэт высочайшей пробы. Не зря его переводили первоклассные русские поэты Б. Слуцкий, М. Львов, И. Сельвинский, В. Савельев, М. Балыкин, Д. Бродский, Д. Снегин и другие. Поэзия Касыма Аманжолова берёт за душу каждого, кто к ней прикоснётся, начнёт читать. Особенно выделял Олег Васильевич Мацкевич стихи Аманжолова «Сары-Арка» и «Казахстан».

Он подарил мне книгу Аманжолова «Светлый путь», и я убедился, что в названных им стихах – яркий публицистический накал души поэта, пламень его горячей любви к родной земле. Стихотворение «Сары-Арка» было написано в 1943 году, когда поэт прощался с родным домом, уходя на фронт.

*Мне не забыть твоих небес и широты степной.
Тут всё моё, моя страна, я сын навеки твой!
Прощай, родимый Казахстан! Но я вернусь, вернусь:
За твой простор, Сарыарка, иду я в грозный бой.*

Стихотворение «Казахстан» поэт сочинил в 1945 году, когда вернулся с «проклятой войны» с Победой. Он в восторге, что его Родина торжествует, набирается новых сил:

*Есть хлеб в полях у нас, в горах руда,
Есть тучная земля Каркаралы,
Большой котёл угля – Караганда.
Нас никакая не страшит беда,
Сильны мы и отважны, как орлы.*

*Приди со мною вместе на Балхаш
Иль огляди простор степных равнин.
Не сновиденье это, не мираж,
Цветущий этот край навеки наш, –
Ты счастлив, Казахстана гражданин!*

Читая стихи Аманжолова, я всё больше убеждался в том, что он – настоящий поэт, что его станут читать и в будущем, чтобы славить родной край. Память о замечательном певце Родины никогда не померкнет.



Одетая в печаль недолгих ливней...

Минуло уже десятилетие, как ушла к высоким звёздам Инна Васильевна Потахина – неординарная личность, самобытный Поэт, известный, яркий журналист – мэтр литературного слова. За эти годы появилось новое поколение литераторов и читателей, но очень хочется, чтобы творчество И. Потахиной, пронизанное глубоким лиризмом и философией, иронией и юмором интеллектуала-эрудита оставалось в поле зрения и сегодня. Тем более, что поэзия Инны Потахиной, чётко вырисовывая черты своей эпохи, как истинная поэзия остаётся вне времени.

Одно из своих последних стихотворений – «Зарок» Инна Васильевна закончила так: «Я о душе/ с людьми/ не говорю». И всё же вся её поэзия – это разговор о душе. В стихах, написанных в разные годы, душа предстаёт перед нами в разных её состояниях. Тонкие, пронизанные глубоким лиризмом строки, отзываются в нас, заставляя сопереживать, звучать в унисон с мелодией души автора. Вот она душа – живая, трепетная:

*Душа ещё тепла
в далёком далеке...
Там, в зеркале,
едва плеча коснувшись,
растаял ангел
со свечой в руке.
И день минувший...*

А вот страдает, мучается:
*Душа сжимается
От слов несправедливых!*

В строках, посвящённых Вольке Козлову, нам открывается таинство обретения гармонии, постижения небесных истин:

*Успокоилась душа –
ни тоски, ни расстояний,
у порога постояла,
обнажаясь не спеша,
села рядом,
обожгла
паузой потусторонней:
между выдохом обронен
вдох,
как перья от крыла.*

И вдруг в другом стихотворении исповедальное, отчаянное признание:

*Душа легка, как выпитая чаша!
И сквозь неё
сияет напролом
несходство потрясающее наше...*



И всё же лирическая героиня И. Потахиной, как и она сама, пройдя нелёгкий путь лишений и разочарований, обретений и потерь, сумела сохранить ту, прежнюю, себя – восторженную и любящую мир. Словно обнаруживая, что

*Ведь на поверку
вовсе не броня,
а тонкая печаль недолгих ливней
одела в полночь прежнюю меня.*

В своей поэзии Инна Потахина не только раскрывает тайны своей души, желая вызвать ответное звучание, но стремится к наивысшей степени общения со всем сущим – к родству! Её точные пронзительные строки забыть невозможно! Они сами становятся источником, объединяющим нас:

*Но если есть родство на этом свете,
Меня своей сестрою назови.*

Римма АРТЕМЬЕВА.

г. Алматы.

Инна ПОТАХИНА

“*Растаял ангел со свечой в руке...*”

* * *

Щекой к холодному стволу...
А тёмное дыханье — справа.
Благословен обман отравы —
так тесно в солнечном лесу.

И в перепутанице слов,
фиалок, неба, трав и веток
ищу вины и жду ответа,
коль песня вызвала на суд...

Гитара

Виктору Мильто

Как наизусть
оплаканные звуки,
та песня
справедлива и мудра.
Я прячу
расколдованные руки,
чтоб выдержать
разлуку до утра.
И каюсь, перед стенами смелея,
и в зеркале
свидетелем молчу,

ведь никогда найти я не сумею
того,
что не боюсь и не ишу.

Как наизусть
оплаканные строки,
та песня лжёт
подкупленной звездой
и падает
в назначенные сроки,
обрушивая небо надо мной.



* * *

Я научилась доверять словам.
Отдам себя их горькому разлёту.
Придумали
другие города,
автобусы, кареты, самолёты,
придумали
случайность и судьбу,
тоску,
гитару,
поздние дороги.
Пасьянсы, предвещающие беду,
по-прежнему
медлительны и строги.
И я спешу.
Хоть вижу: не успеть!
Как взрывы,
оглушительны аккорды.
И снова ночь.
Ты здесь.
Ты будешь петь
в придуманном, невыспавшемся городе...

Зеркало

Там, в зеркале дневном,
беспомощный предел
пространства,
обречённого на убыль.
И в отражении безделицы и дел
остались лишь одни
твои глаза и губы.
Душа ещё тепла
в далёком далеке...
Там, в зеркале,
едва плеча коснувшись,
растаял ангел
со свечой в руке.
И день минувший.

Воспоминание

У ночи той, где речка пахла льдом,
была своя особая затея:
что не признает разум, вспомнит тело —
когда-нибудь потом.
Меня коснулась сонная трава,
передалась мне дрожь поляны влажной.
А что случилось после — так ли важно?
Ведь не слова...



* * *

Ах, эта жизнь на ощупь,
наотмашь, наобум!
Шершавая, как площадь,
постель, где дремлет ум.

Ресницы, как обложки
закрытой книги нимф, —

отточенная ножка
у крошки Суламифь.
И липкий карандашик
рисует в пустоте
черты любимых наших,
не главные, не те...

* * *

Ю. Тынянову

Вы жили прошлым.
Прошлому — хвала!
Большой театр —
маленькие тени.
Вы тени раскаляли добела
и возвращали им
живое тело.

Пусть в жилах кровь!
Пусть каждый говорит!
Раскроет карты —
карты будут биты.
В ком совесть спит,
а в ком она кипит,
хоть знает:
правда обернется пыткой.

Веками пересуды берегли.
Но к Пушкину,
трагически умна,
идёт не Гончарова Натали,
а скорбная вдова Карамзина.

Так не одна истаяла свеча.
И наскоро заставлены утраты.
И время маскирует палача,
и не найдёшь ни злых,
ни виноватых.

* * *

Мой карточный домик
всё хвалится прочною крышей,
и книжным теплом,
и привычною, в общем, постелью.
И в карточных домиках
люди придирчиво дышат
на тонкие стёкла
угрюмо-морозным весельем.



Но всё это так,
если выбора нет в одночасье.
И нет благодарности —
кто эту крышу построил?
Кто нашу вину
поселил между горем и счастьем
и тем рассердил,
что как будто навек успокоил?

* * *

Душа сжимается
от слов несправедливых!
Ведь на поверку
вовсе не броня,
а тонкая печаль недолгих ливней
одела в полночь прежнюю меня.

И поделом
выпрашивать упрёки,
лелеять раны,
вкусно горевать
и музыке нестройно подпевать,
усвоив лишь начальные уроки.

Лениво ждать,
что жизнь найдёт тебя,
распорядится как-нибудь получше:
подарит тёплый день...
На всякий случай
фанфары славы
громко протрубят.

Подарит ратной силы тетиву,
красивую, заветную победу,
забыв о том,
что больше не живу,
что боли страх
отныне мне неведом...

* * *

Да поможет мне лес!
Там
колючее солнце
сквозь сосны.
Там
лучи проливные
застыли, дрожа на ветру.
Шелестит тишина...



И печали мои
взрослые
по упругой траве
торопливо уходят на юг.

Там жестокий покой
в одинаковом ствольном круженье.
Там гуляют легенды
ещё не разбуженных снов.
Я забуду тебя

в молчаливом движении,
движение.
И не нужно теперь
долгожданных твоих слов...

Да поможет мне лес...

В пути

Ты для меня — ностальгия ума.
Тот паралич бесполезный, бесплодный.
Даже во сне я не стану свободной —
всё тишина, одиночка, тюрьма.

Как же до лени благой доползти?
Как же добраться до смелого смеха?
Как же понять, что слова твои — эхо,
зеркало счастья на страшном пути.

Как перед небом себя оправдать,
если разлука так жжёт и печалит,
если торжественны, будто в начале,
долгой дороги
тоска,
благодать.

* * *

Была ли любовь —
я не знаю!
Об этом пиши, не пиши.
Прошла осторожно по краю
родной и неясной души.
Потом, задыхаясь от фальши
аккордов за тонкой стеной,
пыталась казаться домашней
какою-то страшной ценой,

пыталась казаться полезной,
уютной и тёплой, как снег.
Скрывая причины болезни,
жила всё больней и больней...

И всё это было когда-то.
И оклик угас: уходи!
И пёс непутёвый, лохматый
по тропке бежал впереди.



* * *

Почему
оставлять на потом восхищенье?
Что-то тайное есть
в отрицании близких гармоний...
То, что рядом живёт,
иногда не имеет значенья,
и великое
бродит в безумной дали —
не со мною...

И становится как-то порой
неуютно,
тревожно,
пусть и день удаётся
в согласии мелких деталей...

А высокая песня,
навек забыв осторожность,
без надежды и сна
от тебя навсегда улетает.

Почему и восторг погасить
не составит печали:
благоденствие —
чувства скрывать —
как бы не было худа?
Почему прежде горестных глаз
мы всегда замечаем,
что не убран диван
и ещё не помыта посуда...

* * *

Любовь моя тихая,
яблони тонкая ветвь!
В последнюю тяжесть,
пожалуйста,
больше не верь:

как дышится просто,
когда без боязни —
пусты —
бесплодные почки
тебе обещают листья...

* * *

Так созерцать,
чтоб всё испепелилось!
Звезде дано мерцать —
живи себе, живи!
Но требует она,
скажи на милость, —
и славы,
и почтенья,
и любви.

Так много вас,
благодарю покорно!
Так трудно остывающим
глазам
всё ожидать,
чтоб свод небесный чёрный
ещё одно мерцанье заказал...



Лариса МАРТЫНОВА

Ангел, бабочка и некто с кожистым крылом

1. В этих взлетах

*Ветер взовьётся, и птицы взлетят,
И потемнеет, на миг обессилев,
Воздух, промешанный сотнями крыльев,
Перетекающих в дальний закат...*

*Вот и опять поднялись, поднялись
Тёмные тени без снов и пристанищ.
В этих взлетах разве не станешь
Сам полутенью, взметнувшейся ввысь?..*

(1)

*Звезды брызнули в зенит,
Тая, отлетая...
В сон усталый мой летит
Бабочка ночная.*

(1)

Когда читаешь эти строки, – душа взлетает. Такую поэзию не хочется анализировать, её хочется читать, проговаривать вслух и мысленно и собирать впечатления, ощущения, как фотографии после путешествия.

Человек – существо биологически нелетучее. Поневоле захватывает дух, а думать о стиле, когда голова кружится и сердце трепещет – невозможно.

Потом уже, закрывши книжечку, пытаешься понять, почему так происходит.

Обычно мы стараемся «держать лицо» не только в собрании, но и на страницах книг. Кто не побоится признаться, что ответная реакция на такие стихи почти всегда рождается на уровне эмоциональных и коротких междометий «Ах!», «Ох!» или подобных им словосочетаний: «Ух, ты!», «Вот это да!». Потому, что небо и воздух для Евгения Курдакова – родные стихии. И они не пусты. Они населены. Там бабочки, ангелы, птицы, неясные сущности, ощущаемые нами лишь шелестом крыл и мельканием тени и света.

«... однажды осенью, когда над Иртышом, легко скользящим в золотом обрамлении тополей и черёмух, потянулись на юг сибирские птицы, эти огромные, непрерывно накатывающиеся стаи, станицы, армады грачей, галок, скворцов, вперемешку с провожающими их воронами, когда медленный шелест неисчислимых крыл переполнил



воздух и слился словно бы в единый гул, в звук печального прощающегося предупреждения, мне показалось, что в нём слышится не только это...».

(4)

Это цитата из книги «Золотое перо иволги» – одной из самых «птичьих» книг Е.В. Курдакова. Уже там он отмечает «удивительную приверженность русского, славянского фольклора, особенно песен, к птицам», отмечая, что «нет ни одной песни о рыбах», что «Это нечто выше традиций и восходит, может быть, к самой сути древнейшего миропонимания...».

Он сам прекрасно знает повадки птичьего племени. Он находит ряд устойчивых словосочетаний, одинаково определяющих птичий и людской говор и приходит к выводу, что язык, предшествующий человеческой речи, надо искать не у дарвиновских обезьянок, но у птиц.

«Воистину, в начале было Слово. Оно буквально витало в воздухе, воркуя, курлыча, без конца проговариваясь в говоре птичьем...» – пишет он в этой же книге».

(4)

В христианской же традиции воздух над землёй считается местом пребывания множества летающих существ, в основном демонического характера. Душа человека после смерти с трудом преодолевает эти пространства, стремясь уйти в высшие сферы. Вот почему мы должны особенно усердно молиться за ушедших в первые дни.

Как хорошо, что Всевышний предусмотрительно оградил большинство людей от восприятия этого мира. Но поэт сам работает в мире духовном, он чувствует его напрямую уже при жизни, и поэтому такой защиты не имеет.

*Ангел с правого плеча,
Чуть вздохнув, слетел, и сразу
Бес возник как по заказу
Из-за левого плеча...*

*Давит мраком, душил тьмой,
Пустотой глухой, напрасной...
Где ты, ангел мой прекрасный,
Белокрылый ангел мой?*

(1)

Некоторые стихи Курдакова прилипчивы и опасны, потому что несут в себе голос этого иного мира. Удивительно то, что слова его текстов по отдельности просты и даже обыденны, но в композиции образов и ритмов, организованных автором, приобретают магическую силу. Можно привести для примера несколько строф из таких стихотворений. Они завораживают и впиваются в мозг моментально. И дай вам Бог вовремя избавиться от желания повторять их беспрестанно, пока с вами не случилась беда. А слова-то в них совсем простые.

*Отойдёт луговая вода,
Тронет зелень лесные опушки,
И тоскующий голос кукушки
Мне назад отсчитает года.*



Или

*Опались, опались, опались
Этим пламенем белого света,
И к земле своей, светом согретой,
Опалённый, навеки склонись.*

Что важно здесь? Безусловно, – ритм. Графика орнамента, структура музыкального произведения, ритм в поэзии воздействуют на чувства человека, подобно гипнозу. Наш мозг устроен таким образом, что после третьего повтора он по инерции ждёт следующего, и если не находит, – бьёт тревогу. Завораживают и образы. Простые, какие-то акварельные, немного мистические пейзажи.

Нет, недаром Евгений Васильевич штудировал двадцатипятистраничный трактат Сергея Есенина «Ключи Марии». «Что же завещал нам наш золотой провидческий гений?» – пишет он в статье «Ключи заброшенного храма», и здесь же отвечает цитатой из работы Есенина: «Люди должны научиться читать забытые языки».

Всю свою творческую энергию посвятил поэт постижению, по его словам «великой и трагической тайны, которую знали наши предки, а мы – забыли». (3) Дрожь пробирает, когда читаешь не только стихи, но даже литературоведческие работы Курдакова. Поистине, он обладал колдовским даром обозревать небо и землю, проникать сквозь толщу времени, видеть то, что скрыто в недрах земли, болот и корней растений.

«Никто уже не умеет сдвигать семантику обиходных слов – туда, в мифостадиальное пространство», – пишет он в этой же работе. Далее следует подробное описание этого пространства, отдалённого от нас бездной времени. Поэт описывает его так, что любой понимает, – он частый гость там, оно ему знакомо не извне, но изнутри, на уровне чувственного восприятия.

«... в щелях *Матери-Ледника* пасутся мохнатые костобоки, а из-под небесной тверди, как из-под соболевых бровей, мрачно выглядывает *Око Отца*, освещая тусклым светом скудные жилища наших праотцов, которые уже тогда нацарапали для нас на осколках костей предупреждающие знаки, завещая нам великую и трагическую тайну, которую они знали, а мы – забыли». (3)

Термином «Мифостадиал» Курдаков обозначает единую, общую для всех мифологических систем последовательность событий, некий всеобщий код времён. Он верит в общую память, единую прародину и праязык всего человечества, вместе с Есениным ищет связь древних языков с предшествующей им системой символов. Доказательства тому Евгений Васильевич искал в гроте с наскальными рисунками в Ак-Бауре, на берестяных грамотах Великого Новгорода, в текстах «Велесовой книги».

Курдаков – один из немногих современных поэтов, кто владел формой стиха на уровне шаманизма. Поискам этой магии слова он отдал всю свою поэтически-сознательную жизнь и не скрывал этого. Он исследовал скрытые возможности человеческого слова в области цвета,



ритма, семантики. В любой сфере этих исследований его ждали открытия.

Поэт «пишет» словом так же, как художник цветом.

Переберу любимыми словами

Ещё одной весны случайный свет,

Что вспыхнул мимолётными цветами,

Что вздрогнул, – и его уж больше нет...

(1)

Говорят, что в своё время за спиной П. Рубенса шептались: «Он при-мешивает кровь в краски, чтобы лица людей на портретах казались живыми». Евгений Васильевич прекрасно понимал превалирующую роль цвета и света в мировосприятии и, как истинный мастер лирического стихотворения-пейзажа, умел с помощью красок вдохнуть жизнь в свои картины. Он «рукаст» (по выражению его дочери Юли), да и «глазаст» как никто другой. Природа Восточного Казахстана станет его главным университетом, но истинный цвет его поэзии скорее фиолетовый, чем лазурный, в том смысле, что при всей своей синеве во многих стихотворениях прячет он каплю крови или какой-то нездешней запредельной печали.

Уходишь по разбитой в прах дороге

Меж сонных колокольцев сон-травы,

И все леса божественно убоги,

И небу не хватает синевы.

(1)

С годами всё более крепло в нём убеждение, что, «Не имея видимой, осязаемой физической субстанции, слово тем не менее обладает огромной силой не только в собственных внутренних пределах, но и вовне».

Евгений Курдаков «Спасённые птицы Христа» (4).

Иными словами, маленькая притча из «Апокрифа Фомы» о детстве Христа убедила поэта в том, что слово, сказанное должным образом, (с «предельной духовной концентрацией, с мгновенным внутренним подчинением всего – единому, с абсолютной убеждённостью в том, что сказанное – истина, и – свершится...») – способно воздействовать на объекты материального мира. Он откроет и, по его словам, очень любопытный момент: «... способ действен лишь в среде ожидающей».

И вот здесь наступает значимый момент не только в его исследованиях. Он подходит к некоей развилке в своей судьбе. Здесь он впервые явственно услышит шелест чёрного кожистого крыла. Это произойдёт в тот момент, когда он открыто назовёт побудительную причину своих поисков. Он ищет «... способ владения Словом, а через него – людьми».

Евгений Курдаков «Спасённые птицы Христа» (4).

Уже здесь он так увлёкся, что забыл некоторые предостережения, высказанные ещё в роковых книгах средневековья: «Лишь через песню заклятий, но не через жгучие яды гибнет душа». (5)

Если быть честным, на этой развилке оказывается любой человек,



чья жизнь связана с творчеством. Подобно главному вопросу для философа о первичности Духа и материи, каждый художник и поэт задумывается о том, можно ли вообще творить в уже сотворённом мире? Ведь создавая нечто новое, ты тем самым кощунственно поправляешь Создателя. Нам предоставлена свобода воли и способность к творчеству. Но как далеко они распространяются, не знает никто. Здесь, очевидно, важны побудительные мотивы твоих действий. «Человек», – как сказал А. Вознесенский, – не в разгадке плазмы, но в загадке соблазна». Соблазн власти над людьми осенён чёрным крылом.

Я не думала специально исследовать демоническое начало в творчестве Е. В. Курдакова. Я просто пыталась понять причины, истоки «крылатости» его стихов и магии слова. Но тут и там обнаруживала то кожистое крылышко, то мелькающий шаловливый хвостик.

Он с детства лелеял в себе дух бунтаря и ниспровергателя истин. Не знаю, что уж там было в его бузулукской школе, но она хорошо воспитала в нём лишь стойкое отвращение к общей системе взглядов на мир в целом и официальной системе образования в частности.

Так происходило не всегда, но в том случае, когда разговор задевал что-либо выстраданное им до такой степени, что менять свои убеждения он не мог: идеи рвали тело и душу. Бичевание авторитетов выполнял он продуманно и артистично, не в порыве слепого возмущения, но с повадкой истинного интеллигента.

«Как могли выхолостить и выпотрошить великое «Слово» (т.е. «Слово о полку Игореве») до той кондиции, в которой оно ныне пребывает усилиями и «переводами» академика Лихачёва? Почему академик постоянно сопровождает свои издания «Слова» ещё и «поэтическими» переводами И. Шкляревского, совершенно безграмотными и безобразно косноязычными?». (3)

Это цитата из статьи Евгения Васильевича «Ключи заброшенного храма» об И. И. Шкляревском и Д. С. Лихачёве, на книгах которых выросло целое поколение русских словесников.

Или:

«... он сетовал на незнание молодёжью аж самого Паустовского, кстати, не самого грамотного русскоязычного писателя». (6)

Надо обладать изрядной долей безрассудства, чтобы так сказать о писателе, которому удалось уже внутри русского языка создать свой, совершенно неповторимый, очень чувственный и романтический стиль.

Беспрекословными авторитетами Курдакова в литературе были, пожалуй, Пушкин и Есенин. Из современников, наверное, Юрий Кузнецов. Всем остальным досталась изрядная доля иронии и сарказма. Одно из его последних произведений «Пушкинский дворик» изобилует множеством резких выпадов по отношению ко многим поэтам, в том числе и Павлу Васильеву.

Подобных примеров можно привести немало, так же как и высказываний по поводу множества «безумных» идей Курдакова.



Он утверждал, например, что христианство на Руси появилось ранее, чем в Византии, что в его родном Бузулуке была взорвана атомная бомба, по мощности не уступающая тем, что были испытаны в Хиросиме и Нагасаки.

Он был интересным человеком и блестящим оратором. Сейчас я понимаю, что иногда он просто провоцировал нас, чтобы разогреть чинное собрание местных литераторов. Он говорил, что женщина не должна писать стихов, ведь её жизнь – это орнамент жизни мужчины.

Как мы спорили с ним! Но в душе-то каждая из нас думала: «Если это не обо мне, то ведь он, пожалуй, и прав!». Даже сейчас вы наверняка найдёте парочку недоброжелателей из местных поэтов, тех, кого он в своё время обидел резкой критикой, но рядом с ними могут оказаться и фанатически преданные ему учительницы, которые искренне считают, что он – последний русский поэт XX века.

Даже уход свой из этой жизни «организовал» он так «красиво и правильно», что сама смерть увидела его саркастическую улыбку.

Не зря говорят: «Время – лучший критик». За прошедшие восемь лет разошлись круги по воде. Многие люди, и не только литераторы областного центра, вдруг с удивлением обнаружили, как важно для нас помнить Курдакова. Студенты, школьники, художники, музыканты, учителя, сотрудники музеев в любую погоду в середине августа собираются на Крутой речке, чтобы петь и читать его стихотворения, по его завещанию подвести итоги своей издательской и творческой работы. Не в тесных прокуренных редакциях, не в шумных залах аудиторий, но там, на просторе, где реки и солнце, волны и ветер, лепетание листвы, мелькающие блики на воде, прочувствованные и обозначенные им, как «мой берег вечный» будет жить Душа поэта.

2. Как зегзица

В «Слове о полку Игореве», которое Евгений Васильевич очень любил и был неравнодушен к любой публикации на эту тему, до сих пор много неразгаданных образов. Один из них – «зегзица» – некое летучее существо, биологический вид которого не определён до сих пор. «Ярославнынь голосъ слышитъ, зегзицею незнаема рано кычетъ...». (7)

Евгений Васильевич, прекрасно зная повадки птиц (на Руси только чиби́сы кигы́чут), скорее всего, правильно определил зегзицу как чибиса. Образ плачущей Ярославны вполне отождествим с этой тревожной птицей в траурном оперении. (4)

Но осознавал ли он в полной мере, *какие птички* появлялись рядом с ним время от времени и почему его лица касаются «взмахи крыл шершавых»? (1)

(Только не говорите мне, что поэт, в стихотворениях которого продумано всё до мелочи, мог так написать про мягкое, бархатное крыло бабочки!).

Как бы то ни было, его прекрасные «чешуекрылы» будут летать в



русской литературе вместе с бабочками Ивана Бунина, Владимира Набокова и Бориса Пастернака.

Согласно той же христианской традиции, сама способность к творчеству и наличие таланта, которыми он, конечно же, обладал, – есть признаки проявления дара божественного, ведь сам демон – не созидатель, но только насмешник и разрушитель. Другое дело, что в своих исканиях магии слова он, увлечшись, вторгся в мир запретный для человека и заплатил за это сполна. Здесь я намеренно не касаюсь «флористического» периода жизни поэта, когда он работал над лесной скульптурой и книгой «Лес и мастерская». Это, может быть, сходная, но уже другая история.

Почему-то, когда говорят о Музе, вдохновляющей поэта в творчестве, мы представляем прекрасную девушку в древнегреческой тоге. Мне же кажется, что она похожа скорее на кровожадную богиню Кали, которой с незапамятных времён поклоняются в индуистских храмах. Она требует жертв. Кто, кроме поэта и его близких знает, как и чем расплачивается он за свой дар? Поэзия и её муза полностью забирают его мысли, чувства и жизнь.

Наш мир, к сожалению, устроен так, что тёмное и светлое начала неразрывно связаны друг с другом. Над всем живым довлеет тайна смерти. Смыслы конца и начала и нашей роли в общей конструкции мира нам не открыты. Каждый по мере возможностей и таланта постигает эти тайны. Истинный феномен творчества Евгения Курдакова – в диапазоне его исследований в этой сфере. Неважно, что он пишет, – стихи, прозу, литературное эссе – он поражает нас амплитудой поиска от земли, её рек и холмов, болот до неба, как у любимого им А.С. Пушкина. «И внял я неба содроганье, и горный ангелов полёт, и гад морских подводный ход...».

(Стихотворение «Пророк», 8)

Я же люблю поэзию Курдакова вместе с тремя его крыльями: нежным и хрупким бабочкиным, белоснежным ангельским и кожистым крылом летучей мыши – посланницы мира тьмы.

Литература

1. Курдаков Е. «Стихотворения» – Великий Новгород. – 2000.
2. Курдаков Е.В. «Мифологическая тайна поэта» // Журнал «Простор». – 2005. № 10.
3. Курдаков Е.В. «Ключи заброшенного храма» // Журнал «Простор». – 2005. № 10.
4. Курдаков Е. «Золотое перо иволги». Повесть, эссе, очерки – Алма-Ата. – Жазушы. – 1992.
5. Шпренглер Я., Инститорис Г. «Молот ведьм» – М. – Просвет. – 1992.
6. Курдаков Е. «Дождь золотой». Рассказ, очерки, эссе – Бузулук. – 2002.
7. Сумаруков Г.В. «Кто есть кто в «Слове о полку Игореве» – М. – Изд-во Моск.ун-та. – 1983.
8. Пушкин А.С. «Стихотворения», серия «Классики и современники» – Москва. – Художественная литература. – 1983.

г. Усть-Каменогорск,

Восточно-Казахстанский музей искусств.



Тамара ЧЕЛНОКОВА

ЗА КАЛИТКОЙ ЦВЕТУЩЕГО САДА

*Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...*

А.С. Пушкин

Встречи с творениями Ларисы Дробот оставляют в памяти тонкое, почти неуловимое чувство, как от лёгкого пожатия руки при знакомстве: оно вроде бы не обязывает ни к чему и вместе с тем сообщает радость дружеского прикосновения, которую хочется испытывать ещё и ещё.



Художникам она долгое время была известна как тонкий ценитель искусства, её всегда с удовольствием приглашали на вернисажи; порой изысканные букеты, составленные Ларисой, украшали экспозиции живописи и скульптуры. Друзья с удовольствием развешивали её композиции у себя дома, но убедить самого автора выставляться на художественных выставках оказалось делом не простым. Она привыкла воспринимать искусство других и чувствовать его суть,

сопереживать и – оставаться где-нибудь в тени, в уголке. Любовь к вышивке, составлению букетов, созданию картин из сухих растений всегда была частью её жизни, которую она старалась делать праздничной и красивой. Творчество во всём помогало ей – и в те времена, когда она учила детей иностранным языкам, и когда была скромной сотрудницей журнала. Но по-настоящему талант художницы начал раскрываться в девятностые годы, когда она осознала необходимость творческого диалога и решилась на взаимодействие с широкой публикой. До этого необычные, замечательные вещи Ларисы удавалось видеть лишь гостям её дома...

Её своеобразная поэтичность мягко отпечатывается на всём, что её окружает. Это уютный мир цветущих растений её сада, изящество и простота жилища, стены которого покрыты пёстрым мерцающим ковром её работ. Изобретательная фантазия художницы размещает букеты сухих цветов в самых неожиданных местах, придаёт им необычные формы. Невольно сам гость вовлекается в атмосферу творчества, у него появляется желание и свою жизнь сделать красивой и мирной.

Лариса любит внимательно смотреть, слушать. Её оценки бывают беспощадны и точны, но никогда не оскорбляют, потому что в них подтекстом слышится неподдельно искренний интерес к предмету критики и глубокое сопереживание. Она признаётся, что всю жизнь учится открыто, в простоте душевной говорить «да» и «нет» взамен более удобных витиеватых неискренности. Нередко это требует изрядной смелости, так же

как и всякая попытка быть собой, свободно выбирать.

... Задумываюсь над тем, какое свойство отличает Ларису, по какому признаку я смогу её узнать, и вижу, что, скорее всего, это постоянное стремление к внутренней свободе. Ей присуща особая острота переживания утраты человеком искры Божией, своего настоящего и прекрасного лица. Может быть, поэтому она называет творчество реконструкцией души...

Наделённая богатым воображением, она порой может создать образ почти осязаемо и зримо достоверный. Для художницы неестественно разделение на внутреннее и наружное, житейское и возвышенное. Она ищет той целостности, которую замечает в жизни природы. Сажая и выращивая цветы, учится у них жизнелюбию и, создавая картины, выстраивает свой душевный мир.

С чем это можно сравнить? Может быть, это образ того, как терпеливо, стежок за стежком вышивается большое панно; внимательно проверяются все перекосы, изъяны. День за днём прибавляются маленькие участки изображения, но неизвестно, когда получится полная картина и каким будет её качество. Как часто хочется сделать всё одним махом!.. А может быть, легче представить заброшенный сад, поросший сплошь молодым вишняком, крапивой и репейником. В далёком прошлом осталась пора его расцвета, обильного урожая. Но это воспоминание о былых плодах подогревает желание устранить следы запустения и начать утомительный труд избавления от всего лишнего. И даже если временами не остаётся никакой надежды на успех, навык к постоянству не даёт опуститься рукам...



Лариса обладает достаточно сильным и самостоятельным характером, но сила её женственности не нуждается в эпатазирующих демонстрациях. Она создаёт работы негромкие, ласкающие взор, что несколько не ослабляет производимого ими впечатления. Они не кричат, но весьма заметны и запоминаются; ничего как бы не предлагают, и вместе с тем, глядя на них, хочется быть тоньше и нежнее. В её первых флористических картинах чувствуются тщательность вышивальщицы, точный выбор элементов, лаконичная и продуманная композиция с ощутимым центром симметрии. Часто это образ дерева, или букет цветов в вазе, или венок, расположенный на бархатисто-чёрном фоне.

У меня на стене висит её ранняя работа – «Анютины глазки». Удивительная простота этой вещи трогательна и красива. На неё всегда сразу обращают внимание – похоже, что она затрагивает в душе нечто сокровенное, детское, давно запрятанное как можно глубже.

Размытые очертания прошлого порой беглыми штрихами накладываются на поверхность настоящего, и от этого прикосновения рождается неосознанная радость, либо печаль. Воспоминания о детстве – очень большая часть её жизни, эта память питает желание избавиться от негативного



взрослого опыта, часто делающего существование до невозможности уродливым. Видеть красоту во всём удаётся, когда душа не содержит никаких дурных воспоминаний и предположений, и Лариса радуется такому состоянию как драгоценному подарку, поскольку в нём проявляется её лучшая, детская часть.

Ей нравится экспериментировать, пробовать различные новшества. Часто возникает впечатление, что предметы в её доме восстанавливаются сами собой, порядок поддерживается невидимыми силами, так же как и всё художественное разнообразие её небольшого сада создаётся естественным путём – просто эти цветы, и травы, и овощи, и деревья выросли по своему желанию в понравившихся им местах, сами они каким-то чудесным образом избавляются от сорняков и каждый день продолжают тянуться к солнцу...

Закрывая за собой калитку и оказываясь в цветущем дворике Ларисы, невольным с облегчением вздыхаешь – здесь всё кажется таким безмятежным и неподвластным разрушению. Да и в самом её облике нет следов особого напряжения (тяготы жизни не обходят её стороной, но они там – на втором плане бытия). Поднимаемся по чистеньким деревянным ступенькам на веранду, где расположена её мастерская...

Наполненное светом помещение, где растёт множество редких и необычных растений. Горшки и кадки с цветами уютно расположились на полу, на скамейках и подоконниках. Лучи скользят по узорным листьям; тени, пересекаясь, образуют затейливый рисунок на стенах, отскакивают солнечными зайчиками от стеклянных поверхностей законченных работ и перебирают россыпи лежащих в коробках разноцветных сухих листьев и лепестков. Собрать такое количество и



разнообразие растений помогает постоянный живой интерес к своему занятию и большое желание осуществить свои фантазии. Лариса ходит по улицам как бы с особой целью: ей обязательно удаётся заметить какой-нибудь листик или стебелёк в подворотне, который она сорвёт и спрячет в книжку, засушит, прогладит, а затем попробует использовать в одной из своих композиций. Часто необычная форма какого-нибудь растения может подсказать новый изобразительный ход.

В последних работах Ларисы появились чисто живописные приёмы; она выкладывает оттенки цвета лепестками, подобно ударам кисти, делая это смело и непринуждённо. Фоны становятся всё более и более цветными, сложными по фактуре, колорит тяготеет к нюансным гармониям. Лёгкость композиционных решений, неожиданность и точность акцентов, раскрепощённая изобретательность – всё говорит о том, что в результате долгого творческого труда, соединённого с любовью и терпением, к художнице пришло зрелое мастерство. Всё чаще Лариса берётся за кисть и краски – как знать, не является ли это началом нового этапа в её творчестве?

г. Алматы.



Аргынбай БЕКБОСЫН

Вагонная исповедь, или Неспетая песня любви

Повесть

Памяти Турсынхана Мусралиева
и Алмухана Исака – моих незабвенных
сверстников посвящается.

Автор

– ... Ну что же, тогда пока.

– Да, до встречи...

Это мы с Рахметом Есеновым, старым приятелем, переговорили по телефону и условились встретиться вечером на таразском вокзале, чтобы вместе отправиться в Алматы. Кстати, предстоящая не первая наша совместная поездка нынешней, уже приближающейся к своему концу, осенью. Успели уже раза два проделать такой путь. Я после инфаркта сердца, случившегося весной, был вынужден периодически обследоваться у известного профессора-кардиолога, а Рахмет урывками помогать своему младшему сыну, который с недавних пор стал работать инженером в одной крупной фирме, в устройстве его житья-бытья. Что поделаешь, такова, наверное, доля родительская испокон веков – подсобить в чём-то своему потомству, пока не станешь совсем немощным, никудышным. А Рахмету до такого состояния, судя по его внешнему виду, о-о, слава богу, ещё далеко: всё ещё стройный, высокий, чуть тронутые сединой чёрные усы и волнистые волосы, открытый белый лоб без каких-либо морщин, если не считать мелких и неглубоких узорчатых линий по краям широко открытых лучистых глаз. Даже при разговоре в его баритоне чувствовалась кроме твёрдости духа и какая-то внутренняя энергия, кажущаяся неистощимой... Так что бегай, бегай, дорогой. Пока бегаются, конечно...

Но на сей раз, кажется, не бежал или случилось что-то непредвиденное – запаздывал. Полуночный поезд Москва – Алматы уже прибыл. Разношёрстный народ – пассажиры, многие из которых, таща огромные баулы или чемоданы на колёсиках, спешно, нередко толкая друг друга локтями, устремились к вагонам. И в то же время люди встречали приезжающих, провожали отъезжающих в различной температуре, в основном высокого эмоционального накала. Заглушая их говор, голосистые продавцы-женщины с жареной и варёной снедью штурмовали выходы, ловя полусонных транзитников, хотя последние не проявляли особой активности... Вот прошёл и мой недавний знакомый – усатый продавец газет, размахивая разноцветными изданиями... Словом, полуосвещённый перрон бурлил, жил своей суматошной жизнью...

Не дождавшись Рахмета, часто оглядываясь по сторонам, я направился в шестой вагон, который стоял прямо напротив вокзала. Четвёртое купе оказалось совсем пустым. Поставив свой небольшой дорожный портфель, достал «сотку», хотел звонить Рахмету. До отправления поезда менее



десяти минут... Как раз в это время в купе шумно вошёл сам Рахмет с огромной чёрной сумкой. От напряжения или от тяжести багажа его светлое лицо показалось мне совсем розовым. Но широкая улыбка, выставляя на показ ровный ряд крепких белых зубов, говорила, что ничего страшного.

– По дороге у такси лопнуло колесо! Хорошо, что заднее, а то бы... Пришлось ловить другую машину... У-ух!.. Успел всё-таки.

– Ну и молодец! – я пожал ему руку.

К удивлению, в купе кроме нас никого не было. Как поезд тронулся, начали укладываться на два нижних места.

– Ну что же, может, немножечко того... – сказал Рахмет загадочно улыбаясь, когда мы сели против друг друга. – У меня армянский. Пятизвёздочный.

– Откуда он у тебя? Давно не видел такого, – поинтересовался я.

– Да недавно нечаянно нашёл в гараже на даче. Лет двадцать пролежал, наверное, там.

– О-о, тогда уже он не пяти, а двадцатипятизвёздочный!

– Это точно. Давай попробуем испытать этого двадцатипятилетнего джигита, на что он способен?

– Э-э, нет, спасибо, Раха. Ты ведь знаешь, на что способен я...

– Да-а... – после некоторой паузы он вдруг оживился: – Ты не знаешь московского профессора Арона?

– Нет, не имел чести знать. Зато понаслышке знал израильского генерала Шарона.

– Ты брось этого Шарона. Нам, точнее тебе, нужен не Шарон, а Арон!

– Не п-понял...

– Поймёшь. На днях я случайно прочитал его брошюру «После инфаркта». Для тебя читал...

– Ну и что?

– Ты слушай. Вот он там кроме прочего пишет, что инфарктникам, вроде тебя, можно выпивать граммов шестьдесят, но не больше...

– Вот почему ты меня заочно познакомил с господином Аронем! – засмеялся я. – Но не пойму: почему именно шестьдесят, а не, допустим, пятьдесят или сто?

– Я тоже не понял. Тем не менее, может, осилишь ароновскую норму, а?

– Нет, я уж лучше выполню азимхановскую.

– А кто такой Азимханов? Что он предлагает, меньшую дозу?

– Ну вот, я не знаю Арона, а ты Азимханова Анархана. Он лучший кардиолог, сердцелечитель нашей области. Рекомендовал до поры до времени воздержаться...

– Но не на всю жизнь? – Рахмет наклонился в мою сторону.

– Наверное, надеюсь.

– О, это отлично! Я тогда буду хранить «армянина» до твоего полного выздоровления.

– Да, он к тому времени ещё повзрослеет, заодно и мы с тобой. А пока я не возражаю, если ты сам захочешь, можешь наркомовскую. Ароновская тебе явно не годится, не к лицу.



– Да, да, конечно, что ароновской только губы мочить... Лучше я тоже воздержусь.

– Как хочешь. А я буду немножко заниматься со своим лечащим врачом, – сказав это, я вынул из портфеля четвёртый том Чехова.

– А-а, Антон Павлович – врач же. Но я не встретил у него ничего чисто медицинского.

– Он меня лечит, особенно перед сном, своими короткими рассказами, за что премного благодарен Чехонте. Посмеёшься пару раз от души, успокоишься и спать приятно.

– Это верно... А у меня к тебе вторая просьба, раз первую не принял, может, эту исполнишь?

– Слушаю, пожалуйста, говори.

– Я, наверное, после дневной суеты буду спать крепко. Ты обязательно разбуди меня на подходе к станции Отар.

– Что, там тебя будет кто-то ожидать? – ничуть не реагируя на мою многозначительную улыбку, он ответил на полном серьёзе:

– Да, будут ждать. Двое...

Рахмет лёг и сразу отвернулся лицом к стене. Я начал читать «Анюту»... и не заметил, как заснул. Проснулся от сильного колебания, затем и резкого толчка. Казалось, вагон будто не на рельсах, а на земле от кочек и ям качается и болтается из стороны в сторону. Сперва спросонья не понял, в чём дело. Только через некоторое время вспомнил, что на Шокпарском перевале дорога виляет как змея, делая крутые зигзаги. Да и из окна были уже видны очертания громад чёрных, когда-то взорванных, сломанных скал, которые то угрюмо приближались, то отдалялись на некоторое расстояние, словно не желая из жалости к проезжающим разжимать свою каменную пасть... Да, это действительно Шокпар. Теперь и до Отара не так уж далеко. Но всё же хотелось маленько вздремнуть, однако какие-то бессвязные, абсолютно не нужные в данный час мысли размётывали сон как ветер астанинский, дующий без разбора со всех сторон. Что делать? Снова заняться чтением? Нет, не получится, из-за недосыпания резь в глазах... А если всё же удастся уснуть, то поручение Рахмета останется невыполненным... Интересно, кто и зачем будет ждать его в такой ранний час? Ладно, зачем мне свою усталую голову лишний раз ломать. Пускай хоть не двое, а весь посёлок Отар плюс Гвардейское в придачу встречают моего приятеля, который спит преспокойно, даже с оркестром, духовым. Пусть...

В плену таких вот шутивых, в то же время убаюкивающих мыслишек не заметил, как заснул. Очнулся от торможения колёс, звуки которого отличались от монотонного «тук-тук». За окном замелькали белые дома и какие-то ещё строения.

– Раха, очнись, вставай. Твой Отар встречает тебя с распростёртыми объятиями.

– Спасибо, я тоже готов к такой волнующей... меня встрече! – бодро сказал Рахмет, спешно надевая тёмно-синюю адидасовскую куртку.

– О, тогда я надеюсь, что не откажете, Ваше превосходительство, мне сопровождать вас?! – шутя произнёс я.

– Да, да, конечно! У важных персон, вроде меня, должны быть сопровождающие, по протоколу. Обязательно, – ответил Рахмет, широко улыбаясь.

Когда начали выходить из вагона, я невольно съёжился от прохлады позднеосенней ночи после тёплого купе. Перрон был абсолютно пустынным, не было людей, если не считать пожилую женщину-казашку, одетую в чёрный пуховик, с почерневшим, продублённым от ветра и солнца лицом, как-то нескладно сидевшую на стульчике возле своего низкого столика, ломившегося от всяких напитков, сигарет и закусок. Ещё что удивительно: из всего поезда кроме нас двоих никто не вышел. Все, наверное, спят крепким предутренним сном. Да, ещё рано. Далеко-далеко за холмами только начинает загораться утренняя заря и позолота краёв мелких белёсых облачков ещё еле-еле заметна...

А где же встречающие Рахмета? Друг, наверно, начал волноваться?.. Плянул на него сбоку – ничего подобного: спокойно, задумчиво идёт, как будто никого и не ждёт. Даже не оглядывается по сторонам. Только относительно долго смотрит на старинное здание вокзала. «Что в нём интересного, – думал я, – обыкновенное турксибское. Таких десятки, если не сотни, на всём протяжении магистрали»... Некоторое время он также внимательно глядел на побелённое узорчатое бетонное ограждение перрона. Даже попробовал одним боком сесть на него... «Ни черта не пойму, что он ещё интересного нашёл тут?! Смотри-ка, ещё и балуется!..» – снова подумалось мне, уже с некоторым возмущением.

– Наверное, нам пора в вагон... – каким-то подавленным голосом сказал Рахмет, направляясь в наш вагон.

– А как встреча? – удивился я.

– Она уже состоялась... – невозмутимо-спокойно ответил Рахмет.

– Когда же?!. Как?

– Сейчас, здесь. Мысленно...

– Не п-по-онял! – вырвалось у меня.

– Поймёшь скоро, если желаешь, конечно... А сейчас дай мне возможность продолжить встречу, – попросил Рахмет, когда мы уже стояли в коридоре напротив нашего купе.

– «Продолжить встречу»?!. Ты что, рехнулся, что ли? Или тебе захотелось с утра пораньше подурочить меня?

– Ничего подобного. Обожди маленько...

В ожидании чего-то непонятного для меня оба помолчали.

– Во-он. село видишь? – Рахмет указал рукой в северо-восточную сторону, когда поезд уже миновал Отар. В верстах четырёх-пяти после голой, тёмно-рыжей, сплетённой бежевой лентой дорог степи показалась груда белых домов, в утренней дымке принявших странные формы в виде белых огромных гусей, вольготно пасущихся на своём излюбленном месте.

– Да, вижу.

– Это – Рославльское. Бывший целинный совхоз.

– Знаю. Там когда-то останавливался сам Никита Хрущёв.

– Это он после. До него я останавливался... – теперь в баритоне Рахмета звучали весёлые нотки.

– О-о, это тоже, конечно, знаменательное событие в биографии уже

исторического совхоза! – воскликнул, смеясь, я.

– Знаменательное... в моей жизни, – уточнил Рахмет уже совсем другим тоном, резко упавшим, тоскливым.

В его сузившихся глазах и заметно посеревшем лице явно проявились следы какой-то загадочной, застарелой грусти.

Хотя мне были очень не понятными его сегодняшние многие слова, да и всё поведение в целом, я воздержался от вопросов. С трудом, разумеется.

Рахмет почти прильнул лицом к холодному стеклу окна и, не мигая, всматривался в село, пока оно плавно не скрылось из виду. Обычно люди так смотрят только на родные места, в надежде, сами того не замечая, найти хоть какие-то следы давно ушедших времён, давно прожитой жизни. Но ведь Рахмет не уроженец этих краёв. Он – мой земляк, из Туймекента... Странно как-то всё это...

– Хотя молчишь, но, насколько я чувствую, в твоей старой голове сейчас жужжат разные вопросы, как в пчелином рое в тёплый майский день. Угадал? – спросил Рахмет уже с улыбкой, когда мы расположились в купе.

– Не ошибся. Ты превратился в загадку...

– Ну тогда не буду больше томить тебя.

– Смилуйся ради бога!..

Рахмет, глубоко вздохнув, сосредоточенным видом дал мне понять, что собирается говорить о каких-то серьёзных вещах.

– Ты сам тоже помнишь, наверное, – медленно начал он, – из девяноста выпускников Джамбулского педучилища пятьдесят седьмого года пятеро получили красные дипломы. Из этих пятерых отличников самым лучшим был, конечно, Асанбай Бекболатов. Но он почему-то не продолжил учёбу в вузе, а пошёл учительствовать в самый отдалённый район, в Мойынкумы. Дальше служба во флоте, спецшкола... героическо-трагическое завершение жизни... Между прочим, что мне рассказывать, ты же ведь о нём написал неплохую повесть «Сын солдата»... Пусть земля будет пухом нашему незабвенному другу.

– Земля-то какая... где покоится он – неизвестно.

– Жаль, конечно... Но, если взять по большому счёту, земля же одна, шарик-то один, один всему роду человеческому... к счастью или... или наоборот... Ну вот, кроме Асанбая остальные четверо успешно штурмовали КазГУ: ты – филфак, Артельбек – физмат, Ульмес – химфак, я – историко-философский...

– Да, тогда мы все были твёрдо уверены, что из тебя выйдет Сократ, а вышел партократ!

– Областного разлива, пожалуй... Ну, это потом. А тогда, вас не знаю куда направили, а нас после прохождения собеседования и зачисления сразу на грузовике знойным июльским днём повезли из Алма-Аты в тот самый совхоз «Рославльский». Центр его, оказывается, состоял, кроме нескольких мазанок и небольших кирпичных зданий, в основном из сборных финских домов, поставленных наспех. И на них мы даже не успели поглядеть, как нас повезли куда-то на север. Почти чёрная, изрезанная местами жёлтыми полосами стерни убранных хлебов, степь была неровной, пересечённой бесконечными буграми да оврагами. И наш грузовичок



качался по ним как будто по морским волнам, только лишь с той разницей, что оставлял за собой не водяной, а долго не оседающий пыльный шлейф. Таким вот образом по безлюдному, безжизненному пространству преодолел примерно пятнадцать вёрст, остановились в одной безымянной балке.

– Приехали, ребята, на полевой стан шестого отделения. Всё, слезаем, – пояснил русский парень Алексей в запачканной маслом серой кепке, выбираясь из кабины. А стан этот состоял, оказывается, из камышитовых длинных стен, покрытых сверху слоем нарезанного камыша. Благо что имелись большущие дощатые нары, застеленные каким-то клеёнчатым материалом. А нары разделены на две части камышитовой стеной.

– Вот ваше жилище, можете устраиваться, – распорядился Алексей. – А за стеной будет располагаться ваша кормилица – Матрёна. Вот и она сама! – он, улыбаясь, указал на молоденькую белокурую, с карими глазами и округлыми бёдрами женщину. Она шла от огромной свежевыбеленной печи с высокой кирпичной трубой-дымоходом, ещё не успевшей закоптиться.

– Принимай гостей, Матрёна Павловна! На твоё попечение привёз студентов из Алма-Аты, сразу аж десятерых, а то ты хныкала да хныкала, что страшная скучища, нету парней. Вот и принимай! – Алексей, кажется, изрядный балагур. Несколько грубоватое, веснушчатое лицо молодухи расплылось в приятной улыбке.

– Да ладно тебе, – слегка хриловатым голосом ответила Матрёна. – Как-нибудь отблагодарю... а-а... борщом со свежей бараниной! Ха-ха!.. Ты же ведь чаще поглядываешь на котёл, нежели на женщин!

– А-а, понял, понял, видать, ты в обиде на меня, – парировал парень. – Вот перед всеми публично клянусь: исправлюсь, Мотя! Для исправления у нас с тобой уйма времени...

Мы все расхохотались...

После ужина, состоявшего из гуляша с макаронами и чёрного чая, вскипячённого в огромном чёрном титане, Алексей, ещё немножко сразившись с Матрёной в словесно-шутейной дуэли, уехал, и мы стали устраиваться – кто где – на нарах. Мы – это, в первую очередь, Журсинбек Актаев, мой земляк, из Джамбулской области. Он по возрасту самый старший из нас, уже отслуживший в армии и даже успевший жениться. Парень среднего роста, крепкого телосложения. Если нос с горбинкой, густые чёрные брови и мелкие, тесно расположенные зубы придавали ему в некотором роде хищнический вид, то выступавшие с правой стороны кепки кудрявые волосы делали его похожим на донского казака. От того ли, что окончил культпросветучилище, он любил постоянно громко или себе под нос петь. Особенно часто пел песню о девушке-хлопкоробе:

– Шіркін, сенін мактан-ай, а-ха-аха-ха-ай. Корген адам мактады-ай, аха-аха-ха-ай!.. (Какой прекрасный у тебя хлопчатник, все видевшие нахваливают... аха-аха-ха-ай!..).

Другим сокурсником был Бекболат Адетов, парень из-под Алма-Аты. Немногословен, но остряк, начитанный. Оказывается, он захватил с собой только что вышедший сборник стихов «Студенческая тетрадь» Туманбая Молдагалиева, нынче окончившего КазГУ, и мы все прилипли к этой

тоненькой книжке как мухи.

Кайыргали Жумагалиев, тоже бывший солдат, из Гурьева, был человеком сдержанным. А Баймахан Есмаханов, северянин, – полнейшая ему противоположность: горячий, можно даже сказать, беспашашный.

Остальные пятеро ребят были с юрфака и геофака, в основном они разговаривали между собой на русском. Возможно, это обстоятельство послужило барьером для меня, выросшего в казахской среде, сблизиться с ними – не знал даже толком их имён. Кстати, они иногда друг друга называли русскими именами...

Вот мы, такой разношёрстный народ, готовились встречать первую ночь в этой голой степи. Она мне, обитателю поймы реки Талас и берега озера Карасу, с их пышными зелёными лугами, сразу не понравилась. Даже почва здесь какая-то заржавелая, песчинки – и те не такие, как у нас в Мойынкумах, – золотистые, а чёрные и слишком мелкие... И вдруг меня осенило: «О-о, погоди, погоди... отсюда прямо в сторону озера Балхаш начинается же то самое Анрахайское поле, где в 1729 году бились насмерть многотысячные войска казахов и джунгар, в основном конницы. Во многодневном кровопролитном сражении впервые был сломлен хребет захватчиков и остановлен страшный враг.. Может быть, ещё тогда эта земля, вдоволь напившись казахской и джунгарской крови, приобрела нынешний невзрачный, не совсем притягательный цвет?.. Возможно, возможно...». Как бы там ни было, на это разогретое июльским зноем чёрное поле медленно, не торопясь, опускалась тёмная, желанная прохладная ночь. Огромное красное солнце, как какой-то шарообразной формы расплавленный металл, только что выплеснутый из горловины доменной печи, прямо вонзилось в ближайший чёрный бугор и быстро, бесследно исчезло из виду...

Когда совсем стемнело, мы собрались возле единственного керосинового фонаря, обрамлённого проволокой, и Бекболат начал читать вслух «Студенческую тетрадь» Туманбая...

Рано утром появился тот же самый Алексей в сопровождении трёх грузовиков с наращенными высокими бортами. Наша задача – нагружать машины соломой, оставшейся после хлебоуборки на поле. И разгружать на месте скирдования. На самом деле жалко было оставлять такое добро: пшеничная солома, смешанная с диким клевером, кураком и другими травами – отличный корм для скота. Это я, аульный парень, прекрасно знал.

Если не учитывать ужасную жару, из-за чего солёный пот ручьями лился и в глаза, то всё было вроде нормально. Только вот с начала второй недели я постепенно стал скверно чувствовать себя. Сперва пропал аппетит, часто даже не мог притронуться к Матрёниным блюдам, хотя повариха умела хорошо готовить.

– Ты что, парень, меня не уважаешь, не любишь, что ли, а? Раз сам красивый такой, тебя тянет только к красавицам, наверное. Но их-то откуда возьмёшь здесь, их арканом не притащить в эту глушь. Они своими шпильками цок-цок по асфальту... Ты лучше глянь на меня! Не по-жа-ле-ешь... – Возможно, шутила она. Но мне было уже не до шуток. Откуда ни



возьмись, поднялась температура. Тело начало гореть. Вечером, когда вернулись на стан, по настоянию Бекболата заставил себя выпить несколько стаканов горячего чая, после чего стало немножко легче, и я не заметил, как заснул.

Сколько времени спал, не знаю, вдруг проснулся от какого-то странного звука, точнее, сочетания, комбинации разнородных звуков, сопровождаемых монотонным треском неутомонных кузнечиков. Лёгкий скрип, одновременно ритмично повторяющийся мягкий стук чего-то. Через какое-то время к ним добавился тонкий звук, похожий на кошащее шавканье, возникающее, когда она пьёт молоко, тоже ритмичный, и – это продолжалось довольно долго и вдруг прекратилось сперва резким сладким вскриком «У-ух!..», затем тихим, облегчённым вздохом. Человеческим, женским. И сразу наступила тишина... Что же это?.. В крошечной тьме безлунной ночи нельзя было ничего узреть. Тут я вновь почувствовал, что голова горит.. Может, и ничего не происходило, а всего лишь стучали в моих висках вздувшиеся вены?.. В это время послышалось движение и как будто кто-то присоединился к нам, лежавшим рядом.

– Ты... ты откуда появился?.. – этот сонный голос принадлежал Кайыргали.

– Тсс... меня тошнило... рвота... – о, это уже Журсинбек.

В этот момент из-за камышитовой стены раздался взрывной, но тихий, нарочно заглушённый женский смех... Он показался мне противным, мерзким. Тут же стал презирать и Журсинбека, в последние дни неотступно кружившегося у печи, возле Матрёны, как мотылёк вокруг нашего фонаря... А тем временем горела у меня голова, да и всё тело пылало огнём...

Это подтвердил утром и Алексей, пощупав мой лоб.

– Ух, ты!.. Парень, твоя голова как паровозная топка! Вызову докторшу... – с этими словами он взялся за рацию, установленную в его машине.

После завтрака все ребята, кроме меня, уехали в поле. А я не знал куда девать себя. Ни сидеть, ни лежать. Полностью овладела мною проклятая жара. Но не от солнца, которое уже высоко стояло над горизонтом. Оно, хотя от собственного же огня побелело, мне порой казалось красным-красным. Я тоже горел от собственного огня, возможно, я тоже казался для других красным.

– Ты, красавчик, может, немножечко захворал от тоски по любимой, а? – это Матрёна, которая убирала посуду и часто нарочно или случайно плотно касалась своей мягкой, полной грудью моей спины. В каждом её движении сегодня чувствовалась какая-то бодрость, ранее не замеченная, во всяком случае, мною. Как бы там ни было, я не ответил на её шутки, когда за столом долго пил чай. Она почему-то злила меня...

К полудню над южным бутром вдруг взметнулось вверх пыльное облако, и вскоре появился светлый маленький автобус. Не сбавляя скорости, он резко остановился впритык к стану, чуть не задавив спавшую в тени собаку, и на несколько минут оставался окутанным густой пылью.

Из автобуса вышли две женщины в белых халатах: полная дама средних лет с открытым лбом и карими глазами, кажется, врач; вторая – видимо, медсестра, молодая девушка, примерно моих лет, блондинка с большими



серыми глазами. И что странное – эти красивые глаза, когда она смотрела на меня, стали неподвижными, удивлёнными. Отчего же это она... Но было не до размышлений.

– Что стряслось с тобой, молодой человек? Ну-ка, расскажи, – обратилась ко мне докторша. Я кое-как объяснил.

– Ого, даже под сорок! Что же это такое!? – воскликнула врач, когда вытащила из моей подмышки градусник. – Давай, Любаша, сделаем ему укольчик и заберём парнишку с собой, надо его срочно госпитализировать, – обеспокоилась она.

Эти её слова и выражение лица насторожили меня...

Уже через час я оказался в совхозной больнице. Введя меня в узенькую темноватую комнату, где стояла одна-единственная кровать рядом с тумбочкой, врач сказала:

– Вот здесь и станем тебя лечить, молодой человек. Устраивайся и не расстраивайся, скоро всё будет в норме...

Пришлось снять с себя клетчатую рубашку-шотландку, узкие брюки и облачиться в полосатую пижаму.

Так началась моя мучительная, почти месячная больничная эпопея. Мучительная, потому что сколько ни кололи, вводя различные лекарства, температура никак не спадала. Наоборот, она повышалась и частенько переваливала и за сорок. В таких случаях мне казалось, что я нахожусь не на поверхности земли, а внутри её, в чреве, где в многотысячных градусах плавилась и бурлила красная-красная магма. И тогда я, кажется, бредил, терял сознание. Перестал различать день от ночи и наоборот. Не понимал, сплю ли я или бодрствую... Вот в таком состоянии однажды мне явилась... Гульдарига. Медленно, плавно выходит она из белого-белого, пушистого тумана. И, садясь рядом на кровати, поглаживает меня по голове и шепчет: «Не умирай, не умирай же, дорогой! Ты же совсем молодой... Я желаю тебе долгой-долгой счастливой жизни... Исполни же моё желание...». Она приближает своё лицо к моему и я отчётливо ощущаю такой мягкий-мягкий, сладкий запах, идущий от неё... Гульдарига... Но она почему-то говорит на русском, а не на родном?.. Или она в Алма-Ате уже привыкла разговаривать по-русски?..

... Как бы призрачная Гульдарига ни желала, моё состояние не улучшалось. Участились мысли о... смерти. Неужели умру?.. Здесь, на чужбине... А как же с матерью? Хотя бы повидать её и... и утешить её, вытереть слёзы из её глаз... Как же быть, а?.. Может, уехать и добраться до родного очага? Но как, каким образом, когда и шага не могу сделать?! Если бы знала мать о моём состоянии, несмотря на свою старость и немощность ни минуты не задержалась бы дома. Может, приехали бы и двоюродные братья Жапар и Рахим... но им-то откуда знать, что со мной и где я нахожусь...

Кроме проклятой болезни меня нещадно мучили такие вот мысли, порождённые моей беспомощностью. А время текло...

Однажды нежданно-негаданно зашёл Журсинбек. Здороваясь со мной только кивком головы, глазами обшарил всю комнату.

– Ого, вижу, что ты неплохо устроился тут – отдельная па-ла-та!.. А как живётся-то?

– Вроде неплохо-хо... – с трудом произнёс я.

– Ай, не знаю, не знаю.

– Я же говорю...

– Коль так, тогда почему же меня не хотели сюда пускать?

– Ты лучше спросил бы об этом у них...

– И спросил: у тебя какая-то зараза...

– За-ра-за?! – я сам, не зная того, резко поднял голову, как ужаленный, и чуть не свалился с кровати. – Зараза, говоришь?! – почти закричал Журсинбеку.

– Да ты не горячись, успокойся... успокойся... Правда, они так прямо не говорили... Это я сам... так подумал, – сказал он уже с видом провинившегося.

– Пл-о-хо... думаешь, земляк... – я опустил закружившуюся голову на подушку.

– Ну, считай, что я немножко пошутил, нельзя, что ли...

– Хорошо, – согласился я. – Но в подобных шутках иногда бывает и инфекция...

– Ты прав, есть у меня инфекция! – Журсинбек моментально сделал страдальческую гримасу. – Но она не в языке, а в животе сидит, мерзавка. Ди-зен-те-рия... А проще – понос, ну да, настоящий понос...

– Это, наверное, Матрёна заставила тебя делать круглосуточную физзарядку в сторону туалетов! – откуда ни возмись, у меня самовольно появилась слабая ехидная улыбка.

– Ну, ты не трогай повариху, она не виновата... – Журсинбек отвёл глаза в сторону.

– Да ладно, чёрт с тобой, с твоей дизентерией и Матрёной!.. – я чувствовал, что у меня в голове опять появляется муть. – Ещё долго будешь здесь со своим поносом?

– Кажется, послезавтра выпишут.

– Тогда у меня к тебе большая просьба...

– Пожалуйста.

– Отправь телеграмму моей матери. Адрес ты знаешь... Зовут её Арапбаева Талим... Не забудь. Сообщи, что я немножко, слышишь, не-мной-ко болен и укажи здешний адрес. Больше ничего... Здесь недалеко почта...

У меня под простынёй лежали две купюры по двадцать пять рублей – весь мой капитал. Одну отдал Журсинбеку.

– Всё будет сделано! – с какой-то моментально появившейся радостью ответил он и быстро удалился, даже не простившись. «По... донок...». Почему-то в моём воспалённом сознании как будто красным огнём горело и временами мерцало это слово, и медленно-медленно я терял самого себя...

Когда очнулся, на краю кровати сидела Люба, та самая медсестра, которая вместе с врачом привезла меня сюда.

– Ну как, хорошо спалось, Рахмет? Хороший сон – залог здоровья, – улыбнулась она. Как идёт ей улыбка, думалось мне. Вообще-то она очень красивая. Большие серые глаза, но почему-то часто светящиеся какой-то загадочной печалью, нетипичной для молодой девушки... Мелкие колечки светло-золотистых волос на висках и на лбу... Гибкий стан... Звонкий

серебристый голосок... И своё имя, озвученное этим голоском, для моего слуха было приятным...

Люба больше других заботилась обо мне. Я тоже привык к ней, отнёсся с доверием.

– Люба, скажи, пожалуйста, что со мной творится? Скажи честно.

– Ничего страшного, наверное... – она запнулась, как будто подумала: сказать или не сказать. Затем неуверенно продолжила: – Ну, врачи... врачи говорят... а-а, что сами не знают, какой диагноз поставить... У нас же нет различной аппаратуры, лаборатории... Ну не бойся, ты же ведь очень молодой. А молодой организм, по закону самой природы, должен побороть всякую болезнь... Понятно тебе?! – Люба снова улыбнулась.

– По-нят-но...

– Если понятно, то тебе мой наказ не только как медсестры, а как ровесницы, я знаю твой год рождения: ты постарайся побольше кушать, а то ты, вижу, ничего не ешь. Даже наши повара, и те жалуются на тебя. Ну, понял меня? – Люба засмеялась.

– Понял, ваша светлость! – я тоже, смеясь, почти по-военному чётко произнёс эти слова.

– Ну и отлично... – она впервые пожала мне руки...

Но я не смог исполнить наказ своей ровесницы. Попросту не было аппетита. Даже тошнило от самой еды и её запаха.

Шли дни и ночи моей необъяснимой, вынужденной голодовки. Телесная температура упорно, незыблемо держалась около тридцати девяти градусов. Страшно ослабел. По-прежнему плохо ориентировался во времени и мало различал его... Вот в таком состоянии, не знаю, во сне или наяву, замечаю, что в палату бесшумно заходит кто-то в снежно-белом кимешеке и тихо садится на край кровати, поставив что-то на тумбочку. Полностью открывать глаза не получается. Но по очертанию понимаю, что это какая-то старушка-апа. Сразу мелькнула, как молния, мысль: о, это же моя мать!.. Телеграмму получила, значит, приехала моя бесценная!..

В душе как будто появился мощнейший огонь, огонь радости, и он не только сразу сожрал проклятый телесный огонь, но и быстро прибавил сил!.. Я открыл глаза, прояснилось и сознание. Но... Но апа – не мать моя. Правда, она тоже такая же маленькая, с испещрённым морщинами светлым лицом.

– Амансын ба, айналайын... – тихо поздоровалась она. Я ответил тоже приветствием, хотя в душе ещё ощущалось всё слабеющее разочарование.

– Вчера забежала к нам Люба, здешняя медсестра, – стала рассказывать старушка. – Её квартира недалеко от нашего дома. Она мне как дочка родная, и вот она говорит мне: «Апа, у нас находится один парень-казах, больной он, ничего не кушает, только пьёт компот и всё. Может, ему не нравится наша еда. Вы не смогли бы приготовить домашнюю, казахскую...». И сын сегодня зарезал курицу, ну вот я и принесла тебе кеспе, куриную лапшу... Где еда – там не место болезни. Ведь так говорили наши предки. Поешь, сыночек, пока не остынет...

Старушка, осторожно открыв крышку небольшой тёмно-зелёной эмалированной кастрюли, ушки которой были соединены белым платочком,



стала ложкой наливать в тарелку.

– Ешь, не стесняйся, сыночек... Наверно, и у тебя тоже есть мать, вроде меня... Есть, говоришь... Хорошо, передай ей мой привет. Пусть не беспокоится за тебя, здесь тоже есть люди, есть кому позаботиться о тебе, вроде нас...

От её таких вот материнских, сердечных слов или от вкуса лапши у меня потихоньку начал разыгрываться аппетит.

– Ой, айналайын, ешь, ешь!.. Всё съешь. А я пойду, пожалуй, пора доить кобылу. Завтра вечером принесу тебе кумыса. Он возвратит силу... А кастрюля пусть останется... До свидания, сыночек...

И она ушла, тихо закрыв за собой дверь...

«Вот что такое материнское сердце, священное сердце!..» – думалось мне. И не заметил, как глаза наполнились слезами...

Наступила ночь. Мне вспомнилось, что сегодня ночная смена Любы. Зайдёт ли? Зайдёт, конечно, хотя бы для очередного укола... Не успел я так подумать, как вошла она сама со шприцем в руках.

– Добрый вечер, Рахмет! Как наши дела? – широко улыбаясь, спросила она. Мне показалось, что у неё настроение приподнятое.

– Неплохо, вроде. Одна апашка накормила меня лапшой...

– Ты поел?!.. Ну какой ты молодец! А апашка у нас замечательная, я её не только уважаю, а люблю... Вот и укольчик поможет... Может, ты потом подышишь свежим воздухом, и это тоже очень полезно. Я тебя поведу. Хорошо что во всей больнице из пациентов, кроме тебя, никого, все выписались. Так что ты моя единственная забота...

На дворе, оказывается, в самом деле стояла очень хорошая погода: ни жарко, ни прохладно. Свежо. Люба поддерживала меня, и мы сели на широкую скамейку, по бокам которой росли молодые тополя. Кругом тишина. И её вдруг нарушил паровозный гудок. На запад, в сторону Отара шёл поезд. Целая цепь слабых огней медленно перемещалась по степи. Значит, пассажирский. Идёт, наверное, в сторону Джамбула. А там совсем недалеко и наш аул, наш дом. Если выйти на станции Акчулак, то всего десять километров, можно и пешком...

– Кажется, ты размечтался... – тихий голос Любы прервал ход моих мыслей.

– Да, немножко.

– Ну мечтай, мечтай, не буду мешать. Мечта – тоже отдых. А отдых – путь к здоровью.

– Чувствуется, что ты, Люба, до мозга костей медичка: всё говоришь о здоровье да о здоровье.

– О чём же ещё говорить?.. Да, кстати, мы можем разговаривать на казахском.

– А ты поймёшь?

– Не хуже тебя! – засмеялась Люба и перешла на чисто казахский язык. – Я же росла среди казахов, большинство моих подружек – казашки. И не только я, покойный отец тоже неплохо им владел. А мама... О, маму можно считать настоящей казашкой. В ней прекрасно сочетаются русская непосредственность и казахская великодушная доброта.

– Откуда они так?.. Многие русские же по-казахски ни-ни..., «мен казахша бильмеймин»...

– Мои родители – выходцы из Смоленщины. Когда-то их, кажется, раскулачили. И они по воле судьбы попали в эти края, строили Турксиб. Оба работали железнодорожниками в Отаре... Таким вот образом казахский стал их вторым родным языком. Моим тоже... Понял теперь? – Люба, начав грустным тоном, закончила на весёлой нотке.

– Понял, ваша светлость! – произнёс я в унисон.

Оба от души посмеялись. И опять воцарилась тишина.

– Красотища... – вдруг вырвалось у меня.

– Что «красотища»? – переспросила Люба.

– Небо. Как тёмно-синий бархат, усыпанный бесчисленными бриллиантами. А юная, новорождённая луна... Как золотая символика, уставленная на куполе немислимо большой, невидимой мечети...

– Ой, смотри-смотри, как падает звезда! Вот это красотища!.. – Любе было так интересно, как будто она впервые видела звездопад.

– Я тогда, когда мне было очень плохо, страшно сожалел, что не увижу звездопад, падение... одной звезды.

– Почему?.. – удивилась Люба.

– Знаешь, у нас считают, что у каждого есть своя звезда. И если его звезда падает, то он сам тоже умрёт. Зная это, когда я словно чувствовал дыхание смерти, сожалел, что в палате не увижу падения собственной звезды! Наверное, думал, чертовски интересно и волнующе!..

– Э...э, напрасно ты думал так. По-моему, твоя звезда... она яркая, стоит высоко... во-он там!

– Где, где, а ну-ка, покажи?

– Во-он там, смотри, – Люба, наклонившись к моей груди, правой рукой указала куда-то в небесную даль. В этот момент я почувствовал такой мягкий, сладкий запах, доносившийся от её головки, и до того знакомый! Но где, где я раньше слышал его?.. Тут мне вспомнился призрак – Гульдари́га. Тогда я удивился, что она говорит по-русски, и не находил чёткого объяснения этому... Значит, та... та была не Гульдари́га, а она, Люба, Любаша!.. Явилась не во сне, а наяву, и произнесла те добрые слова, похожие, скорее, на мольбу...

– Почему молчишь? Не веришь, что она твоя звезда, а?..

– Верю, верю... – послушно согласился я.

– Интересно, на земле так много людей, хватит ли звёзд, чтобы раздать каждому по одной?

– Хватит, не волнуйся, – ответил я, ещё не успев отойти от своего внезапного волнения. – Если людей миллиарды, то звёзд триллиарды, квадриллиарды, а то и больше.

– О, тогда хорошо – никто не будет в обиде...

Я уловил её волнение. Почувствовал усилившееся биение сердца, да ещё дрожь в дыхании...

– Дрожь... – я не заметил, как тихо произнёс это слово.

– Какая дрожь? Тебе холодно, что ли? – быстро отреагировала Люба.

– Нет, не мне, листья дрожат... – вывернулся я. – Наверное, им уже



прохладно, после дневного зноя.

– Нет, они шепчутся друг с другом, – возразила Люба.

– Если так, то о чём?

– Этого, нам, к сожалению, не понять.

– А я понимаю! – рассмеявшись, я повернулся лицом к Любе.

– Раз-ве-е?!.. – с поддельным удивлением она тоже повернулась ко мне. Её большие серые глаза светились, как мне показалось, чудесным теплом. – Ну и о чём же они говорят?

– О жизни. Рассказывают о том, что весной, благодаря чудодейственным лучам и теплу солнца, родились из почек, летом повзрослели, полюбили друг друга, радовались своему счастью. А сейчас... сейчас, уже почувствовав бренность всего, начали потихоньку желтеть от с каждым днём усиливающейся грусти, что ли...

– О, ты из листьев построил целое философское здание, Рахмет! – хлопнула в ладоши Люба.

– А как же! Я же не напрасно выбрал философский факультет. Так что я только сделал шаг по пути к своей будущей профессии.

Моего высокопарного хвастовства Люба не осудила.

– Ты просто... молодец, – тихо вымолвив это, она медленно провела ладонью по моей спине. Тепло мягкой девичьей ладони меня постепенно приводило в состояние доселе не испытанного, незнакомого блаженства...

– Как ты всё же страшно похудел, Рахмет... – эти её слова, произнесённые почти шёпотом и с такой нежной участливостью, невольно вывели меня из состояния, в котором я пребывал, и, приходя в себя, я с наигранной бодростью воскликнул:

– Ничего, Люба! Ваши русские, в подобных случаях, разве не говорят: «До свадьбы заживёт»?

– А свадьба-то когда? – звонко расхохоталась она.

– Чья?

– Разумеется, твоя!

– Но прежде чем жениться, наверное, надо кого-то полюбить...

– А ты разве до сих пор не влюбился? – испытующе глянула на меня Люба.

– Любить-то... Как сказать...

– Да ты не стесняйся.

– Я не стесняюсь. Просто мне трудно говорить о любви...

– Кажется, по-онимаю... Она, любовь, может и тяжело ранить. Не что-нибудь, а именно сердце...

Люба как-то сразу сникла. Опечалилась. Мне стало не по себе от такой резкой перемены её настроения и захотелось отвлечь её от грустных мыслей.

– Раз тебе хочется знать, слушай, расскажу...

– Ну-ну, рассказывай, – оживилась девушка.

– Любить-то я любил. Всем сердцем... Мы с Гульдаригой учились в одной школе, правда, в разных классах. Почти все мальчишки, насколько я знаю, были без ума от этой юной красавицы. В том числе и я, конечно... Но я страшно стеснялся выразить своё чувство. Не только встретиться и



наедине поговорить с ней, – у меня билось сердце даже при виде её издали, среди девушек. Но днём и ночью мечтал о ней... словом, влюбился, как говорят, по уши. Что же делать? Наконец-то решился написать ей письмо. Не простыми словами, а стихами...

– Выходит, что ты и поэт? – удивилась Люба.

– Да нет же... Но, мне кажется, любовь и непоэта сделает поэтом...

– Ну-ну, а дальше что?

– Дальше... Я своё письмо передал через Райхан, мы с ней были хорошими друзьями. И с трепетом ждал ответа. Долго ждал. Но не было его. Оказывается, самое мучительное для влюблённого – это безответная любовь!.. И тогда я твёрдо решил: во что бы то ни стало встречусь с Гульдаригой на выпускном вечере и объяснюсь!.. Но, увы, она на этот вечер не явилась... Райхан преподнесла мне несколько алых роз и записку.

– Это от неё... – тихо пояснила она и с каким-то печальным видом быстро отвернулась... В записке было всего несколько слов: «Поздравляю! Не обессудь меня. Прощай, дорогой. Гульдарига».

Меня как будто ударила молния... Как я после узнал, она в тот самый вечер вышла замуж и навсегда покинула наш Туймекент. Оказывается, её отец и отец жениха, живший в Алма-Ате, были фронтовыми друзьями. Стали сватами...

– Вот и вся история моей любви, несчастной любви...

Люба грустно вздохнула. И мы довольно долго молчали.

– Но с той поры, как мне кажется, прошло уже несколько лет...

– И ты желаешь узнать, что я теперь люблю кого-нибудь или нет? – рассмеялся я.

– Ты прозорливый! – Люба тоже улыбнулась.

– Без любви – мир пуст. Так говорил Абай.

– Да, да, я знаю, я много раз читала его.

– Ну и вот у меня... правда, сам не пойму: любовь или нелюбовь... Если я тогда без раздумий и размышлений тянулся к Гульдариге, то сейчас создаю в своём воображении какую-то абсолютно неизвестную девушку и ищу её в жизни...

– Ох и философ же ты у... – Люба, недоговаривая что-то, резко осеклась. Затем, словно желая, чтобы я не обратил на это особого внимания, тихим голосом добавила:

– Кстати, я там, на полевом стане, сразу узнала тебя...

– Ка-ак!? – вырвалось у меня. – Разве мы встречались раньше?

– Да, встречались.

– Ты шутишь?..

– Нет, кроме шуток. Мы встречались в Джамбуле, в медучилище, – сказала она самым серьёзным образом.

– Когда же?!

– В прошлом году, двадцать третьего февраля, вечером.

– Постой, постой... Это же день Советской Армии...

– В честь праздника у нас в училище состоялся вечер танцев. Было много солдат и молодых офицеров. Да и своих парней было немало. Из посторонних, как я заметила, ты и ещё очень красивый, высокий, с горделивой

осанкой парень. Вместе с вами была и девчонка, такая жизнерадостная, весёлая.

– Да, да, припоминаю... Мы с моим приятелем Асанбаем и его девушкой – Салимой – действительно были там. Это точно!.. А как ты запомнила, я же вообще не танцевал?

– Вот по этим твоим волосам! – Люба, улыбаясь, ладонью коснулась моей головы. – Твоя причёска неповторимая, передняя часть с левой стороны постоянно поднята вверх, как у Грибоедова.

– Это не от «Горя от ума», а от матери. У неё тоже такие... Ладно с волосами... Всё же очень интересно, что ты запомнила нас. Как говорится, феноменально! – тут я вспомнил, что недавно на полевом стане почему-то странно смотрела на меня медсестра Люба. «Вот оно что... – Ин-те-рес-но...».

– А для меня интересно, что ты ни разу не танцевал: человек приходит специально на вечер танцев и стоит, как вкопанный! Ничего себе...

– О, это Салима меня насильно потащила туда: «Давай-давай, я тебя познакомлю со своей подругой! Она – во девушка!» Но этой «во девушки» на танцах не было.

– А я... я, были моменты, когда хотела тебя пригласить хотя бы на дамский вальс...

– Что же не пригласила?

– Глядя на солдат, каждый раз гасила своё желание, ведь Мурат тоже был тогда солдатом.

– А кто такой Мурат?

– Мурат, мой Мурат... моя любовь... – Люба вдруг всхлипнула, в глазах блеснули слёзы.

– Вот интересно: любить и плакать! – удивился я. – Или... или он изменил и покинул тебя?

– Да-да... покинул, покинул навеки!... – Люба уже рыдала. – Покинул... не только меня и своих родителей, но и весь этот мир... белый свет... О-о-о, Муратжан мой!..

– Он умер, что ли? – недоумевал я.

– Погиб в армии, в Германии... – с трудом выговорила Люба. – На учениях, при случайном взрыве гранаты... Мурат прикрыл собой командира... Хоронили его всем посёлком, приехал и тот офицер, которому спас жизнь мой Мурат...

– А вы с Муратом давно дружили?

– С самого детства... Наши дома стояли рядом. Родители наши жили душа в душу... Младшая сестра Мурата Жамиля стала моей самой близкой подружкой... Ну и мы с Муратом... Все говорили, что сама судьба предназначила нас друг для друга... Родители предполагали сыграть нашу свадьбу сразу после возвращения Мурата... Но... но, как говорится, бог располагал совсем по-другому... Мурат мой погиб восьмого апреля прошлого года... А нынче весной Жамиля вышла замуж и отправилась в Алма-Ату... Я часто навещаю стариков, в чём-то помогаю... Мне не только себя, но и их, бедных, очень жалко! Сердце обливается кровью... В дни рождения и гибели Мурата приношу цветы на его могилу...



Что же ещё я могу сделать...

Люба, глубоко вздохнув, платочком вытерла слёзы. Я не знал, как утешить эту прекрасную девушку. Наконец-то придумал.

– Люба, посмотри-ка во-он туда, – я направил руку в сторону Полярной звезды.

– Что там? – тихо спросила она.

– Там твоя звезда, очень яркая и красивая. Она будет долго-долго светить!

– Спасибо тебе, Рахмет... Давай, пора заходить. А то простудишься...

У входа в палату Люба остановила меня.

– Знаешь, Рахмет... – сказала она, положив свою ладонь в мою, – скоро мы отметим твоё выздоровление... Отметим тем, что я для тебя... ну, спою пушкинское «Письмо Татьяны» в переводе Абая, с его мелодией... Девчата твердят, что эта песня у меня неплохо получается... Ладно, отдыхай. Приятного сна...

Но я долго не мог уснуть. На сей раз, кажется, не от болезни. Люба, Любка, Любаша...

Утром в палату зашла сама Людмила Николаевна, врач. Смерив температуру и послушав сердце и лёгкие, она обрадовалась:

– Температура спадает, слава богу. Лёгкие тоже, кажется, чистые. Всё это хорошо. Значит, идём к выздоровлению... Но тем не менее тебе надо обязательно глубоко обследоваться. Это необходимо... Вот что, молодой человек, сегодня после обеда ты отправишься в Алма-Ату, пока мы готовим твою историю болезни и прочее. А тебя будет сопровождать медсестра Любовь Шестакова. Она передаст тебя в больницу и сразу обратно.

Двадцать пятого августа стояла очень жаркая погода. Особенно обжигал послеобеденный зной. Обычно постоянно доходящий и до Отара курдайский ветерок сегодня ничуть не чувствовался. Жара, видимо, и его задушила.

До подхода поезда Ташкент – Иркутск оставалось более полутора часов. Нам с Любой было даже негде присесть. Толпы людей сновали всюду. А я не мог долго держаться на ногах. Пришлось, хотя очень неудобно, примоститься у ограды на перроне. Люба всё время стояла возле меня. Она была веселее обычного, беспрестанно говорила о том о сём, часто шутила. Но мне казалась эта весёлость поддельной, в глазах всё же улавливалась непреходящая грусть. Отчего же?... А я сам всё острее чувствовал близость, душевную близость к ней. Она становилась для меня дороже, роднее... Почему?... От того ли, что накануне вечером от неё самой услышал о её трагической любви? Правда, я сильно волновался, очень и очень сочувствовал ей... Но всего этого разве достаточно для того, чтобы к ней так относиться, относиться... сердцем? Не-по-нят-но...

Общий вагон походил скорее на муравейник. Полно людей: и старики, и дети, мужчины и женщины, самых различных национальностей, в разноцветных одеяниях. И все потные, страшная духота, неумолкающий говор, иногда прерывающийся чьим-то окриком... Люба с трудом уговорила каких-то людей чуть-чуть потесниться, нашла узенькое



место для меня. Сама встала рядом со мной, в проходе, одной рукой держась за поручни.

Поезд тронулся. Кроме тесноты и духоты до самой Алма-Аты меня мучило одно обстоятельство. Недалеко от меня находились какие-то типы: почти голые огромные мужчины с татуировками на различных частях тела и безобразными потными лицами. Не просто сидели, а громко разговаривали, через каждое слово произнося матерщину, и большими, со следами жира, стаканами распивали водку, закусывая арбузом. А семечки плевали прямо на пол. Меня от этого корбило. Стал страшно нервничать, дёргаться. Видимо, это заметила Люба, предупреждая мигнула мне: мол, потерпи... Да, терпеть... Что же мог я делать?.. Если был бы здоровым, может быть... «Терпи, казак...». Хотя ты казах...

Когда мы, очень измученные и измождённые, на Первой Алма-Ате вышли из вагона, уже вечерело. Люба по телефону-автомату позвонила куда-то, и мы вскоре сели на «Волгу» «скорой помощи», точнее, меня положили на раскладушку. В больнице, что по улице Шевченко, меня не приняли: сегодня уже поздно, приходите завтра утром... Мы с Любой стояли некоторое время разочарованными... Что же делать? Как быть?.. Задумались. Наконец-то Люба решительно сказала:

– Вот что, Рахмет: я не могу тебя так оставить. Давай доберёмся до Первой Алма-Аты, там живёт мой племянник с семьёй. Правда, у них квартира очень маленькая, в бараке. Но ничего, как-нибудь переночуем, как говорится, в тесноте да не в обиде. Давай, поехали...

– Но удобно ли?

– Ничего, они понятливые люди, хорошо примут и тебя.

– Всё же...

– Никаких «всё же».

Я не решался. Вдруг меня осенило: а почему же не в Тастак, к тётке Яде?.. На пересечении улиц Комсомольской и Баумана был маленький домик старой польки – тётки Яды. Её так называл Турар, мой двоюродный брат по материнской линии, студент мединститута, который вместе с Амирбеком, тоже нашим земляком-студентом, квартировал у неё. Но они сейчас на уборке на целине. Я тоже недавно, в дни поступления в университет, остановился там, ежедневно оплачивая по её тарифу – семь рублей...

– Люба, давай поедem в Тастак, к тётке Яде. В её доме я несколько дней жил недавно... Это, во-первых, близко. Во-вторых, там просторно. В-третьих, вот этот четвёртый трамвай нас прямо туда и повезёт, без каких-либо пересадок. В-четвёртых, уже, как видишь, наступила ночь. Давай, а?..

– Ладно, убедил... Но удобно ли теперь уже... мне? – засмеялась Люба.

– О-о, тётка Яда понятливый человек! – со смехом произнёс я.

... Когда я постучал в знакомую дверь, внутри раздался знакомый голос:

– Кто там?

– Это я, тётка Яда, брат Толика, – она так звала Турара.

– А-а, я сейчас... заходи.



Мы поздоровались с тётей Ядой в передней.

– Разрешите переночевать у вас?

– Семь рублей, как положено.

– Пожалуйста.

– А-а, она? Тоже, что ли? – пальцем указывала старуха на Любу.

– Тоже. Я заплачу, не бес... – я не успел договорить, хозяйка взорвалась, как настоящая бомба.

– Ты что, мой дом хотел превратить в публичный, что ли, а? Ишь ты какой! Девку привёл с собой!..

– Это не девка, а медсестра...

– Медсестра, говоришь?! Знала я многих медсестёр, которые на фронте были просто ПЭЖЕ – полевой женой командиров!..

Бедняжка Люба буквально пулей вылетела во двор. У меня состояние – как у поражённого молнией в ясный день.

– Что вы!.. Что вы наделали?! – я тоже невольно заорал и выскочил, хлопнув дверь.

На тротуаре стояла Люба. Плакала, плечи сильно дрожали. Я, слегка обняв её, стал всячески успокаивать, хотя сам тоже был до глубины души обиженным, оскорблённым.

– Успокойся, Любаша... успокойся, я прошу тебя... Да ну её! Не обращай никакого внимания на её слова и поскорее забудь... Ты же знаешь себя... ты прекрасная!..

– Спасибо, Рахмет... Ты тоже сильно не волнуйся и не переживай. Это тебе вредно... Ну, я поеду... А ты видно, что очень устал. Мне кажется, у тебя даже недомогание... Оставайся у неё. Отдашь семь рублей. Кажется, она отлично разбирается в деньгах, а не в людях...

Перед входом в трамвай Люба быстро поцеловала меня в щёки и шепнула:

– До утра, до встречи в больнице...

Я неподвижно стоял на остановке, пока невидимым стал задний красный свет ушедшего, унёсшего Любу, трамвая четвёртого маршрута...

На следующий день я проснулся в полдень. «Ох, наверное, заждалась Люба!..» – спохватился я. Быстро умывшись и напившись освежающей холодной воды из-под крана, что был во дворе, побежал в сторону остановки «четвёрки». Чувствовал себя превосходно. Неужели это чудеса благословенной Алма-Аты и её Алатау? Или с помощью лечения, полученного от врача и Любы, молодой организм в конце концов поборол ту неизвестную, проклятую болезнь?..

– Как ваша фамилия? – спросила тоненькая девчонка-казашка не менее тонким голоском в приёмном покое больницы.

– Есенов.

– А-а, утром одна девушка сдала ваши документы. Врачи уже посмотрели. Вас положат в стационар... А, кстати, та девушка оставила и записочку для вас. – Она протянула мне бумажный листок. У меня учащённо забилося сердце.

– Давайте, я вас провожу в палату, – предложила девушка.

– Нет-нет... спасибо... не сейчас, чуть погодя, сестричка... Я приду... –

и спешно покинул приёмный покой.

«Рахмет! – писала Люба ровным девичьим почерком на казахском языке. – Я не дождалась тебя. Извини. Мне надо было ехать обратно. Тамошнее положение ты знаешь... В больницу тебя обязательно примут. Так что аккуратно лечись, дорогой. Береги себя... Может, свидимся ещё... Желаю тебе всего наилучшего. Люба. 26 августа 1957 г.».

Я, наверно, раз десять прочитал это очень тронувшее меня короткое письмо, возникло такое чувство, словно я потерял что-то очень дорогое, бесценное, тем самым опустошив себя. Спустя некоторое время пронзило острое сожаление: «Почему я на трамвае не уехал вместе с Любой?!. Почему?!. Тогда бы...».

Я не заходил больше в больницу. Отправился на «четвёрке» сам не свой в Тастак...

... Закончив рассказ, похожий на исповедь, Рахмет, отвернувшись к окну, долго молчал. Я тоже не нарушал тишину.

...– Ну вот, я, кажется, рассказал всё, что связывало меня с Отаром и «Рославльским», – сказал успокоившийся Рахмет. – Есть ли ко мне вопросы?... Ты всё же журналист, хотя уже и старый.

– Есть, и немало.

– Спрашивай, но только покороче. Я, кажется, немножко устал, пережив всё как будто заново...

– Хорошо. Вопрос первый: после твоей телеграммы никто из родных не приехал?

– Никто. Потому что тот самый Журсинбек, оказывается, вовсе не отбил телеграмму. Когда мы четырнадцатого октября явились на первое занятие, он, ухмыляясь, сказал: «Ты уж извини, на те деньги, что ты мне дал, мы выпили за твоё здоровье, как раз хватило на бутылку «Московской»... Мне тогда страшно хотелось одарить его отличным хуком, всё же я был кандидатом в мастера спорта по боксу. Но удержался. Мы же всё-таки студенты КазГУ, а не уличные хулиганы.

– Понятно. А как же рассчитался с хозяйкой квартиры и добрался до Джамбула?

– У меня денег хватило ровно на трёхсуточную квартиру и на одну буханку хлеба. Дней пять жил в долг и почти голодал. Выручил Кырбай Куралбеков, ты его знаешь, он родом из Жанатурмыса, что в нашем Байзакском, тогда ещё Свердловском, районе. Он – студент зооветинститута, вышедший на каникулы после работы в учхозе, оказывается, случайно зашёл, в надежде встретить Турара и Амирбека. Вот он сперва меня накормил и напоил, рассчитался за меня с той тётей Ядой, повёз на такси на вокзал, купил билет, сунул мне в карман пятьдесят рублей и отправил домой. Вот что означает истинная студенческая дружба!..

– Прекрасно! Теперь, пожалуй, последний, возможно, не самый удобный вопрос...

– Ничего, давай, дружище.

– Насколько я понял, ты потом не был ни разу в тех местах, только вот выглядываешь через окна поезда, разъезжая туда-сюда. Это меня

не только удивляет, но и...

– Поражает, да? Нет, почему же, я... я там был, но слишком поздно... А до того, по глупости, что ли, всё откладывал на позднее время. К тому же, сам знаешь, по службе не сиделось мне на одном месте. Джамбул, Чимкент, Москва, посольства в разных зарубежных странах и, наконец, Астана... Иногда, оказывается, воспоминания переходят в мечты. И сбылась эта мечта лет пять тому назад, но только частично. Был в «Рославльском». Больница стояла на том же месте. Но ни одного, хотя бы немножко знакомого, не встретил. О той, дорогой моему сердцу апашке – я даже не знал её имени, никто ничего не мог сказать. Только раскрыв рот, качали головой. А о Любе одна пожилая женщина, бывшая медичка, дала кое-какие сведения. Она, оказывается, вышла замуж за казаха, сына именитого учёного. «Когда она приехала из Астаны, – рассказывала женщина, – забрав меня с собой, сразу посетила окраину Отара. И долго ходила вокруг двух еле заметных и заросших травой бугорков. Изредка смахивая слёзы с глаз, шептала: «Здесь были наши дома...». Почему «дома», подумала я, неужели у её покойного отца, простого железнодорожника, было аж два дома? Но не стала расспрашивать... Люба, хотя и стала вдовой, не шибко жаловалась на свою жизнь. Слава богу, её сын работает, кажется, начальником большой компании... Адреса она не оставила, видимо, забыла... Любовь Васильевна, как и прежде, красива, но, конечно, немножко постарела. А кто же не стареет, все мы стареем...». Эти скудные сведения хоть несколько и утешили меня, – продолжил Рахмет, – однако нагнали острую тоску. Вместе с ней мучает меня вот что: я не смог тогда и по сей день сказать всего одно-единственное, очень простое, и в то же время очень могущественное, озаряющее душу человеческую слово «спасибо» этим мне теперь уже бесконечно дорогим двум людям: давным-давно наверняка покинувшей этот мир бранный и ставшей для меня навечно безымянной матерью апашке и своей сверстнице Любе, оставившей в моём сердце светлейший след, как она сама!.. Поэтому, хотя я в своей жизни, насколько себя знаю, никогда не вызвал, слава Аллаху, причин, приносящих горькие слёзы в чужих глазах, и не всадил стрелу горечи в другие сердца, я себя считаю порой в чём-то виноватым и неблагодарным... Виртуальная благодарность, по-моему, не в счёт, когда были возможности для визуальной!.. Прав ли я? – Рахмет смотрел мне прямо в глаза, будто ожидал от меня истины в последней инстанции.

– Нет, ты не прав, – ответил я после недолгого молчания. – Мне кажется, что ты уже отблагодарил их, которые даже сами того не осознавая, оказали влияние на смягчение души и углубления чувств, тем самым сыграли хотя и небольшую роль, в нравственном формировании молодого Рахмета. Не забыть, периодически вспоминать добро и тех людей, которые содейли его, по-моему, самая лучшая форма выражения благодарности и, наконец, явный признак человечности.

– Ты ду-ма-ешь?.. – протяжно спросил Рахмет. На его несколько разгорячённом лице я заметил следы успокоения и удовлетворения.

– Да. – твёрдо ответил я. Затем, улыбаясь, добавил:



– Я тоже не хочу быть неблагодарным: спасибо за эксклюзивное интервью!

– Ох, старый волк!.. – рассмеялся Рахмет. – Ты... ты всё же молодец!

– Чем же я вдруг заслужил такую похвалу? – удивился я.

– Тем, что ни разу не прервал мою долгую, так сказать, исповедь.

– Это, наверное, оттого, что когда-то получил на этот счёт очень суровый урок.

– От кого же?

– От самого Баурджана Момыш-улы.

– От Момыш-улы?! Да ты что?! – теперь крайне удивился Рахмет. – А ну-ка расскажи, как это случилось?

– Однажды июльским днём семьдесят пятого года он проездом из Чимкента остановился в Джамбуле у своего племянника Мартая. И мы, несколько парней-журналистов, побежали поздороваться с легендарным героем-земляком. Сидели за дастарханом. По нашей просьбе Баурджан-ага рассказывал об одном драматичном эпизоде фронтовой жизни. И меня чёрт дёрнул, взяв сигарету из пачки «Медеу», лежавшую на столе, попросить у Мартая спички. И тут же громовой окрик: «Мол-ча-ать!.. Что прерываешь рассказ?! Всё, больше не буду говорить!..». Баурджан-ага грозно и надолго впился в меня глазами. А у него глаза-то какие, сам знаешь... Я, тихо произнеся «Простите, простите...», не знал куда себя деть. Весь взмок.

Только спустя некоторое время, чуть потеплев лицом, Баурджан-ага продолжил свой рассказ.

И вот этот случай стал уроком для меня на всю жизнь.

– Да-а, отличный урок! – согласился Рахмет.

– К тому же твоя исповедь была весьма интересной, трогательной. Боялся своими вопросами и репликами испортить её душевную, эмоциональную красоту... Признаюсь, что иногда чувствовал себя так, будто слушал песню о любви, правда, ещё не спетую в полный голос, если и внутренне спетую, то недопетую... И... и что же будет, если я когда-нибудь осмелюсь что-то написать, перенести на бумагу всё, что ты рассказал?

Рахмет задумался. И вдруг оживлённо обратился ко мне:

– А ты помнишь, какое условие поставил Баурджан-ага Александру Беку, когда тот собирался писать «Волоколамское шоссе»?

– Конечно, помню: за ложь отрубят пальцы.

– А что если мы тоже последуем этому договору?

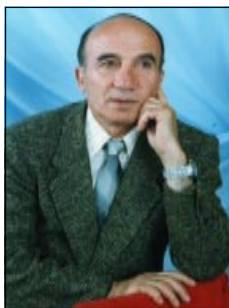
– Идёт. Я буду беречь свои пальцы, они мне ещё пригодятся...

В этот момент в купе вошла красивая брюнетка-проводница:

– Пожалуйста, сдавайте свои постели. Подъезжаем...

Тараз – Зеренды – Тараз.

Апрель-май 2011 года.



Резо МАХАТАДЗЕ

МУДРОСЛОВИЯ

Максимы

Перевод с грузинского Майи Бирюковой

*

Полностью свободен я лишь тогда, когда пленён прекрасным. В остальное время остаюсь рабом рассудка.

*

С Эвереста всего мира не разглядишь. Его увидишь со страниц книг и газет.

*

Мечта – невидимая сила, опережающая человека.

*

Если сомневаешься в чьей-то преданности, обратись к нему за помощью, когда в ней не нуждаешься. Тем самым упасёшься от измены в пору испытания.

*

Мысли что семена растений. Посеешь – взойдут, зацветут и дадут плоды.

*

Встречаются люди, похожие на крепко запертые замки, но и их легко отпрёт точно найденное слово.

*

Как ни бей молотком по гвоздю без шляпки, он не удержит доски! Хорошо бы об этом помнить руководителю при назначениях на должность.

*

Ночь обладает магической силой. Она чудесным образом обостряет романтику творчества, воровства и блуда.

*

Если глубоко задумываешься над деянием, или оно очень велико, или рассудок для него слишком мал. Великое дело требует великого разума.

*

Если то, что пишется на доске, не отпечатывается в мозгу, значит труд этот напрасен.

*

Человек пристрастен к мёду не потому лишь, что тот лечит, а потому, что сладок и приятен. Подтверждение этому медведь.

*

Если владеешь знанием или опытом – смело делись ими с ближним – тебя не убудет. Они ведь не деньги, чтоб их хранить! Чем больше черпаешь из колодца, тем больше в него прибывает.

*

Достижений ничем не скрыть, они всегда наяву. Кто им радуется, кто огорчается, кто завидует, кто лишается покоя и сна. Случается, представьте, кто и заболевает.

Замысел же скрыть и не выявить можно.

Будь доброжелателен, осторожен с окружающими...

*

Житейские проблемы никому не по нраву. Если для их одоления у тебя есть воля-железо, его можно употребить с пользой. Так закалить его в огне, чтоб превратилось в сталь.

*

То, что человек человеку опора и надежда, – абсолютная истина. Когда бы не так, он бы не мог переплыть потока жизни. Или остался бы на берегу, или утонул.

*

Годы, как сорвавшийся с привязи жеребец, несут меня с собою. Теперь уж ни поводьев не удержать, ни спрыгнуть, не то бы крикнул: «Скачи себе, а я никуда не спешу».

*

Мимо, бросив на меня мгновенный тёплый взгляд, прошла красивая женщина. Я в ответ проводил её тем же. Спустя некоторое время мои тепло и сердечность вернула мне другая встреча. Если человек не может обмениваться движениями своей души, значит, он бесчувственная тумба, насос, нагнетающий кровь.

*

Есть нечто не обладающее ощущаемым весом, но я знал многих, начисто им раздавленных. Это угрызение совести от совершённого в отношении кого-то греха.

*

Взлететь в небо предельно трудно, зато слететь с него поможет земля.

*

Когда его называли лишённым совести, он приуныл и глубоко задумался... И ступил на путь, на котором чаял вновь эту совесть обрести. Но обрёл её уже для другого. Но и тот, другой, её потерял. А нашёл её новый, третий, и присвоил себе... Так искони переходит бесчестье от одного к другому. Одни теряют – другие находят.

*

Большинству людей, так или иначе, тенью сопутствует зависть. От неё свободны лишь нищий и попрошайка – ни они никому, ни им никто не завидует.



*

Спешка порой приносит победу, а промедление поражение. Но случается и наоборот. И кто при этом может стать твоим верным советчиком? Конечно же, собственный рассудок. Он должен подсказать, как следует действовать.

*

Нечестиво возведённые хоромы ненадёжны. Честным же путём поставленному жилищу обрушение не грозит. Первые стоят на песке, вторые – на крепкой основе.

*

В последнее время у меня набралась и скопилась масса дел. Можно пожаловаться: когда с ними разберёшься?! Но прибавилось не дел, а лени, что, как плотина реке, мешает её течению.

*

Поднявшемуся на высокую должность не следует толкать ногой лестницу и полагать, что она более не понадобится. Никто никогда навечно наверху не оставался. Лучше спуститься по ступеням, нежели оказаться сброшенным.

*

Безгрешных, идеально честных людей не существует. Мне казалось, я знал одного такого, но и он дал слабинку: нанизывал на удочку на рыбалке обманку.

*

Мечтай в пределах своих возможностей – и мечта осуществится. В противном случае всё обернётся дурью, сам у себя похитишь драгоценное время.

*

Сеятелю добра следует учитывать, что прорастают далеко не все семена. Если посеянное не даёт плода, какой в нём смысл?

*

Если хочешь жить триста лет, как ворон, к финишу жизни придётся брести черепашьям шагом.

*

Подражание привело человека к изобретению самолёта. Спасибо за него птицам.

*

У волевых людей чаша терпения всегда пуста и никогда не наполнится.

*

Карманы брюк предназначены не для того, чтоб ходить, заложив в них руки. Вынь их – и освободится место для денег.



*

Мельничный жёрнов приводится в движение потоком воды по жёлобу, а человек – стремящейся к цели мыслью.

*

Что посеешь, то и пожнёшь... Эта народная мудрость подразумевает сеяние добра. Зерно же, если за ним хорошо ухаживать, воздаёт сторицей.

*

Там, где много денег, часто мало чести. Где подлинная честь, там царит бедность. Светла лишь только умеренность.

*

Живя в страдающем недугом торгашества обществе, приходится и самому поддаваться ему. По-иному не проживёшь. Если любишь брать, следует и отдавать. Если будешь лишь отдавать, обнищаешь и изведёшься. Предпочтительнее всего жить в нравственно здоровой стране.

*

Мудрость приходит с годами, но не ко всем. Она одаривает по принципу выбора, преимущественно мужчин. Это подтверждается словом «мудрец».

*

Мудрость – порождение ума. Глупый, как бы долго ни жил, её не удостоится.

*

Можно исправить множество разных ошибок, но трагических никогда.

*

Для обретения свободы не обязательно жертвовать жизнью. Какой в подобной свободе смысл?

*

Единственный певец, который не продаёт дарованного Богом таланта, – соловей.

*

Наряду со всем жизни необходим и завистник. Кто другой так нас протрезвит? Без него сомлеешь, расслабишься и погибнешь. Он побуждает к непрерывному деянию. Предпочитай худому другу толкового завистника.

*

Интерес постоянно тянется к алчности. Им нужно править, как конём. Отпустишь поводья – не удержишь и низвергнешься в пропасть.

*

Валянье в грязи для свиньи не самоцель. К этому её принуждают паразиты на теле.

*

Сколько талантов не проявляется из-за нерадивости и лени их обладателей. Позаботьтесь об их применении, и они вас прославят.



*

Как часто обманывается тот, кто не разбирается в людях.

*

Для совершенья ошибки довольно и одного шага, но чтоб её исправить, не хватит и миллиона. Расстояние зависит от длины промаха.

*

Во всяком человеке есть что-то отрицательное. Поэтому надо закрывать глаза на отрицательное в тех, в ком преобладает положительное. В противном случае нам не обрести друзей.

*

Когда нас покидает любовь, её место занимает ненависть. А если уходит и ненависть, остаётся лишь пустота.

*

Как прекрасна была бы жизнь, если бы человек мог примерять к себе свободу, как одежду. Абсолютный наряд и абсолютная свобода одинаково неприглядны.

*

Когда вокруг царит бедность, нужно опасаться переходящего грань богатства. Бедных если и сдержит разум, то не сдержит желудок. Он никому не уступит отнятого куска.

*

Грудь человека – не купол неба. Чтоб её осветить, довольно и одной звезды.

*

Нельзя на всякого незнакомца смотреть как на негатив. Подлинный облик его проявится, когда он заговорит или начнёт действовать.

*

Полную свободу человеку обрести невозможно. Она допустима и доступна лишь птицам и животным.

*

Достичь недостижимого невозможно без таланта и сноровки. Лишь в сочетании они могут служить лестницей к цели.

*

Как правило, кто мало делает, тот громко кричит, чтоб проявиться и прославиться. Для деятельного этой заботы не существует, он знает, что его прославит дело.

*

Ты всегда во всём соглашаешься с шефом, потому что ему это нравится. В этом проявляется твоя сообразительность, а его ограниченность: он не видит вокруг себя никого, кроме льстецов.



*

Когда руководитель не обладает весом в глазах подчинённых, ему лучше сидеть бабочкою на цветке, чем в кресле начальника.

Чтобы ветер не унёс принесённого им же, нынешние бизнесмены хранят деньги в как можно более далёких зарубежных банках.

*

Подушка пожаловалась тюфяку: век был для нас золотым, когда нас использовали для хранения денег.

*

К тебе вежливо, мягко, тепло обращается множество людей. Не скупись – отдай хоть малую часть. Для чего её хранить?

*

Если бы все мысли приносили плоды, человек был бы раздавлен их тяжестью.

*

Неравноправие обуславливается множеством факторов: разностью мышления, разнообразием трудовых навыков, множественностью нравов и обычаев. Поэтому идеальное равноправие невозможно.

*

Годы в старости отнимают у тебя всё: разум, силу, красоту, слух, зрение, чувства. В возмещение наделяют одним только опытом. Не лучше ли было бы даровать его раньше? На что он теперь?

*

Если б мы загодя предощущали провал, насколько успешнее были бы в жизни.

*

Если ты осознанно подойдёшь к чужой ошибке, никогда не допустишь её сам.

*

Если ты не пользуешься дарованными тебе способностями и хорошими качествами, то ничем не отличаешься от тех, кто ими не одарён.

*

Если ты никому не доверяешься, то никогда не будешь обманут. Если же доверишься, то можешь из-за одного обманщика лишиться сотни честных, надёжных друзей.

*

Доброе слово ложится на сердце елеем, хоть такое трудно себе представить. Но и без этого доброе слово даёт немалое облегчение.



*

К счастью, умное меньшинство даёт жизнь и правит глупым большинством. Так сложилось искони. Было бы наоборот, и человечество оказалось бы другим. А возможно... что и погибло бы.

*

Травоядным дают жизнь растения, хищникам же и людям – сами травоядные. Исходя из этого, все одушевлённые существа за своё существование должны быть благодарны растениям.

*

Время становится деньгами тогда, когда в нужную пору создаются нужные ценности.

*

Существование разумных и неразумных людей формирует умственное, перерастающее со временем в сословное, имущественное и должностное, неравноправие. Этот процесс протекает на всём протяжении развития человечества. И никогда не прекратится.

*

Как спокойно бы спал бедняк, если бы его не одолевали нужда и нехватки. Он чувствует себя несчастным. А богачу мешает спать опасение утратить нажитое. И всё-таки он чувствует себя счастливым, поскольку существует множество способов самозащиты.

*

Самое дорогое у человека это его родина. Если задумают отнять её у тебя, нужно стать на её защиту и сложить за неё голову. Если всё-таки тебя её лишат, нужно бороться за неё даже ценою жизни. Но если ты предашь её, стало быть, она не была тебе родиной или ты не её сын.

*

Избыточное хитроумие формирует подлецов и лжецов, обращает человека в лису. Но всё же необходимо обладать некоторой долей хитрости, чтобы не дать обмануть себя.

*

Ты истратил деньги? Призови на помощь разум, и наживёшь их вновь.
Ты растратил здоровье? Разум призывать на помощь поздно. Так что здоровье нужно беречь и следить за ним, пока им обладаешь.

*

Часто слышишь: выиграл время, потерял время. На самом деле его ни выигрываешь, ни теряешь. Таким фразёрством прикрывают свою состоятельность или несостоятельность.

*

Хвастовство обесценивает всё то, чем ты гордишься.



*

Не старайся свои заботы перекладывать на других. Это толчение воды в ступе. Оно ни тебя не облегчит, ни других не отягчит.

*

И трудолюбие, и лень – недуги. Один благородный, другой злокачественный.

*

Как нельзя в один сосуд влить жидкость разных видов, так в человеке не могут уживаться вместе добро и зло, отвага и робость, деятельность и праздность, верность и измена. Там, где есть первое, второго быть не может. Где второе, не отыскать первого и днём с огнём.

*

Попытка пресечь зло им же самим лишь порождает новое зло. Его может преодолеть лишь добро. Добро закапывает зло так глубоко в землю, что то уже не может из неё прорасти.

*

Если ты обладаешь силой воли, то тебе не потребуется для сохранения тайны держать рот на замке.

*

Если ты обладаешь чем-то в избытке, поделись частью с другим. Ему прибудет, а от тебя не убудет. Другой когда-нибудь может тебе пригодиться. Тогда и прибудет к тебе отданное добро.

*

Если ты не сопроводишь преподнесённый подарок доброй улыбкой и сердечным словом, то он, каким дорогим бы ни был, обратится в уценённый товар.

*

Волк и шакал вызывают у людей разные ассоциации по простой причине – волк отбирает нагло и открыто, шакал же крадёт исподтишка. Так же воспринимаются разбойник и торгаш.

*

Если хочешь задержаться на этом свете надолго, обрети чувство меры. В качестве примера возьми плодоносные деревья в твоём саду. Дерево, перегруженное плодами, или роняет от тяжести ветви, или падает само.

*

Собака – самый дешёвый и верный служитель. Поэтому её используют даже бедняк.

*

Деньги свирепствуют среди людей с первого дня творения. Они, конечно, приносят и пользу, но безжалостно развращают общество. Без них



не обойдёшься! Правительства во все времена борются против употребления их во зло, но ничего поделать не могут – деньги защищают сами себя.

*

Ошибки бывают разные. Об одних мы догадываемся сразу, но выправить их не можем. Другие осознаём позже, но выправлять их уже не имеет смысла.

*

Смётка нужна не только при созидании, но и при разрушении, чтоб не угодить под обломки. Нужно разобраться и в том, что разрушаешь: хлеб, дом или государство. Трудно строить, разрушать же легко, особенно то, что возводили другие.

*

Пьяница «завязывает», когда пить ему уже не на что. Вор перестаёт воровать, когда красть уже нечего. Распутник унимается, когда входит в возраст.

*

Дурных политиков порождает несознательное общество. Аплодировало бы им сознательное? Вообще аплодировать следует не политикам, а танцорам.

*

Никто не видит, что ты ешь и что пьёшь. А богатый наряд видят все. Как и во всём, и в этом необходимо соблюдать чувство меры.

*

Всё правильно и содержательно воспринимается лишь тогда, когда сохраняется тесная связь между разумом и зрением.

*

Слово – безошибочные весы. Слово точно показывает, весом или легковесен тот, кто его высказывает.

*

У того, кто непрестанно думает о недоступном ему деле, не остаётся времени делать доступное.

*

Звезда кажется маленькой, оттого что чрезвычайно сильно отдалена от тебя. Так же обманчива и мерцающая в большом отдалении цель.

*

Избыточная болтовня – это не та краска, которая возвращает оттенок поблёкшему делу!

*

Лесть – безотказный инструмент облегчения жизни, и изобретатель этого инструмента не прибегнуть к нему не мог.



*

Похвала приятна каждому, и заслуживающему её, и не заслуживающему. Хотя внешне многие от неё отмахиваются. Такие, если им будет необходимо, вынесут на всеобщее обозрение таящуюся в них фальшь.

*

Тот, кто тянется к учению, тот набирается знаний и к старости подходит с немалым достоянием. Поэтому, пока можешь, стремись к учению – для всего находится своё время.

*

Если ты, исходя из обстоятельств, прикинешься слепым, глухим и немым, то многого добьёшься и достигнешь, но это не перевесит утраченного достоинства.

*

Пусть тот, кто видит счастье в деньгах, оглядится вокруг, – сколько из-за них стали несчастными.

*

Человек, который стремится к совершенству, ваятель собственной личности.

*

Восторг столь мощно наплывающее чувство, что не вмещается в ограничительные рамки. То, что уместается, это уже не восторг.

*

Пространство, охватываемое разумом, твоё, и ты обязан бороться за его освоение. Если не ты, его освоит другой.

*

Достояние или имущество принадлежат тебе, доколе ты в состоянии ходить и ухаживать за ними.

*

Государство требует служения себе равно от всех своих граждан. Граждане же выполняют это требование по-разному – кто преданно, кто предательски.

*

Проявлять свои знания перед невеждами не большая отвага, да и вообще дело бессмысленное. Перед обладающими же большими знаниями – наоборот: престижно и приятно.

*

Равенство людей проявляется лишь при подсчёте голосов избирателей.



*

Если не проложить путь таланту, он дальше тебя не уйдёт. Найди ему дорогу, и он поведёт тебя за собой.

*

Врата нужны не только дому, но и сердцу. Для кого они должны быть распахнуты, а для кого замкнуты на замок.

*

Не допускай повторенья однажды допущенной ошибки, считай, что ты приобрёл опыт.

*

Льстивая ласковость – условный рефлекс собаки, служащий ей для выпрашивания пищи у человека. Для человека же она рефлекс безусловный. По сравнению с первой – второй позорный.

*

Чем активнее стремление идти вперёд, тем короче путь к достижению цели. Потому не допускай промедления, не то можно уйти из жизни, оставив путь этот не пройденным.

*

Между мечтой и действительностью ненаполнимая пропасть, для преодоления которой необходимы крылья, к тому же сильные, орлиные.

*

Надежду приносит не ветер, это наша собственная выдумка. Но ветер может её унести.

*

Легковесны все мысли, кроме одной – об упасении от опасности и испытания.

*

Если не умеющий плавать любит жизнь, он в надежде на лодочника в лодку не сядет.

*

У живого человека есть множество путей, у умершего же – лишь один.

*

Эволюционное развитие человека не состоялось бы, если бы он наряду с рассудком не обрёл дара речи.

*

Политическая борьба сильно смахивает на перетягивание каната противоположными группировками, при котором применяются всяческие уловки.

Канат же – крепко скрученная толпа.



*

Верность и преданность выявились в человеке гораздо раньше, чем предательство и измена. Последние следует счесть крайней стадией внедрения в него на пути эволюции алчности, зависти и пронырства.

*

Воспринимать мудрое слово доступно лишь разумной личности. Если человек будет прибегать к нему систематически, он станет мудрецом и сам.

*

Если какое-либо государство или строй могут быть разрушены одной-единственной личностью, то, стало быть, одной личностью они были и возведены. Народ же служил стройматериалом в её руках.

*

То, чего женщина тебе не говорит, можно прочесть в её глазах. Поэтому в словах надобности нет, глаза скажут всё.

*

Мысль о бессмертии – неразумие, поскольку всё в этом мире смертно, даже само бессмертие.

*

Тот, кто стремится вперёд, кто ставит на одну плоскость себя, свои мысли и мечты, безусловно добьётся той высоты, которая зовётся вершиной величия.

*

Как река берёт начало из ледника, ручья или озера, так все и всяческие интересы исходят из разума. Не будет разума, не будет и интереса.

*

Хвастун почему-то полагает, что хвастовство поднимет его в чьих-то глазах. На деле же, если слушатель не глупец, получается наоборот.

*

Торопливость оправдывается или порицается достигнутой или не достигнутой целью.

*

Если младенец умён, он осознает цену времени. Прежде чем познать значения слов, он многое усваивает из действий родителей.



*

Человек оценивается по его речам. Если слова его лживы, он, кем бы ни был, равен нулю.

*

Не существует человека, отказывающегося от личного удовольствия. Если такой и найдётся, то, стало быть, ему не дано его испытывать.

*

Не существует во всём сходных и во всём различных людей.

*

Рождённый трусом не умрёт героем.

*

Запоминать нужно лишь доброе и хорошее. Не стоит обременять память дурным, иначе будет тяжело голове.

*

Допускать ошибки доступно всем, но исправлять их – лишь единицам.

*

Внутреннее мужество проявляется лишь при высказывании истины. Это безошибочные весы.

*

У некоторых людей есть свойство, общее с лисой, – и те, и другая пронырливы и хитроумны.

*

Привитый к горькому саженцу сладкий живёт долго и даёт обильные вкусные плоды.

*

Идя на нарушение закона, ты стоишь на перекрещенье преданности и предательства. Вспомни в этот час о своей родине. Это не удержит от предательства только предателя родины.

*

Взошедший своими силами на вершину сам же с неё и сойдёт. Прибегший же к подталкиванию и помощи вынужден обращаться к ним и при спуске.

Окончание в следующем номере.



Амантай АХЕТОВ

Аяз-би

Поэма

по мотивам казахской народной сказки

Вступление

Блеск мудрости народа

Издревле кочевал народ
В степи от Иртыша до Волги,
Торил в столетьях путь свой
долгий,
Достойный продолжая род.

Здесь утверждал высокий дух
Он в славном имени Алаша,
Будь то рыбак простой с Балхаша
Иль семиреченский пастух.

Достойно он встречал врага
И с пижкою врал в седло,
Светилось мужеством чело,
Была отчизна дорога.

Степенен, мудр, не строптив,
Потомок гордых гуннов, саков,
Вновь поднимался он из праха,
Свободу кровью окропив.

Не зря ещё в глуби веков,
Знать, отчий край облюбовали,
Вего пленительные дали
Вписали drobный стук подков.

И хоть огонь тех лет потух,
Курганы по Степи Великой
Достойных предков помнят лики
И в святости хранят их дух.

И солнце, восходя с Алтая,
Бросало изумлённый взор
На необъятнейший простор,
Где расстилась гладь золотая.

Где в холодных водах Иртыша
Струилась мирно к океану,
Среди утёсов-великанов,
Народа пылкая душа.

О чём порой не скажут воды,
Когда-то в пойме Сыр-Дарьи
Коней купали бунтари,
Чьим знаменем была свобода.

Богата Степь, хвала Аллаху,
Ведь северней Сары-Арки
Ещё великих две реки,
Как символ широты казахов.

В Прикаспии седой Едиль
Течёт степенно по равнине,
С размахом истинно былинным,
И помнит сказочную быль,

Когда с златым руном плодились
Овец несметные стада,
Батыры в поединках бились,
Прославив древние рода.

И сквозь стремительные годы
Течёт размеренно Яик,
Величественный, как язык,
Назвавшего его народа.

Жемчужиной степной короны
Арал, что плещется в прибое,
А в Кокшетау сосен кроны
Пронзают небо голубое.

Любовь к земле казаху свята,
Пред родиною меркнет рай.
И славен чем-то каждый край,
Ведь степь талантами богата.

Хранит молва, живы преданья,
Седлая сказочных коней,
С глубины веков до наших дней
Дошли прекрасные сказанья.

Очудных девах чернобровых,
Чьи притягательны уста,
И взоры манит нежный стан,
Умом, смекалкой блещет слово.



Своих избраницу луноликих
Лелеяли в сердцах джигиты,
Златыми строками отлиты
Порывы их любви великой.

И только погружались дали
В таинственный ночной покров,
В мерцающем огне костров
Легенды снова оживали.

В порыве грусти и печали,
Под тихий перебор домбры,
События дивной старины
В устах сказителей звучали.

Добро в них побеждало зло,
Страданья завершались тоем,
Батыра ожидал пред боем
Крылатый спутник под седлом.

Тем словам трепетно внимал,
Казалось, даже месяц ясный,
Красавиц знойных и прекрасных
Своим сияньем обнимал.

И голос на степенной ноте
Уводит в глубину веков,
Где блещет мудрость бедняков
И честь с достоинством в почёте.

А впрочем, убедитесь сами,
Как блещет мудрости алмаз,
Открыв в поэме вместе с нами
Далёких лет чудесный сказ.

I

Из давних к нам дошло времён,
Неглубокий хан народом правил,
Не так уж славен был бы он,
Да Аяз-би его прославил.

Случилось так, что хан Маден
Вдруг загрустил под небом лун-
ным,
Решил согнать он скуки плен
За разговором, словом умным.

Но сорок визирей собрав,
Он скуку так и не развеял,
И от пустых речей устав,
Хан испытанье им затеял.

– Вы сыты при моём дворе,
Живёте в славе и почёте,
Но только о своём добре
Да животе своём печётесь.

Вам только бы поест, поспать,
Совсем, я вижу, обленились.
Хочу вас в деле испытать...
Покорно визири склонились,
Чтоб преданно, у его ног,
Внимать тому, что хан изрёк.

– Я поднял вас всех из пыли
Не для забавы и потехи,
Достаньте, хоть из-под земли,
Ничтожнейшего человека.

Я, понимаете ль, тоскую,
Вы заставляете скучать.
Поймите птицу мне такую,
Что никудашней не сыскать.

И травки мне ещё нарвите,
Что хуже не бывает трав,
Без них ко мне не приходите,
Мой знает суровый нрав.

Вам триста дней на всё даю,
Иначе заживо сгною.

II

Приказ не терпит оправданья,
В словах его звучит упрёк,
И знать, на долгие скитанья
Он глупых визирей обрёк.

Чтоб не покрыть себя позором,
Чтоб не остаться не у дел,
Смиренно потупили взоры –
Покорность хану их удел.

И воли не понявши суть,
Наутро собрались все в путь.

Пред ними расстилалась даль,
Блуждая по степи без цели,
Визири, впавшие в печаль,
Попали в заросли шенгеля.

Свои халаты изодрав,
Его никчёмным посчитали,



Колючки чёртовы прокляв,
С собою целый вьюк набрали.

Затем увидели фазанов,
Невзрачной показалась птица.
С такой, пожалуй, перед ханом
Им можно будет появиться.

Довольные, что две удачи
Им улыбнулись в один день,
Фазанов под полами пряча,
Визири отыскиали тень.

Расстелен скоро дастархан,
Беседа за пиалой чая,
И на огне вскипал казан,
Дразнящий запах источая.

Вдруг показался из-за склона
Пастух в отрепьях, прямо срам.
Судьба, как видно, благосклонна
Была сегодня к визириям.

Хоть сытых бедность изумляет,
Но всё ж они смогли понять,
Его беднее не бывает,
Да и несчастней не сыскать.

А тот, лохмотьев не стесняясь,
Пред взором визирей предстал,
И к ним с почтеньем обращаясь,
Долг вежливости всем воздал.

– Да это тот, кого искали! –
Изрёк один из визирей, –
Другой нам встретится едва ли
Такой никчёмный среди людей.

И до чего несчастен лик,
Как жалок этот оборванец.
Воистину Аллах велик!
Могу поклясться на Коране:
Он среди людей ничтожный самый,
Нам повезло, удача с нами!

III

Узнав от них о воле хана,
С усмешкою сказал пастух:
– Недаром назван я Жаманом
И к радостям земным был глух.

Ихоть ничтожен я с лица,
Предстану пред великим взором,
Пока из ханского дворца
Меня не выдворят с позором.

Но радость ханских визирей
Развела его сомненья,
Им не терпелось поскорей
Закончить все свои мученья.

В степи ко сну не стелют мягко,
И ветер предрассветный зол,
А во дворце так ночи сладки
И яствами обилён стол.

Свои мечты в душе лелея,
Собрали быстро дастархан,
Но, глупых визирей жалея,
Им посоветовал Жаман:

Сороку в поле изловить,
Куги в низине накосить,
На волю отпустить фазанов,
Мол, в этом видит волю хана.

IV

И вот, с улыбкой на устах,
Визири предстают перед ханом,
С кугой, сорокою в руках
И с бедным пастухом Жаманом.

– Ваш выбор, вижу, точно пал,
Никчёмного вы раздобыли...
На кухню хан его послал,
Чтобы похлёбкой покормили.

А вот насчёт травы и птицы
Хан гнев высокий проявил.
– Ваш выбор вовсе не годится! –
В лицо с усмешкой заявил.

– Ведь издавна в степи считают
Фазана никудышной птицей,
Шенгель никчёмным называют,
Как смели вы ко мне явиться?

И стоило ли до сих пор
Блуждать вам всем в краях далёких,
Куги так много у озёр
И стаями вокруг сороки.



В пот бросило всех визирей
И, опасаясь воли хана,
Они спешили поскорей
Свалить вину всю на Жамана.

Но хан стал, видно, понимать,
Не так уж глуп бедняк, видать.

– Ведите своего Жамана,
Пусть объяснится предо мной.
Вновь оборванец перед ханом
Встал со смиренной головой.

V

– О, хан, владыка наших дум,
Достойнейший избранник Бога,
Быть может, я и тугодум,
Ведь прожил эту жизнь убого.

Я на чужих людей работал
И пас чужих я жеребят.
Мои ничтожные заботы,
Наверно, слух вам оскорбят.

Но, хан, поверьте, через слёзы
Цену шенгеля я познал,
Когда им в лютые морозы
Жар в очаге своём держал.

Когда же я кугу бросал,
То пламя сразу угасало,
И сколько бы ни раздувал,
Проклятая, не загорала.
Скоту и то скормить не мог,
Усвоил этот я урок.

С тех пор мне говорит душа,
Что нет никчёмнее травы.
Простите, если оплошал.
Вы хан, и вы всегда правы!

VI

Хан должное воздал уму:
– Ты в травах что-то понимаешь.
А как с сорокой? Почему
Её никчёмною считаешь?

И вновь бедняк не растерялся
Пред взором грозного владыки,
С наивной простотой признался:
– Фазан съедобен, хан великий.

А если с виду и невзрачен,
Зато приятен он на вкус.
Коль думаете вы иначе,
Я осуждать вас не берусь.

Насчёт сорок, хоть и плодятся
Они повсюду, толку нет.
Ведь даже в пищу не годятся,
Не приготовишь на обед.
К тому же и характер вздорен,
И вечно меж собою в ссоре.

VII

Вновь с оборванцем соглашаясь,
Беседу продолжает хан.
– С чего решил ты, понимаешь,
Что всех ничтожнее, Жаман?

Бедняк в ответ потупил взгляд.
– Просить о милости не смею,
Достойным в жизни быть бы рад,
Но даже дома не имею.

Все сверстники давно женаты,
Их окружает детский смех,
А я всё в бедности проклятой,
Хожу с рожденья без утех.

Никто меня не пожалеет,
Не ждёт усталого семья,
Так кто ж себя назвать сумеет
Ещё ничтожнее, чем я?

В недолгой той беседе с ханом
Сумел блеснуть умом бедняк.
Чтоб дальше испытать Жамана,
Хан приказал подать коня.

VIII

– Взгляни, – хан попросил Жамана, –
Я дорожу своим конём.
– Да, с виду вроде без изъяна,
Позволь проехать мне на нём.

И вот Жаман, взлетев на круп,
Вокруг дворца свершает круг.

– Мой хан, всем этот конь хорош,
Поверьте бедному на слово,
Хоть сразу и не разберёшь,
Но есть в нём что-то от коровы.



И хан Маден от удивленья
Воскликнул: – Ты сумел понять?!
Коровьим молоком с рожденья
Кормили моего коня.

Но как, хитрец, ты догадался?
– Да очень просто, хан Маден,
Когда рекой переправлялся,
Он голову тянул к воде.

Хоть сорок раз пои корову,
Она в реке напьётся снова.
И ноги сзади отрясает.
Какой пастух о том не знает?

Подобной сметкой бедняка
Все удивлялись в этом зале,
Теперь, как прежде, свысока
На нищего уж не взирали.

А хан задумчиво глядел
На оборванца-мудреца,
Как видно, испытать хотел
Теперь Жамана до конца.

IX

– Чудесный камень я имею,
Подобный перстню Соломона.
И коль понять секрет сумеешь,
Достоин будешь даже трона.

Чудесный камень тот достали,
И грани ярко заблистали.
И стало в зале так светло,
Как будто солнце в нём взошло.

Бедняк, тот камень подержав
И на владыку взгляд подняв,
Ответил откровенно хану:
– Простите, камень-то с изъяном.

И как бы им ни дорожили,
Внутри в нём черви завелись
И сердцевину подточили,
Недолгой будет его жизнь.

Был хан известьем потрясён,
Но не хотелось в это верить.
Повелевает слугам он
Слова несчастного проверить.

И камень чудный расколов,
Сумел вновь убедиться хан:
На ветер не бросает слов,
Хоть и никчёмный он, Жаман.

X

– Да ты, гляжу, не так уж прост, –
Хан не скрывает изумленья, –
Задам ещё один вопрос, –
И призадумался мгновенье.

Визири хану смотрят в рот,
Чего ещё он пожелает.
– Как древен наш великий род?
«Теперь-то он уж оплошает.
Такому бедняку ли знать,
Откуда род ведёт свой знать».

В глазах злорадство затая,
Все сорок визирей стоят.
«Попался, наконец, наглец,
Сейчас придёт ему конец!»

Трон хана обошёл Жаман
И поднял взгляд свой на владыку.
– В роду вы самый первый хан,
Простите правду мне, великий!

Вы вышли из простолюдинов,
Не по крови став господином.

– Чего ты мелешь здесь, ничтожный?!
– Хан гневом тотчас воспылал, –
Да это просто невозможно,
Исчезни с глаз моих, нахал!

В степи давно мой знатен род,
Семь поколений держат трон.
Столетиями весь народ
Ему с почтеньем бьёт поклон.

А чтобы ты не сомневался,
Получишь сто плетей, нахал!
Но оборванец не сдавался,
Угрозам он не уступал.

Задумался тогда владыка
И укротил свой гнев великий.



XI

Он к трону подзывает мать
И правду ей сказать велел,
Чтоб боле никогда не смел
Босяк безродный оскорблять.

Палач дворцовый точит меч,
Готовясь голову отсечь.

А мать Мадена, всё узнав,
Кривить душою не посмела.
И, к трону ханскому припав,
Поведала всю правду смело.

– Я так стара, мой сын, и грех
Так долго я в себе таила,
Что более скрывать не в силах.
Жаман и впрямь мудрее всех.

Давно теснит мне тайна грудь,
Пред Богом я раскрою суть.
Пора признаться, наконец,
Наследника хотел отец,

Давно мечтало о сыне он,
Но тяготел, как видно, рок.
И от десятка своих жён
Дождаться сына он не мог.

Хотя был сильно в них влюблён,
На плаху посылал всех он.

Не мог смириться хан жестокий,
Как будто бы вселился бес.

И зная о его пороке,
Молила сына у небес.

Но Бог не внял моим мольбам,
Мне тоже предрекали дочь,
Но соизволила судьба
Мне в безысходности помочь.

Соседи сына ожидали,
Для них я злата не жалела,
Чтоб только дочь мою пригрели,
А мне тебя, родной, отдали.

Умеет Бог грехи прощать,
Так прояви же, сын мой, милость.
Не осуди, – твоя я мать,
Тобой, единственным, гордилась.

Своим вскормила молоком,
Лелеяла тебя, родного.
Далось признание нелегко,
Но не суди Жамана строго.
Ведь я тебе родная мать! –
И громко начала рыдать.

CII

Но честен оказался хан.
– Мать обвинять я не посмею,
Коль правду нам сказал Жаман,
К нему обиды не имею.

Не я один на небосклоне
Своею мудростью блистаю.
Он более достоин трона,
Его ему я уступаю.

– Нет, хан, за честь благодарю,
Вам трон принадлежит по праву.
Я не завидую царю,
Мне только бы поесть на славу.

Ведь голодранцу, без родни,
Достаточно твоей тени.

Хан оценил слова Жамана,
Что сердцем благороден он,
На власть не посягает хана,
И поспешил занять свой трон.

XIII

И вновь беседу продолжали,
Которой не было конца.
И слушателей поражали
Слова простого мудреца.

И в свете новом обрванец
Пред взорами вокруг предстал.
Казалось, что в халате рваном
В дворце он ярче всех блистал.

Но хана больше поражало,
Откуда он сумел узнать,
Что ханша сына не рожала,
Что не родная ему мать.

– Всё просто, – объяснил Жаман,
– Когда на кухню проводили,
Похлёбкой сытной угостили,
Я понял сразу вас, мой хан.



Похлёбка незавидна в роде,
В том вижду простоту твою.
Она в почёте у народа,
И я, бедняк, её люблю.

Коль хан в похлёбке знает толк,
Знать, он корней не забывает
И чем живёт народ свой знает, –
Смиренно кончив речь, умолк

Жаман, а свита,
Холодным потом вся покрыта,
В немом восторге камня,
На хана взор поднять не смея,

Шертала: «Вот даёт, бедняк!»
Но власть и мудрость, как родня.
И вновь возшла звезда Жамана,
И впал он в милость сердцу хана.

Быть среди визирей придворных
Достойным самым признан он
И, ханской прихоти покорный,
Из грязи в князи возведён.

Недаром, видно, говорят,
Что острый ум ценнее злата.
Советник нужен и царям,
А мудрый друг надёжней брата.

В покаях пышных почивая,
Купаясь в роскоши дворца,
Дни коротал, не забывая,
Наказ покойного отца:

«Обласкан трижды будь судьбой,
Но оставайся сам собой».
Как знать, что ждёт ещё Жамана,
Когда судьба вся в воле хана.

XIV

Однажды, выйдя из дворца,
Увидел белый он шатёр.
Народ толпился у крыльца,
С дверей не отрывая взор.

Хан объяснил ему причину:
«Сосед Вали, хоть и богат,
Давно имел одну кручину,
Был замуж дочку выдать рад.

Хотя её природа-мать
Красой, умом не обделила,
Но жениха себе под стать
Достойного не находила.

Идут сюда с надеждой баи,
И нет отбою от господ.
Да только всех их отвергает
Она уже двадцатый год.

Всё ищет жениха такого,
Чтоб превзошёл её умом.
Но нет ей милости от Бога
И свадьба не спешит в их дом».

Жаман всё на усы мотает
И о красавице мечтает.

XV

Недаром счастье, словно птица,
Случайно в руки не падёт.
А кто догнать её стремится,
Того всегда удача ждёт.

Сей верный истине Жаман
Решил осуществить свой план.

И вечером, когда народ
Оставил девушку в покое,
Решил – настал его черёд,
Он будет чар её достоин.

С надеждой тайною в груди
Он стал вокруг шатра бродить,
Бросая в двери пылкий взор,
Но чуть не испытал позор.

Служанка вышла из шатра,
Пока хозяйка отдыхала,
Прогнать решила со двора
Она безродного нахала.

– И так весь день надоедают,
Приходит всяк, кому не лень.
На имя госпожи роняют
Одним лишь видом своим тень.

Жамана не смутил приём,
Подумаешь, собачка лает.
Хозяйке доложить о нём
Он всё ж служанку посылает.



XVI

Красавица Менды, узнав,
Что прибыл к ней советник хана,
Смекалку всю свою собрав,
Решила испытать Жамана.

Своими нежными руками
Достала драгоценный камень,
Что блеском на алмаз похож,
Добавив оселок и нож.

Жаману передать велела,
А тот ответ послал ей смело.

– Прошу хозяйке передать,
Что здесь чего-то не хватает,
А там, сумею отгадать,
О чём красавица мечтает.

Служанка вышла за порог,
С собою прихватив из спальни
Ему обычный молоток,
К нему в придачу наковальню.

Жаман несколько не смущён,
Как видно, дело знает он.

От рукоятки нож отбил,
Восколки камень раздробил.
Разбил ещё и оселок,
И завернул всё в узелок.

XVII

– Он разгадал моё посланье!
Да, он понятлив и умен.
Как долго длилось ожиданье,
Поторопи, что медлит он.

Пускай немедленно войдёт,
Его любовь и почесть ждёт.

Толпой текли сыночки ханов,
Не иссякал людской поток.
Никто из знатных до Жамана
Не мог понять её намёк.

Но вот пришёл его черёд,
Хоть с виду и простой босая,
Как раз-то мудростью народ
В таких Жаманах не иссяк.

Кто знает вкус и цену пищи,
Как раз умом не обойдён,
Недаром оборванец нищий
Был в визире произведён.

Пленив Менды своим умом,
Он был допущен в её дом.

XVIII

А между тем родные, братья
Держали меж собой совет.
Мол, на сестре лежит проклятье,
Ведь ей уж скоро сорок лет.

Столь женихов с ума свела,
Но на любовь не отвечает.
Быть может, друга завела,
Его ночами приветчает?

И чтоб сомнения развеять,
Решили караулить двери.

Ночь пролетела, как мгновенье,
Жаман от счастья сам не свой,
Забыл своё происхождение,
Под утро лишь ушёл домой.

Но только вышел за порог,
Попал в железные объятья.
И караульщик поволок
Его насильно к её братьям.

И как нам гнев их не понять, –
Захвачен у сестры любовник.
Его бы надо растерзать,
Изжарить заживо в жаровне.

Но он из ханских визирей,
Так во дворец его скорей.
Узнает пусть великий хан,
Каков мерзавец-то Жаман.
И всем подобным в назиданье
Пусть сам устроит наказанье.

XIX

Маден, наедине с Жаманом,
С суровостью повёл допрос:
– Будь честным перед своим ханом
И отвечай на мой вопрос.

Ты шашни, говорят, завёл,
Тебя ведь изловили братья?
Ты у красотики ночь провёл,
Был до утра в её объятьях?



Жаман упорно отвергал
Все обвиненья, клеветою,
Наветом подлым называл.
Хан видит, дело не простое,
Ответит пусть за всё нахал.

Народ на площади собрался,
Глашатай тут указ прочёл.
Ведь бедный визирь не признался
И виселицу предпочёл.

Палач молитву сотворяет,
Готовясь вздёрнуть мудреца.
И вот Жаман в петле взмывает,
Людские замерли сердца.

Уже толпу не различает,
Висит в петле из конских пут.
Но всадник в белом рассекает
На белом скакуне толпу.

И к виселице подлетев,
Аркан он саблей разрубает.
Орёл, парящий в высоте,
Как будто жертву поджидает.

Но жив ещё Жаман, лежит,
Ещё не веря в избавленье.
Палач испуганно дрожит,
Толпа людская в изумленье.

А всадник, соскочив с коня,
Кладёт на грудь скорее саблю.
И тот, волнение уняв,
Воскликнул: «Милую я славлю!»

Пришёл в себя палач в сей миг
И вновь Жамана поднимает,
Но озарён у жертвы лик,
Глаза его огнём сияют.

– Прошу, вновь отведите к хану,
Пред взором я его предстану.

XX

Вновь во дворец его ведут,
Разгневан хан и удивлён:
– Что делает изменник тут,
И почему он не казнён?

– О, повелитель, виноват,
Позволь к ногам твоим припасть.
– Раскайся же твоему рад...
– Простить беднягу – ваша власть.

Поклон вам низкий до земли,
В ту ночь был в доме я Вали.
Красавицу Менды ласкал
И счастье высшее познал.

Её вниманья удостоен,
Я клятвою себя связал.
Её условие непростое
Я честь по чести соблюдал.

Своими нежными руками
В тот вечер послала мне камень,
Что блеском на алмаз похож,
Добавив оселок и нож.

Намек её тотчас поняв,
Служанку к госпоже послав,
Просил хозяйке передать,
Что здесь чего-то не хватает,
Дабы себя ей показать
И выполнить, чего желает.

XXI

Служанка, выйдя на порог,
С собою принесла из спальни
Простой железный молоток
И маленькую наковальню.

Вниманьем госпожи доволен,
Решил её исполнить волю.
От рукоятки нож отбил,
Восколки камень раздробил,
Разбил ещё и оселок
И завязал всё в узелок.

Я объясню вам весь секрет,
Ведь в этом больше тайны нет.
Отбив от рукоятки нож,
Разбив тот оселок и камень,
Менды я клятву преподнёс:
Всё будет в тайне между нами.

Короче, дал я ей обет
До смерти сохранить секрет.
Как видите, сдержал я слово,
Хоть смерть стояла наготове.



Простите, хан, ваш трон велик,
Но девушки сильнее власть.
Не мог я развязать язык,
Пока, на площадь не примчась,

Менды намёк мне не дала,
Что мою клятву возвратила.
Такие у меня дела –
Она мне сердце покорила.

Надеюсь, вы поймёте, хан,
Влюбился ваш слуга, Жаман.

Узнав всю правду наконец,
Сам хан повёл их под венец.
А свадьба длилась сорок дней,
И весь народ гулял на ней.

XXII

Успех Жамана раздражал
Завистливую свиту хана.
Что превзошёл их всех нахал,
Сердца им опалило раной.

Людская зависть – не секрет,
Порой опаснее огня.
И меж собой держа совет,
Решили на исходе дня:

Всё сделать, чтобы хан влюбился
В жену Жамана-мудреца,
Чтоб статью гордою прельстился
И красотой её лица.

А хан поддался уговорам
И дом Жамана навестил.
И посчитал своим позором,
Что это чудо упустил.

Красавица стройна, нежна,
Прелестна и душой и телом,
И как восточная княжна,
Предстала в юрте пред Маденом.

Теперь червь точит душу хана,
Он жаждет ею овладеть,
Сгубить несчастного Жамана,
На палец перстень ей надеть.

Собрал он визирей коварных.
– Что делать, братицы, я влюблён?!
Заранее вам благодарный,

Спасите. Мне мешает он!
Я знаю, замысел мой грешен,
Но без Менды я безутешен.

XXIII

С готовностью ему совет
Все сорок визирей дают.
По их словам, препятствий нет,
Когда соперника сошлют

Туда, откуда нет возврата,
А там, глядишь, Менды вольна.
К вдове заслать он может свата,
Не вправе отказать она.

Слугу к Жаману посылая,
Хан зазывает во дворец.
А тот, с женой своей прощаясь,
Предчувствует плохой конец.

– Замыслил что-то против хан,
Как разузнать бы его план?

Недаром мудростью своей
Менды прославилась не раз.
– Иди к владыке, не робей
И выполняй его приказ.

Я в страсти хана виновата,
И хочет он тебя послать
Туда, откуда нет возврата.
Но можешь не переживать.

Предложат скакуна тебе,
Возьми коня, да пожирнее.
Затем доверимся судьбе,
Ведь ей, лисице, всё виднее.

С тобой пошлёт он визирей,
Но, как обратно повернут,
И ты не пожалей свой кнут
Да возвращайся поскорей.

XXIV

И вот Жаман стоит пред ханом,
В лице покорности печать,
Готов, поднявшись утром рано,
Путь безвозвратный свой начать.

– Наслышан от других царей, –
Хан пред дорогой наставляет, –
Тулпар есть всех ветров быстрой,
За миг сто вёрст одолевает.

Ещё пасётся там овца
С руном прекрасным, золотым.
Тебя я знаю, мудреца,
Ты в поисках неукротим.

И утка там ещё гнездится,
Вся в оперенье золотом...
Перечить хану не годится,
Закончен разговор на том.

Приказ сей не смутил Жамана,
Он справного нашёл коня,
Со свитою богатой хана
В путь тронулся в начале дня.

На третий день отстала свита,
Слова Менды не позабыты.
Он повернул коня домой.
Без огорчений и забот
С любимую своей женой
В покое и любви живёт.

XXV

От нетерпенья хан сгорает,
От возбужденья сам не свой.
Жамана мёртвым он считает,
Менды желанную – вдовой.

Наряд свой пышный обновив,
Он в дом красавицы собрался,
И там колени преклонив,
В любви ей наконец признался.

Тепло он вспоминал Жамана,
Что честен и находчив был,
Что стал он лучшим другом хана
И что Маден его любил.

И был ему почти как брат,
Да жаль, в дороге дальней сгинул,
В чём он, конечно, виноват,
Но видит Бог, что не покинул
Вдову, не быть ей одинокой
Под милостью его высокой.

Менды словам его внимала,
Потупив взор перед владыкой.
Затем с достоинством сказала:
– Вы, может, правы, хан великий.

Я верю вашим всем словам,
Что чувства чистыми все были,
Но я должна признаться вам,
Вы слишком поздно полюбили.

Была я драгоценным камнем,
Но это всё в былом и давнем.
Он был разбит и стал ничем,
Не схожа с камнем ли я тем?

Ведь девичья кратка пора,
И вы, владыка, опоздали.
Пустой мне кажется игра,
Достойна вас она едва ли.

Хан был повержен и смущён,
И во дворец вернулся он.

XXVI

Едва на трон уселся хан,
Как двери зала отворились,
И перед ним возник Жаман.
– О, визирь, вовремя явились!

Когда? Откуда? С чем пришёл?
Надеюсь, что ты всё нашёл?

– Я буду краток, повелитель,
Был тяжёк и далёк мой путь.
Попал я в львиную обитель,
Пришлось с дороги мне свернуть.

Я гнался за царём зверей,
Чтоб саблей острой порешить.
Исчез он у моих дверей,
Пришлось расправу отложить.

А он меж тем рванул сквозь лес
И во дворце твоём исчез...

Хан то бледнел, а то краснел,
Стыдливый взгляд поднять не смел
И, наконец, собрался с духом:
– Поддался я наветам, слухам.

Во всём, что было, виноват,
Был у шайтана я в плену.
Подвёл тебя, мой верный брат,
Но сглажу пред тобой вину.



Да только визиряи мои,
Боюсь я, злобу затаили.
И как бы в будущие дни
С тобою нам не отомстили.

Ты лучше уезжай от нас,
Подальше от коварных глаз.

А разговор наш, дорогой,
Пусть остаётся между нами. –
Жаман согласен, хан его
Осыпал щедрыми дарами.

Отправил в царство Акшахана,
Но сам не мог забыть Жамана.

XXVII

Бывает тяжёлая скука плен,
И утомляет даже власть.
Лежал однажды хан Маден,
И вдруг загадка родилась,
Когда взглянул на шаньрак:
«В страну нагрянул страшный враг,
Вокруг волненья, гибель ждёт
И бедный, и богатый род».

Затем он визирей созвал
И им загадку загадал.
А коль они не разгадают,
На тупость пусть свою пеняют.
Палач готовит острый меч –
Дурные головы отсечь.

«По вас давно скучает плаха», –
О визирях подумал хан.
Куда деваться им, со страха
Вдруг вспомнился мудрец Жаман.

Всей свитой собрались к нему,
Воздать поклон его уму.

Жаман приветливо их встретил
И, щедро дастархан накрыл,
На мучавший вопрос ответил,
Отгадку сразу предложив.

XXVIII

– Как видно, в юрте отдыхал он,
Открыв кошму, дыша прохладой,
Когда у ног его упало
Одно звено от перекладина.

А ведь когда ворвётся враг,
Он крушит юрту с шаньрака. –
Исчез в глазах визирей страх,
И не страшит их больше плаха.
Коль хан решил их испытать,
Они ответ сумеют дать.

Вернулись визиряи домой,
На троне восседает хан.
Спешат они наперебой
Ответить, как учил Жаман.

Кто им, глупцам, помог советом,
Понятно стало для Мадена.
Их пристыдить решил при этом:
– Ведь не забыли эти стены
Коварство, гнусность ваших дел,
Как каждый «съест» его хотел.

Не вы ли Жамана изгоняли,
Свидетелем тому Аллах,
И имя доброе пятнали,
Во всяких обвинив грехах.

Но честен он и, видит Бог,
Вам головы спасти помог.
Хоть из-за вас ушёл в изгнанье...

А что сказать им в оправданье?
Умолкли визиряи, таясь,
На хана взгляд поднять боясь.

Недаром предки говорили,
На сердце не держите камень.
А если другу яму рыли,
То попадёте в неё сами.

XXIX

А время шло, Маден скучал,
Ничто его не развлекало.
Жамана он не забывал,
Хоть времени прошло немало.

Однажды луговой дорогой,
Гоняясь за лисой в горах,
Он встретил старика седого,
С пастушьим посохом в руках.

– Когда гора покрылась снегом? –
Спросил Маден у аксакала.



– Годов прошло с тех пор немало.

– А склон позёмкой замело,
Похоже, тоже не сегодня?

Старик поднял своё чело:
– Живу я волею господней,
Уж двадцать лет гора бела,
Позёмка позже замела.

– А сколько лет течёт ручей?
– Прошла уж тысяча ночей.

Хан помолчал, затем спросил:
– А ты из скольких состоишь?
Дед бороду потеребил.
– Ну, отвечай, чего молчишь?

– Да как бы, хан, тебе сказать,
На всё ведь божья благодать.
Ложимся вроде бы вдвоём,
Но вчетвером уже встаём.

XXX

– Постой, старик, меня послушай,
Есть у меня такие гуси,
Глупы, никчёмны, за жирели,
Мы проучить бы их хотели.

Как бы им перья обципать,
Да без крови освежевать,
Сварить их, глупых, без огня
И чтобы не могли понять?
Прошу тебя я, ради Бога,
Найди мне мудреца такого.

«Такой найдётся», – дед заверил,
И хан, конечно же, поверил.

Обратно повернув коня,
Он визирей своих спросил:
– Ну что, сумели вы понять,
О чём я с ним поговорил?

А если нет, то отгадайте,
Иначе на себя пеняйте.
Голов дурных вам не сносить,
Велю тотчас вас всех казнить.

XXXI

Вновь визири собрались вдаль,
Опять Жамана навещают.
Свою сокрытую печаль
Ему с надеждойверяют.

Опять он всех их пожалел,
Свою одежду сжечь велел,
Зарезать всех своих коней,
Иначе смерть – ему видней.

Покорно визири смирились,
Нагими во дворец явились.
А вместе с ними во дворец
Вернулся и Жаман-мудрец.

Маден был этой встрече рад
И закатил великий той.
Дороже всех земных наград
Друг, возвратившийся домой.

Опять визири ревновали
И недовольные роптали.

Решив покончить, наконец,
С той глупостью их несусветной,
Жаман позвал их во дворец,
Чтобы глаза открыть ответом.

XXXII

– Старик тот с посохом, седой,
С курчавой белой бородой,
Что с ханом нашим повстречался,
Умнее всех вас оказался.

Он понял все вопросы хана,
Что просто хан хотел узнать,
Насколько поседел он рано
И слёзы с глаз стал проливать.

Когда ж Маден его спросил,
Из скольких душ его семья,
Старик всё хану разъяснил,
А вы вот не смогли понять.

Он объяснил, что он вдовец,
К тому же, на вдове женатый.
Теперь о гусях, наконец,
Коль вы такие, без понятий.



С гусями потому сравнил,
Что проучить вас хан решил.
Хотя, я думаю, едва ли
Намёк владыки вы поняли.

Зарезать своего коня –
Знать, сил лишиться без огня.
Нагими во дворец пригнал –
Без боли всех вас общипал.

Закончил речь свою Жаман,
И тут поднялся с трона хан.

XXXIII

– Хотел прогнать из этих стен
Вас, глупых, бестолковых, жадных, –

Махнул рукою хан Маден, –
На радостях прощаю. Ладно,
Живите, я не трону вас.

Воистину счастливый час,
Жаман вернулся из изгнания,
Вину визири осознали,
И от души слова признанья
Они Жаману расточали.

Хан даровал им всем свободу,
Но сразу с ними распростился.
Затем растроганно к народу
С высокой речью обратился.

– Немало лет я вами правил,
Старался милосердным быть.
Сполна вкусил богатства, славы,
Хочу свой трон я уступить.

Всё ханство отдаю Жаману
И, думаю, достоин он.
Я посвящаю его в ханы! –
Возвёл своей рукой на трон.

И сорок дней страна гуляла,
Был пир горою при дворе.
Народ, согласно ритуалу,
Поднял Жамана на ковре.

Знать, в этом мире всё возможно,
Коль самый, что ни есть ничтожный,
Был в ранг высокий возведён
И высшей властью наделён.

XXXIV

Да, трон достался по уму,
Его в народе полюбили,
За справедливостью к нему
Из ханств соседних приходили.

Решая споры мудро, он
Народ простой не обижал.
Без крови возвышая трон,
Он ханство в целом укреплял.
За что в своём народе он
Был «Аяз-бием» наречён.

В дворцовой роскоши богатой
Своим он прошлым дорожил,
И шубу рваную, в заплатках,
Пред троном ханским положил.

Она ему напоминала:
«Не возгордись, великий хан.
Ведь видел на веку немало
Босьяк ничтожнейший Жаман.
Знай путь, подобно муравью,
И мощь соизмеряй свою».

Любовь к народу возвышает
Того, кто не забыл корней,
Тому и власть не помешает
Быть человеком среди людей.

Молва такого сохранит
И не отдаст забвенью лет.
Ведь благодарность, как гранит,
Надёжней памятника нет.

И пусть столетия проходят,
Рекой годов текут потоки.
Величье, сила у народа
И вечной мудрости истоки.

г. Алматы.

Жаман – плохой.
Аяз-би – справедливый.

Юрий ПОПОВ

Из степей Казахстана на берега Невы

1. Алихан Букейханов: награждён вечностью

*Посвящаю нашим детям,
наследникам традиций, веры
и духа наших предков.*

Такое напутствие к своей книге «Нельзя о прошлом позабыть» (Алматы, 2005, 185 с.) начертал С.Р. Букейханов. Судьба вела автора по следам близких родственников, среди которых были Алихан Букейханов, Смахан Букейханов, Смагул Садвокасов, Елизавета Алихановна Букейханова-Садвокасова, Шакарим Кудайбердыев и их потомки.

Перечисленные имена в комментариях не нуждаются. Прикоснусь только к образу А.Н. Букейханова. Это совсем малые частички его гигантского прошлого, к которым я обращаюсь как краевед.

В одно время с А.Н. Букейхановым в Санкт-Петербургском университете обучался на факультете восточных языков его земляк с берегов Тоқырау Динмухамед Султангазин. Знакомство двух представителей Тоқыраунской волости Каркаралинского уезда несомненно.

Санкт-Петербург играет особую роль в жизни известного общественного казахского деятеля Алихана Нурмухамедовича Букейханова (1870-1937). Здесь А.Н. Букейханов завершил обучение в Лесном институте, принимал участие в заседаниях первой Государственной думы, стал членом масонской ложи. Дело студента А.Н. Букейханова (ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 994, оп. 4, д. 910) содержит значительное количество полезных для его биографии материалов. Данное дело было начато 20 августа 1890 года и завершено 28 декабря 1894 года. Хорошо сохранились все сорок листов. Документы информируют, как уроженец Каркаралинского уезда стал студентом Лесного института и был удостоен звания учёного лесовода второго разряда. Материалы полезны всем любителям истории республики. Автор постарался обстоятельно дать содержание каждого листа дела. Часть документов приведена полностью, другая дана с незначительными сокращениями, остальные просто информируют о их текстовой направленности. Так или иначе, публикуемые сведения «Дела» наиболее полны и впервые в таком виде вводятся в научный оборот.

Итак, что содержат материалы «Дела»?

Лист 1. Рукой А.Н. Букейханова составлен такой текст:

*Его Превосходительству Господину Директору
Санкт-Петербургского Лесного института
окончившего курс в Омском техническом училище
техника Алихана Нурмухамедова Султана Букейханова
Прошение*

Желая поступить слушателем в Санкт-Петербургский Лесной институт покорнейше прошу Ваше Превосходительство допустить меня к приёмному испытанию. При сём прилагаю документы: аттестат об окончании курса в Омском техническом училище со званием техника № 316; аттестат об окончании курса в Каркаралинском городском училище за № 121; свидетельство врача за

№ 113; отношение Каркаралинского уездного начальника за № 4966; отношение Военного губернатора Семипалатинской области за № 7924 и две фотографические карточки. Июня 20 дня 1890 г., г. Омск

Техник Алихан Нурмухамедов Султан Букейханов.

На прошении чёткая резолюция:

Документы посланы Санкт-Петербургскому градоначальнику 15 сентября 1890 г.

Лист 2. Слева сверху – штамп Министерства государственных имуществ: Лесной департамент, отделение 5, стол 1, 18 сентября 1890 года, № 18734.

Господину Директору

Санкт-Петербургского Лесного института

Лесной Департамент имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что господин управляющий изволил приказать принять в число слушателей Лесного института вне конкурса Султана Алихана Нурмухамедова Букей Ханова.

Директор Е. Писарев.

Резолюция – «Принять».

Лист 3. В левом верхнем углу штамп: Санкт-Петербургский градоначальник, отделение охраны общественной безопасности и порядка в столице, 25 сентября 1890 года, № 9657.

Господину Директору Лесного института

Техник Алихан Нурмухамедов, документы которого присланы во вверенное мне управление при отношении Вашего Превосходительства от 15 сентября 1890 г. заявил, что он ныне принят в число слушателей Лесного института. Препровождая при сём документы упоминаемого лица, поименованные в прилагаемой описи, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить о получении таковых настоящим уведомлением.

Генерал-лейтенант (подпись неразборчива).

Лист 4. Опись документов, принадлежащих Алихану Нурмухамедову, в том числе копии с грамот, аттестаты за № 310 и № 121, две фотографические карточки, свидетельство о привитии оспы за № 113 и отношение военного губернатора Семипалатинской области за № 7924.

Перечень документов подтверждён подписью секретаря совета Лесного института Н. Холодковского.

Лист 5.

Аттестат

Предъявитель сего Алихан Нурмухамедов, сын Султана, магометанского вероисповедания, родившийся в 1870 году, окончил курс в Омском Техническом Училище со званием техника, при отличном поведении показал в преподаваемых предметах следующие успехи: а) в Законе Божьем, Русском Языке, Русской истории – отличные; б) в Геометрии, Алгебре, Тригонометрии, Физике – отличные; в) в Механике, Технологии дерева и металлов – отличные; г) Строительном искусстве – отличные; д) в Черчении: геометрическом, проекционном, техническом – хорошие; е) в практических работах: по столярно-модельному, слесарно-механическому, чугунно-литейному и кузнечному цехам – хорошие.

В чём Педагогический Совет Омского Технического училища удостоверяет подписями и приложением казённой печати.

г. Омск, июля 14 дня 1890 г.



Подписи: председатель педсовета, директор училища, инспектор-наблюдатель, законоучитель – подписи неразборчивы. Чётко расписались – А. Воскресенский, Васильев, Рябинин – преподаватели училища.

Лист 6. Слева вверху штамп: Министерство внутренних дел, военный губернатор Семипалатинской области. 19 августа 1886 года, № 7924 г. Семипалатинск.

Господину Директору Омского Технического училища

Сделав распоряжение об отправлении в г. Омск для помещения в веренное Вашему Высочородию училище окончившего курс в Каркаралинском городском училище киргизского мальчика Алихана Нурмухамедова, имею честь препроводить при этом документы названного мальчика: 1) аттестат об окончании курса в Каркаралинском училище от 16 июня с.г. за № 121. 2) Свидетельство местного врача о привитии Нурмухамедову предохранительной оспы от 1 августа с.г. за № 113 и 3) Свидетельство Каркаралинской Киргизской школы от 18 июня с.г. за № 72. При этом присовокупляю, что метрики на помянутого киргизского мальчика не имеются, как это видно из донесения Каркаралинского уездного начальника от 2 августа с.г. за № 6034.

Генерал-лейтенант (подпись неразборчива).

Лист 7.

Аттестат

Предъявитель сего сын Султана Каркаралинского уезда Алихан Нурмухамедов, вероисповедания магометанского, имеющего от роду 16 лет, обучался в Каркаралинском трёхклассном городском училище с 17 августа 1881 г. по 16 июля 1886 г.; во всё время учёбы вёл себя отлично. На окончательном испытании учеников городского училища, бывшем в июне месяце 1886 года оказал в предмете курса городского училища следующие успехи: в Законе Божьем, Русском Языке, Арифметике, Геометрии, Алгебре, Физике, Географии – отличные; Истории всеобщей и русской, Естественной истории – отличные; Черчении и рисовании – хорошие.

Нурмухамедов, как окончивший полный курс наук в Городском училище, при отбывании воинской повинности пользуется льготой 3-го разряда по образованию. В удостоверении чего и дан ему Нурмухамедову сей аттестат за надлежащим подписом и приложением казённой печати. Каркаралинск, 16 июня дня 1886 г.

Очень хорошо, полностью, сохранилась сургучная печать училища. Подписи преподавателя, секретаря педсовета, учителя-инспектора и других учителей разобрать не удалось.

Листы 8, 8^{об}, 9, 9^{об}, 10 и 11. Сочинение на заданную тему в Лесном институте.

Сочинение называется «Не желай и не делай другим того, чего себе не желаешь». На листах 8 и 9 рукой преподавателя проставлено – Нурмухамедов Алихан. Однако студент не согласился с такой фамилией и на листе 8 начертил: «Я – Букей-Ханов Алихан», а на листе 9 снова указывает: «Я не Нурмухамедов, а Букейханов». Цитировать всё сочинение не будем, но ясно одно, что это неизвестное произведение А.Н. Букейханова может стать и пополнением его полного собрания творений. Автор, в частности, пишет: «Делая зло другим, мы уподобаемся паразиту, который нетерпим, как разрушающая сила, и потому отказываемся от того, что даёт нам общество или от своего счастья. В пословице выражена непреложная истина. Мы стремимся устроить нашу



жизнь полной и приятной для себя и полезной для других и это достигается тремя факторами: трудом, покоем и развлечением...».

Лист 12. Бланк телеграммы из Омска за 25 сентября 1890 года в адрес директора Лесного института.

Благоволите сообщить почтой подробные сведения относительно Нурмухамедова.

Степной генерал-губернатор Лосевский.

Резолюция директора: «Сообщить, что Нурмухамедов будет принят в число слушателей не позднее 2-го октября».

Лист 13. Письмо из Лесного института в канцелярию Степного генерал-губернатора и командующего войсками Омского военного округа от 29 сентября 1890 года, № 1170.

Имею честь сообщить, что окончивший курс в Омском Техническом Училище Алихан Букейханов (Нурмухамедов тож) будет принят в число слушателей студентов Лесного института по явке не позднее 2-го октября текущего года в форменной одежде и внесением установленной платы за слушание лекций в количестве 25 рублей.

Директор Н. Шафранов, секретарь Совета Н. Холодковский.

Лист 14.

Подписка

Я, нижеподписавшийся, даю подписку г. Директору Лесного института в том, что буду исполнять в точности все правила для слушателей института и распоряжения начальства и не принимать участия ни в каких сообществах, как-то: землячествах, кружках и т.д., а так же не буду вступать в дозволенные законом общества без разрешения Г. Директора. За нарушение я подвергаюсь исключению из Лесного института. Билет на жительство мне выдан 29 сентября 1890 г.

Слушатель 1-го курса Лесного института Алихан Букейханов.

Лист 15. На бланке Министерства внутренних дел, канцелярия Степного генерала-губернатора, г. Омск, исходящий номер 3408, дата 20 октября 1890 года.

Господину Директору

Санкт-Петербургского Лесного института

Вследствии отношения от 29 сентября за № 1170, канцелярия имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что в Ваше распоряжение переведено 300 рублей, назначенные в виде стипендии Султану Нурмухамедову. Канцелярия считает добавить: из этих трёхсот рублей следует удержать 25 рублей за право слушания Нурмухамедовым лекций, необходимую сумму выдать ему на приобретение форменной одежды, остальную же часть выдавать ежемесячно в одинаковом размере в виде стипендии...

На полях документа приведены расписки А.Н. Букейханова о получении им денег каждый месяц на протяжении года. Как видно из документа на листе 16, средства на обучение А.Н. Букейханова были выделены каркаралинскими властями.

Лист 16. В левом верхнем углу проставлен штамп: Министерство внутренних дел, Семипалатинская область, Каркаралинский уездный начальник, 29 ноября 1890 года, №10189, г. Каркаралы.

Господину Директору

Санкт-Петербургского Лесного института



Вследствии предписания г. Губернатора Семипалатинской области от 12 ноября сего года за № 3037, препровождая при сём деньги – триста рублей – имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать таковы Султану Каркаралинского уезда Алихану Нурмухамедову в стипендию и на первоначальное обзаведение, а равно на внесение установленной платы за слушание лекций. О получении денег прошу меня уведомить.

*Уездный начальник, статский советник Д. Вараксин
Младший помощник В. Асанов.*

Лист 17. Из Лесного института в адрес Каркаралинского уездного начальника Д. Вараксина 17 января 1891 г., № 32, отправлено следующее письмо.

Имею честь уведомить, что препровождённые при отношении Вашего Высочородия от 29 ноября 1890 г. за № 10189 в стипендию и на первоначальное обзаведение Султану Алихану Нурмухамедову триста рублей в верном мне Лесном институте получены и выделены по назначению.

Директор Н. Шафранов, секретарь Н. Холодковский.

Лист 18. Текст написан рукой А.Н. Букейханова.

Его Превосходительству, Господину Директору Санкт-Петербургского Лесного института студента 1-го курса Алихана Букейханова

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне отпуск на каникулярное время в Каркаралинский уезд Семипалатинской области до 15 сентября 1891 г.

1891 г., июня 13 дня.

Лист 19. Документ связан с материальным обеспечением студента А.Н. Букейханова в 1891-1892 учебном году.

*Его Превосходительству, Господину Директору
Санкт-Петербургского Лесного института*

слушателя второго курса Алихана Нурмухамедова Букейханова

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать о выдаче мне пособия в размерах взноса платы за слушание лекций и за пользование помещением в здании института.

1891 года, сентября 10 дня

Слушатель II курса Алихан Букей-Ханов.

Лист 20. Директор Лесного института Н. Шафранов информирует Каркаралинского уездного начальника о получении трёхсот рублей для обучения А. Букейханова. Письмо отправлено из Санкт-Петербурга 23 января 1892 года, № 58.

Лист 21. Снова директор Лесного института сообщает тому же Каркаралинскому уездному начальнику, что и 50 рублей, направленные в адрес А. Букейханова, получены. Уведомление послано 31 января 1892 года, за № 105.

Лист 22. В левом верхнем углу проставлен штамп: Министерство внутренних дел, Семипалатинская область, Каркаралинский уездный начальник, 23 августа 1891 года, № 7158. Документ идентичен по своему содержанию



тексту, приведённому на листе 16.

Господину Директору

Санкт-Петербургского Лесного института

Препровождая при сём 300 рублей, прошу выдать таковые Султану Каркаралинского уезда Алихану Нурмухамедову в стипендию и равно на внесение установленной платы за слушание лекций и о получении денег меня уведомить.

Уездный начальник Д. Вараксин

Младший помощник В. Асанов.

Лист 23. Каркаралинские власти: начальник Д. Вараксин, письмоводитель Вячеслов сообщают, что директору Лесного института Н. Шафранову отправлены 50 рублей на обучение студента А. Нурмухамедова. Дата 28 декабря 1891 года, № 10909.

Лист 24. Слушатель II курса Лесного института Алихан Букейханов просит директора разрешить ему отпуск в г. Омск до сентября 1892 года. Указаны и адрес, и место проживания в Омске: Кадетский корпус, квартира доктора Тилавина.

Лист 25. Перед отбытием в Омск на каникулы Алихан Букейханов заполнил обходной лист, который и представляет опись сданных книг и вещей.

Лист 26. Каркаралинский уездный начальник 27 июня 1892 года, № 5614, уведомляет директора Лесного института, что для обучения студента Алихана Нурмухамедова внесено 350 рублей.

Лист 27. 31 августа 1892 года в Каркаралы из Лесного института отправили ответ, что 350 рублей получены.

Лист 28. Слушатель III курса Алихан Букейханов просит директора Лесного института разрешить ему выехать в отпуск в Кыштымский завод Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Дата 14 июня 1893 года.

Лист 29. Документ написан рукой А.Н. Букейханова. Слушатель IV курса 27 сентября 1893 года ходатайствует о назначении ему пособия для обучения в институте.

Лист 30. Текст повторяет содержание листа 29. Проставлена дата 18 февраля 1894 года. Повторно просит о назначении ему пособия.

Лист 31. Ещё одно обращение А.Н. Букейханова в адрес дирекции.
Его Превосходительству, Господину Директору
Санкт-Петербургского Лесного института слушателя IV курса Алихана Букейханова

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне отпуск в Каркаралинск.

1894 г., 20 дня июня.

Слушатель IV курса Алихан Букейханов.

Лист 32. Несущественные детали.

**Лист 33.**

Аттестат за № 1429

Дан от Совета Санкт-Петербургского Лесного института в том, что предъявитель сего сын Султана Алихан Нурмухамедов Султан Букей-Ханов, вероисповедания магометанского, родившийся в 1870 году, по постановлению Совета Лесного института 9 октября 1890 года принят был в число слушателей института и по выслушиванию полного курса выдержал испытания по всем предметам: ботанике – 5, дендрологии – 4, зоологии, минералогии, химии 5, статистике 3, общее законоведение и полицейское право – 5, лесной и межевой законы – 4, лесоводство, лесная технология, оценка лесов – 3, лесоустройство, лесное инженерное искусство – 5, лесная технология и немецкий язык – 3 и в заседании 12 сентября 1894 года удостоен звания учёного лесовода второго разряда.

Аттестат выдан 19 сентября 1894 года.

Подписи директора, помощника директора, секретаря.

Лист 34. 11 ноября 1894 года письмом из Омска А.Н. Букейханов просит директора института «выслать документы об окончании курса в г. Омск». Судя по всему, аттестат он получил заочно.

Лист 35. 24 ноября 1894 года из Лесного института высланы: 1) свидетельство о прививке оспы; 2) две копии с грамот; 3) свидетельство на проезд в Санкт-Петербург; 4) аттестат за № 1429. Документы поступили в Омское городское полицейское управление и выданы А.Н. Букейханову под расписку.

Лист 36. 9 декабря 1894 года полицмейстер Омского городского полицейского управления отправил в Лесной институт расписку А.Н. Букейханова о получении им документов.

Лист 37. Копия расписки о получении вышеназванных документов А.Н. Букейхановым.

Лист 38. Несущественные детали.

Лист 39. Обходной лист на А. Букейханова по окончании института в 1894 году.

Лист 40. Обходной лист студента III-го курса А. Букейханова, увольняющегося в отпуск на каникулярное время.

Анализ опубликованных документов позволяет обосновать некоторые биографические детали жизни А.Н. Букейханова каркаралинского периода.

1. Датой рождения А.Н. Букейханова следует считать 1870 год, а не 1866 или 1867 год, как указывают некоторые исследователи.

2. В г. Каркаралинске А.Н. Букейханов обучался в Киргизской школе, а затем в трёхклассном городском училище.

3. Во время обучения в Лесном институте А.Н. Букейханов дважды в каникулярное время в 1891 и 1894 году выезжал в родные места Каркаралинского уезда.

В общей сложности имя А.Н. Букейханова у меня на слуху полвека. Написал о его жизни и деятельности ряд статей. Наиболее удачная из них – «Некоторые фрагменты научных, общественно-политических связей А.Н. Букейханова и населения Каркаралинского уезда на рубеже 1900 годов». Статья написана



в соавторстве с проф. З.Г. Сактагановой, опубликована в «Вестнике Карагандинского университета» (2007, №1, с. 77-87).

Потом ещё были находки. Я обнаружил заметки, которые А.Н. Букейханов подписывал как Сын Степей. Вот одна из них. Печаталась в томской газете «Сибирская жизнь» (1909, 29 июля). Это некролог на павлодарца Рахмета Альдебекова. Букейханов назвал его «душой освободительного движения».

О нуждах казахов, их обустройстве, участии в выборах в Государственную думу Альдебеков писал председателю Кабинета министров графу С.Ю. Витте, послал телеграмму Николаю II. Когда А.Н. Букейханов с 8 января по 30 апреля 1906 года находился в тюрьмах Омска и Павлодара, Альдебеков телеграммой просил С.Ю. Витте освободить узника под залог. Во многом благодаря Рахмету Альдебекову 175 (из 184) выборщиков Семипалатинской области доверили Букейханову представлять интересы казахов Семипалатинской области в I Государственной думе.

И ещё шли годы, пролетали месяцы. В одну из папок я собирал редкостные факты из жизни А.Н. Букейханова. И вот выяснилось, что, арестованный в 1937 г. в Москве, он называет датой своего рождения 5 марта 1866 года. В иных документах указывается, что А.Н. Букейханов родился в 1870 году.

А.Н. Букейханов — член I Госдумы, один из основателей легендарной партии «Алаш Орда» и глава первого правительства Казахстана. Жил в Москве на правах почётной ссылки, где и был расстрелян 27 сентября 1937 г.

Смотрю на фотографию внука Алихана — Евгения Сергеевича Букейханова, сына незаслуженно забытого геолога Угедя (Сергея) Алихановича Букейханова, прославившегося своими разведками (поисками полезных ископаемых) в западной части Карагандинской области.

Евгений родился уже на Урале в 1939 году. В 1949 году геологическая семья Букейхановых переехала в Москву. Здесь Евгений закончил два института — историко-филологический факультет педагогического и институт связи. Поступил в аспирантуру. Работал преподавателем на кафедре автоматической электросвязи МЭИС. В настоящее время преподаёт в Московском университете связи и информатики.

Серьёзно собирать факты о жизни своего деда Евгений начал после посещения в 1992 году родовых земель Букейхановых в Актогайском районе Карагандинской области. Под впечатлением увиденного родился цикл его стихов «Свидание со степью».

Степь Алихана не дождалась.

Он не пришёл издалека,

Назад в тот край, где ждать осталась

Земля отцов — Сары-Арка.

С этого сборника начался поэтический взлёт Евгения Букейханова. Агентство печати «Наука» (Москва, 2004) выпустило его новую книгу «Потрогать этот странный мир», куда вошли 106 стихотворений. Книга и сопроводительное письмо от автора сегодня на моём рабочем столе. Евгений Сергеевич сообщает:

У меня одна новость о деду Алихане. Место его захоронения — братская могила недалеко от совхоза «Бутово-Коммунарка», это 21-й километр Каширского шоссе. Там мемориал. Нашёл документы я с помощью материалов Сахаровского мемориала, хранящихся в архиве Донского монастыря. Эксгумация запрещена. Все расстрелянные лежат в земле на территории бывшей дачи Ягоды. В документах Букейханов стоит рядом с Бухариным. Прилагаю также фотографию деда, она выполнена с его сезонного проездного билета...

Далее Евгений Сергеевич пишет, что существуют разночтения в дате рождения его деда: указываются 1866-й, 1867-й, 1870 годы...



Но и этот пробел не единственный в биографии замечательного сарыаркинца. Недавно в архивах Санкт-Петербурга я обнаружил новые факты из насыщенной жизни Алихана Букейханова. Оказывается, наш земляк стоял у истоков зарождения в Казахстане краеведения. В 1924 году в Москве прошёл первый Всесоюзный слёт краеведов, на котором А. Букейханов был избран в президиум. Он курировал, как сейчас модно писать, краеведческое движение в Казахстане, опираясь на своих многочисленных единомышленников в Уральске, Кызыл-Орде, Семипалатинске и других городах.

Алихана Букейханова можно назвать краеведом № 1 нашей Карагандинской области. А ядром краеведения является Каркаралинская округа, где наряду с Алиханом в начале прошлого века блистали краеведческими сборами геолог Алимхан Ермеков, врач Сергей Кропанин, фельдшер Хасен Бижанов, межевой инженер Павел Амосов, учитель Иманбек Тарабаев и ещё десятки преданных своей родине патриотов.

Как считает казахский учёный Султан-хан Аккулыулы («Простор», 1993, № 10, с.196-213) только в газете «Казах» было опубликовано более 250 статей А.Н. Букейханова, под которыми он в большинстве случаев ставил псевдоним «Кыр баласы» («Степняк»).

Несомненно, Алихан Нурмухамедович привлёк к сотрудничеству в газете «Казах» и своего родного брата Смахан. Смахан отметился здесь 13 раз и ещё раз в газете «Сарыарка» (Семипалатинск). Корреспондентом этих газет он состоял с 1914 по 1917 годы. Для своих произведений выбрал подпись «Сункар» — «Взглядом сокола». Строки его заметок связаны с такими прекрасными местами Сары-Арки, как Каркаралы, Акшатау, Темирши, Тоқырау, Балхаш и т.д.

Смахан Нурмухамедович Букейханов (1880—1966) последние годы жизни провёл в Балхаше. Похоронен на родовом кладбище Букейхановых Талды-беит, недалеко от места впадения реки Жинишке в реку Тоқырау.

2. Динмухамед Султангазин: загадочный востоковед

Сроднившись с каркаралинской историей, я решил составить перечень имён для будущей энциклопедии края. Замечательных патриотов своего края набралось много за сотню, и я сказал себе «стоп».

Издадала появилось давно знакомое, но так и не открытое для восприятия имя Мухамедьи Султангазина. Как только я брался за его жизнеописание, меня тут же настигало разочарование. Факты его биографии имели двойное, а то и тройное толкование. Сегодня я открыл свои архивные тетради, чтобы всё же немного приблизиться к истине.

Начну с публикаций в газетах.

Приказ

по Степному Генерал-Губернаторству.

10 января 1887 г., № 3, г. Омск.

Окончивший курс наук в Омской учительской семинарии киргиз Каркаралинского уезда, потомственный дворянин Дин-Мухамед Султан Газин причисляется к моей канцелярии с содержанием по труду и заслугам.

Г.А. Колпаковский.

«Акмолинские областные ведомости», 1887, 14 января.

Приказ

Военного Губернатора Семипалатинской области.

3 октября 1887 г., № 189.

Назначается заведующий Семипалатинским мужским киргизским

интернатом Султан Газин учителем общеобразовательных предметов Семипалатинской сельскохозяйственной школы, вместо Жилина.

«Семипалатинские областные ведомости», 1887, № 41.

Приказ

по Степному Генерал-Губернаторству.

23 мая 1888 г., № 52, г. Омск.

Исправляющий должность смотрителя Семипалатинского киргизского интерната, окончивший курс наук в Омской учительской семинарии киргиз Каркаралинского уезда, потомственный дворянин Дин-Мухамед Султан Газин назначен с 1-го июня младшим переводчиком киргизского языка при моей канцелярии.

Г.А. Колпаковский.

«Акмолинские областные ведомости», 1888, № 24.

Переломным в биографии Д.М. Султангазина явилось лето 1890 года. С 16 августа ему разрешили отпуск, и он поехал в Томск, где поступил в Томский университет, а со службы был уволен («Акмолинские областные ведомости», 1890, № 30, № 43). Эти сведения подтверждает и документ, выданный новоиспечённому студенту.

Аттестат

Предъявитель сего, бывший младший переводчик киргизского языка при канцелярии Степного Генерал-Губернатора, не имеющий чина Дин-Мухамед Султан-Газин, как видно из его послужного списка, происходит из потомственных дворян. 23 лет, вероисповедание магометанское, знаков отличия не имеет. Содержание получает: жалование 400 руб. в год и (неразборчиво — **Ю. П.**) 200 руб. в год, всего 600 руб. Имена ни родового, ни благоприобретённого не имеет.

По окончании курса наук в Омской учительской семинарии со званием учителя начальных училищ приказом по Степному Генерал-Губернаторству от 10 января 1887 г. за № 3 определён к канцелярии Степного Генерал-Губернатора.

Предписанием от 11 апреля 1887 г. за № 1734 командирован по исправлению должности смотрителя Семипалатинского киргизского интерната.

Приказом по Степному Генерал-Губернаторству от 23 мая 1888 г. за № 52 назначен младшим переводчиком при канцелярии Степного Генерал-Губернатора.

Приказом по Степному Генерал-Губернаторству от 13 октября 1890 г. за № 104 за поступлением в число студентов Императорского Томского Университета уволен от службы.

В походах против неприятеля не был, во время прохождения службы не оштрафован, под судом и следствием не состоял; случаям, лишающим права на дальнейшее прохождение службы, не подвергался.

В отпуске находился с 16-го августа по 13-го октября 1890 г.

В удостоверение чего и дан сей аттестат за надлежащими подписями и приложением казённой печати.

Степной Генерал-Губернатор, генерал от кавалерии барон Таубе.

Управляющий канцелярией В. Лосевский.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. л. 3, 3об.

Его Сиятельству Господину Министру Народного Просвещения
графу Ивану Давидовичу Делянову
студента Императорского Томского Университета
султана Средней киргиз-кайсацкой орды
потомственного дворянина Российской империи
Дин-Мухамеда Султан-Газина.

Прошение

В прошедшем 1890 году по Высочайшему повелению я был определён в число



студентов Императорского Томского Университета с испытаниями по русскому и латинскому языкам. Ныне, перейдя на второй курс и не имея призвания к медицине, я специально приехал из далёкой окраины, израсходовав последние средства, с целью лично видеть Особу Вашего Сиятельства и изложить мою просьбу, с исполнением которой связано осуществление моей давнишней мечты – в совершенстве изучить восточные языки, которые я изучал с детства.

Почтительнейше прошу рассмотреть, Ваше Сиятельство, о переводе меня из Томского университета в Санкт-Петербургский университет на восточный факультет по отделению арабско-персидско-турецко-татарскому. До студенчества я состоял переводчиком при Степном Генерал-Губернаторе и заведовал киргизской газетой, издаваемой при «Акмолинских областных ведомостях».

Относительно моего поведения и благонадёжности я хочу представить удостоверение бывшего Степного Генерал-Губернатора, ныне члена Военного Совета генерала от инфантерии Г.А. Колпаковского и попечителя Западно-Сибирского учебного округа.

Студент Императорского Томского Университета, потомственный дворянин Дин-Мухамед Султан-Газин 1891 года, августа 13 дня.

Санкт-Петербург, Пушкинская ул., 10, кв. 19.

На полях прошения сделана приписка:

Правила поведения обязуюсь исполнять. Султан Газин.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. л. 1, 2.

Билет

Императорского Томского Университета.

Студент медицинского факультета 3-го семестра Дин-Мухамед Хан-Ходжин Султан-Газин уволен в отпуск в г. Санкт-Петербург по 15 августа 1891 г.

Дан в Томске 19 июля 1891 г.

Подписал: Инспектор студентов.

Секретарь по студенческим делам.

№ 1051. У сего билета И.Т.У. печать.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 4.

Министерство Народного Просвещения.

Разряд высших учебных заведений.

23 августа 1891 г., № 14606.

Господину Попечителю Санкт-Петербургского Учебного Округа.

Препровождая при сём прошение студента Томского Университета Дин-Мухамеда Султан-Газина, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я разрешаю принять подателя в число студентов вверенного Вам Университета на восточный факультет по отделению арабско-персидско-турецко-татарскому.

Министр Народного Просвещения.

Статс-секретарь.

Директор.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 5.

Министерство Народного Просвещения.

Западно-Сибирский учебный округ.

Ректор Императорского Томского Университета.

16 октября 1891 г., № 1248, г. Томск.

Господину Ректору Императорского Санкт-Петербургского Университета.

Препровождая при сём, впоследствии телеграммы от 11 октября, аттестат о службе бывшего студента Томского Университета Дин-Мухамеда

Султангазина за № 3805а, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что относительно выдачи направления сделан запрос Каркаралинскому уездному начальнику, в ведении которого таковые находятся, и, что по получении ответа на запрос, долгом сочту немедленно сообщить Вашему Превосходительству.

Ректор.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 6.

Свидетельство

Предъявитель сего студент Восточного факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета Дин-Мухамед Султан-Газин, 24 лет, магометанского вероисповедания.

В удостоверение чего ему дано сие свидетельство для свободного проживания в г. Санкт-Петербурге до 1 октября 1891 г.

9 сентября 1891 г.

Инспектор.

Секретарь по студенческим делам П. Безсонов.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 7.

По данным личного дела студента Д. Султангазина, в разное время он проживал в Санкт-Петербурге в домах № 31 и № 48 по Гороховой улице и в доме № 26/27 по Казанской улице.

МВД.

Канцелярия Степного Генерал-Губернатора.

7 декабря 1893 г., № 5029, г. Омск.

От канцелярии Степного Генерал-Губернатора на поданное господину Главному Начальнику Края студентом Императорского Санкт-Петербургского Университета Дин-Мухамедом Султан-Газиным прошение о выдаче ему пособия на постройку фирменной одежды объявлено, что означенное прошение Его Высочайшего Превосходительства изволил отклонить, так как с 1-го октября сего года расходы на содержание в учебных заведениях киргизских стипендиатов относятся на земские счета, которым отпущены необходимые суммы.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 34.

Его Превосходительству Господину Ректору
Императорского Санкт-Петербургского Университета.

Прошение

Об освобождении меня на 1892/93 учебный год от взноса платы за слушание лекций. Происхожу из киргиз, магометанского вероисповедания, дворянского происхождения, обучаюсь на факультете Восточных языков, разряд арабский.

Дин-Мухамед Хан Ходжин Султан-Газин.

13 мая 1892 г.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 14.

Удостоверение

Дано от Омского полицмейстера студенту Императорского Санкт-Петербургского университета Дин-Мухамеду Султан-Газину в том, что он имущественно никакого не имеет, состояния очень бедного, а потому платить за право слушания в предстоящем учебном году лекций средств не имеет.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 17.



Свидетельство

Предъявитель сего Дин-Мухамед Султан-Газин, магометанского вероисповедания, из потомственных дворян, родившийся 10-го мая 1867 года в Семипалатинске, принят в число студентов в августе 1891 года и занимался по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду факультета Восточных языков, на котором слушал курсы:

по арабскому языку,
персидскому языку, истории персидской,
турецко-татарскому языку,
Османскому наречию, истории Османской,

Общий курс истории Востока, истории Западной части Средней Азии, истории Персии, Русское право, Польскийское право, статистику, международную политику, политическую экономию, финансовое право;

Участвовал в практических занятиях, подвергался испытаниям по французскому языку, имеет 8 зачётных сессий.

Выдано свидетельство от факультета Восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета.

11 апреля 1895 г. за № 811.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 52.

А вот имена преподавателей факультета восточных языков, у которых занимался Д.М. Султангазин:

Абдрахманов и И.Н. Березин (турецкий язык), Н.И. Веселовский (история Востока), Н.А. Медников и В.А. Жуковский (арабисты), Ляпуновский (персидский язык), декан факультета В.Р. Розен (востоковед, арабист), В.Д. Смирнов (османский язык), Серруф (востоковед, арабист), Ф.Ф. Мартенс (международное право), С.А. Бершадский (философия права) и другие.

Его Превосходительству Господину Ректору
Императорского Санкт-Петербургского Университета.

Прошение

Окончив в начале 1895 года курс факультета Восточных языков, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о зачислении меня студентом юридического факультета.

Дин-Мухамед Султан-Газин.

1895, 1 июля.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 55.

Удостоверение

Выдано окончившему курс в Императорском Санкт-Петербургском университете по юридическому факультету Дин-Мухамеду Султан-Газину в том, что он, в бытность его студентом Университета, не принимал никакого участия в противозаконных проявлениях, обнаруживающих неуважение к закону или к установленным властями правилам.

1897, 13 марта.

ЦГИА г. Санкт-Петербурга, ф. 14, д. 28699, л. 72.

Омские газеты сообщали, что 19 июня 1895 года из Санкт-Петербурга в город прибыл Г.Н. Потанин. Его сопровождал Дин-Мухамед Султангазин, толковый и наблюдательный молодой человек. 24 июня они выехали в Кокчетавский уезд для сбора казахских сказок. Конечный пункт маршрута – аул Сырымбет, где жил отец Чокана Валиханова, Чингиз Валиханов.

Во время поездки Г.Н. Потанин и Д.М. Султангазин не раз беседовали о Северном Прибалхашье, реке Тоқырау, где прошло детство молодого востоковеда и юриста. По просьбе учёного Султангазин записал для него несколько народных сказаний. Потанин включил их в одну из своих работ и отослал в редакцию журнала «Живая старина». Напечатаны «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» в Петрограде, в 1916 году (т. 25, вып. II-III, с. 47-198). Предисловие написал автор, отметивший яркие сказки М. Султангазина. Часть из них связана с историческими личностями, такими как Чингисхан или Алаша-хан, другие повествуют о происхождении названий целого ряда звёзд и созвездий – Большая Медведица, Уркура (Плеяды), Уч-Архар (Орион).

С особым интересом вчитывался Г.Н. Потанин в сказку про Джыйды-бая, приближённого хана Аблая. По приказу хана он не раз переходил вброд ...Балхаш. «Говорят, поперёк озера проходит по дну хребет. Если идти по его гребню, можно проехать через озеро, и вода будет по колено». Г.Н. Потанин не видел здесь ничего удивительного. Старинное предание подтверждало гипотезу учёного Л.С. Берга о сильном усыхании Казахского моря в прошлом.

После семи студенческих лет имя Д.М. Султангазина почти не встречается в архивных материалах. Он сотрудничал с газетой «Дала уалаяты» (г. Омск), где опубликовал 9 статей. Переводил на казахский язык Л.Н. Толстого и И.С. Никитина, собирал древние сказания, в том числе «Жиренше шешен» и «Алдар-косе». Среди его друзей по перу С. Чорманов, Б. Чалымбеков, А. Турлыбаев, Р. Марсеков, Р. Дюйсенбаев, Д. Айманов, Д. Гасмулатов, К. Казакбаев и другие. Мне известны его труды «Несколько слов относительно киргизского языка» (1890) и «Мысли о будущем» (1894). Утверждают о ряде его научных трудов в области права.

После 1900 года Д.М. Султангазин «исчезает» почти на десять лет. Только в 1910 году он обнаружился в Баку. В религиозном центре преподавал восточные языки. Завершил учёный востоковед жизненный путь в 1917 году. Вероятны его странствия по Востоку с разведывательной целью.

Закрытой биографии Д.М. Султангазина нужен свой исследователь. Как получилось, что сын султана Газина с берегов Тоқырау появился на свет в Семипалатинске 10 мая 1867 года? Почему неизвестна точная дата его смерти в Баку?

3. Жакып Акбаев: годы в Санкт-Петербурге

Жакып Акбаев (1867—1934) – известный общественный деятель Казахстана. О его разносторонних связях рассказывал аксакал из Прибалхашья А. Калалимбеков. Он же подарил мне и редкую фотографию Жакыпа.

О Жакыпе Акбаеве написано много, но есть и пробелы в его жизнеописании.

Так, с 1898 по 1903 годы он обучался в Санкт-Петербурге. Об этом свидетельствует «Дело Императорского Санкт-Петербургского Университета студента Якупа Джандеркинова Акпаева» за номером 1099, начатое в 1898 году. Дело находится на хранении в ЦГИА г. Санкт-Петербурга (ф. 14, оп. 3, д. 35843) на 85 листах.

Представляю читателям впервые составленный мною хронограф жизни Жакыпа (Якупа) Акбаева в столице Российской империи в кратком изложении.

Личное дело открывает (лист 1) прошение о приёме на обучение в Санкт-Петербургский университет.

*Его Превосходительству Господину Ректору
Императорского Санкт-Петербургского университета
окончившего курс в Томской гимназии
Якупа Акпаева, киргиза*

Прошение

Желая продолжить образование в Императорском Санкт-Петербургском университете, прошу Вас, Ваше Превосходительство, сделать зависящее от Вас распоряжение о зачислении меня на юридический факультет. Прилагаю следующие



документы: аттестат зрелости, удостоверение о рождении и 3 фотографических карточки.

Обязуюсь во всё время пребывания в Университете подчиняться всем правилам университетским.

Сын киргиза Якуп Акпаев.

Санкт-Петербург, августа 28 дня, 1898 г.

Следующий лист 2 – копия «Аттестата зрелости» за номером 1167, который свидетельствует:

Дан сей Якупу Акпаеву, вероисповедания магометанского, сыну киргиза, родившемуся 1876 года, 25 октября, обучавшемуся 7 лет в Омской и 1 год в Томской гимназиях, в том, что на основании наблюдения за всё время обучения его в Томской гимназии поведение его было отличное, исправность в посещениях и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ хорошее, прилежание хорошее и любознательность достаточная.

Обнаружил нижеследующие познания:

русский язык, церковнославянский язык и словесность – 3,

логическое чтение – 4, латинский язык – 3,

математика – 3, математическая география – 4,

физика – 4, история – 4, география – 4,

французский язык – 4.

Директор, инспектор, члены педсовета.

Документ удостоверяется печатью дирекции училищ Томской губернии, указаны дата выдачи аттестата – 8 июня 1898 года, место выдачи – г. Томск.

Однако оригинал аттестата Якуп Акпаев получил только 12 сентября 1898 года в Каркаралинске, так как Я. Акпаев в гимназиях обучался на стипендию Каркаралинской уездной администрации. Факт получения аттестата подкреплён подписью уездного начальника А.Г. фон Киница и письмоводителя В. Асанова (лист 3).

Удостоверение о рождении (лист 4), о котором в прошении упоминает Я. Акпаев – это записанные от руки свидетельские показания жителей Беркаринской волости Каркаралинского уезда:

1898 года июня 23 дня, мы, нижеподписавшиеся, киргизы IV административного аула, удостоверяем, что сын нашего одноаульца Акпая Джандеркина – Якуп – родился 25 октября 1876 года на урочище Тонграк-тас, что и удостоверяем подписями.

Самен Саптаяков, Суйгенбай Меирманов, Келдыбек Турлубеков, Кумыспай Бектурсунов, Берди Онгар Тохтаров, Ташлы Кулубеков, Искак Сандалин, Жарылгап Белесаров, Амторе Досанов, Айпак Джаманбалин, Салтык Саптаяков – аульный старшина и Мухамет Саржанов – управитель Беркаринской волости.

На удостоверении – печати волостного управителя Беркаринской волости Каркаралинского уезда и аульного старшины аула № 4.

Фотографические карточки абитуриента в личном деле отсутствуют.

С 3-го сентября 1898 года Якуп Акпаев – студент первого курса юридического факультета университета. Он даёт подписку «о благонадёжности»:

... Обязуюсь не принадлежать ни к одному тайному обществу, не вступать в недозволенные законом общества...

В этот же день Якуп Акпаев получил свидетельство на право проживания в Санкт-Петербурге, входной билет в помещения университета и правила для студентов, которые он обязался исполнять (лист 10).

Студенческую форму Я. Акпаеву сразу приобрести не удалось, видимо, из-за отсутствия средств. Канцелярия Степного генерал-губернатора (г. Омск) отправляет 8 сентября 1898 года в Санкт-Петербургский университет сообщение за номером 5136 (лист 11):

Канцелярия покорнейше просит канцелярию Университета объявить студенту Семипалатинской области Якупу Акпаеву на поданное им прошение о выдаче пособия на обмундирование, что просьба эта оставлена Главным начальником Степного края без уважения в виду того, что обмундирование должно проводиться на получаемую им стипендию.

Текущие вопросы в университете решал инспектор студентов. К нему обращались, в частности, в следующих случаях:

- для получения входного билета (пропуска) в университет на каждый семестр учебного года;

- для подачи заявления об увольнении в отпуск (на каникулы) и получения отпускного билета в названный географический пункт на определённое время;

- для передачи свидетельства на право проживания, зарегистрированное в полицейской части.

Благодаря свидетельству на право проживания, нам известны адреса четырёх квартир, в которых в период обучения проживал Я. Акпаев:

- Петербургская сторона, Александровский проспект, дом 7, квартира 3;

- Васильевский остров, 5-я линия, дом 52, квартира А8;

- Васильевский остров, Академический переулок, дом 5, квартира 10;

- Васильевский остров, 1-я линия, дом 54, квартира 27.

Адреса, которые могут стать знаковыми в видеофильме о петербургских годах Якупа Акпаева.

Приведу другие примеры обращения Якупа Акпаева к «Его Превосходительству Господину Инспектору студентов». 13 ноября 1898 года студент обращается к инспектору:

Прошу выдать мне удостоверение о бедности для получения льготного билета от господина градоначальника г. Петербурга по Николаевской железной дороге.

В этот же день Я. Акпаев такое удостоверение получил.

26 марта 1901 года Я. Акпаев вновь обращается к инспектору:

Имею честь просить выдать удостоверение о том, что я состою стипендиатом Степных областей и никаких иных средств не имею.

На основании этого прошения Акпаев получил удостоверение № 4729.

Петербургский климат Якупу Акпаеву был резко противопоказан. Организм, с детства впитавший чистый солнечный воздух, домашнего приготовления еду, в Санкт-Петербурге запротестовал. Скоро Я. Акпаев оказался на излечении в Санкт-Петербургском клиническом военном госпитале. 3 февраля 1899 года при выписке он получил справку № 254:

Студент Якуп Акпаев находился во II терапевтическом отделении. Страдает от непривычной пищи, наблюдается частая рвота, исхудание организма. Ввиду того, что больной хорошо переносит кумыс, к которому привык с детства, ему необходимо теперь же уехать на родину.

В тот же день Якуп Акпаев подаёт заявление об отпуске до 1 сентября 1899 года в г. Каркаралинск Семипалатинской области, после чего получает отпускной билет.

Сохранилось свидетельство университетского врача от 15 октября 1901 года, где указан более точный диагноз:

Акпаев страдает общим нервным расстройством, сопровождаемым упорной нервной рвотой.

В ректорате недуги посланца Степного края нашли понимание. Он неоднократно получает отпускные билеты для поездки «в разные города Европы и Азии», в том числе и в Каркаралинск. В 1900 году Акпаев возвращается на учёбу в Санкт-Петербург 20 августа. На следующее лето – новая поездка в Каркаралинск с датой возвращения 20 августа 1901 года.

Одновременно врачи рекомендуют ему для укрепления здоровья поездки в



южные губернии Российского государства. В марте 1901 года Я. Акпаев собирается в Одессу, где предполагает брать уроки мнемоники у профессора С. Файнштейна. 28 ноября 1901 года университетский врач предписал Акпаеву лечение на южном берегу Крыма сроком на 2-3 месяца «ввиду безуспешного лечения в Санкт-Петербурге», и Я. Акпаев выбирает Керчь. В следующий период обострения он посещает Ялту (по 1 февраля 1903 года).

Ректорат разрешил Я. Акпаеву свободное посещение занятий с переносом ряда дисциплин на следующую сессию. Однако и это лишь немного облегчало существование студенту из Каркаралинского уезда. 17 апреля 1901 года он подаёт заявление (лист 48) на имя ректора университета:

Прошу освободить меня от оплаты за лекции. Получая стипендию в 400 рублей, нет возможности существовать безбедно, давать уроки не могу из-за слабого здоровья.

В Крыму Я. Акпаев чувствовал себя удовлетворительно от общения с тёплой, по сравнению с Петербургом, зимой. И главное, крымские татары держали лошадей и готовили кумыс, это своеобразное древнее степное лекарство. Акпаев принял решение оставить Санкт-Петербург и перебраться поближе к благодатному краю, одновременно сохранив возможность обучения в престижном учебном заведении. Так, он избрал Императорский Киевский университет Святого Владимира. 16 октября 1901 года датировано его прошение (лист 44) на имя ректора Санкт-Петербургского университета:

Как известно Вашему Высокопревосходительству, с самого начала поступления в Университет здоровье моё расшаталось. Благодаря Вашей поддержке я всегда получал ранний отпуск и, живя у своих родственников, излечивался кумысом.

Петербургский климат постоянно подтачивает моё здоровье, и в прошедшее лето это дало о себе знать... После приезда в Степь я стал лечиться кумысом и ездил в лечебную грязь... Но было уже поздно. Нервная рвота всё время продолжалась и совершенно не позволяла принятия пищи.

Прошу позволить мне перевестись в Киевский университет.

19 октября 1901 года ректор письменно свидетельствует, что к переводу студента VII семестра юридического факультета Я. Акпаева препятствий не имеет. Акпаев уволился в отпуск в Киев по 20 ноября 1901 года. В Киевском университете вопрос о переводе решился быстро, и 27 октября Я. Акпаев зачислен в число студентов Киевского университета с условием «вноса платы за обучение». Зачисление подтверждено телеграммой в адрес ректора Санкт-Петербургского университета. Однако 3 ноября 1901 года Я. Акпаев телеграфирует из Киева: «Прошу из числа студентов не исключать, еду обратно».

Скорее всего, такое решение вызвано сугубо финансовыми проблемами. Якуп Акпаев был стипендиатом от Степного края. Его перевод в Киевский университет требовал определённой процедуры для изменения потока денежных средств. Возможно, такое переоформление было довольно проблематичным.

Точно известно, что три летних периода 1899, 1900 и 1901 годов Якуп Акпаев провёл в различных местах Каркаралинского уезда. Он с интересом сравнивал изучаемые им правовые дисциплины с обычаями предков-казахов, с народной юридической практикой в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и т. п. отношений.

Будущий юрист отметил административный ресурс, который использовала Каркаралинская уездная власть в отношениях с населением. Естественно, начинающий правовед пройти мимо таких фактов как безразличный наблюдатель не мог. В материалах архива (лист 43) присутствует весьма любопытный документ:

МВД

Военный губернатор Семипалатинской области,

отделение 1, стол 1,

22 февраля 1901 года, № 1501, г. Семипалатинск

Господину Ректору Императорского Санкт-Петербургского Университета.

В июле месяце 1900 года прокурор Семипалатинского суда препроводил мне заявление проживающего в Каркаралинском уезде у родственников студента Якупа Акпаева о грубом обращении с ним и другими рассылного Бакеша Утевалина при проезде последнего по делам службы через Беркаринскую волость. В августе месяце Омская казённая палата предъявила мне прошение Актая Бакалова с претензией к Утевалину за загнанную будто бы лошадь...

Каркаралинский уездный начальник рапортом от 30 декабря 1900 года за № 2431 донёс, что Утевалин командирован в Степь по делу, не терпящему отлагательства. Утевалин в Беркаринской волости потребовал верховую лошадь, но при этом студент Акпаев грубо и нетактично вмешался в это дело... На этой почве между Утевалиным и Акпаевым произошла перебранка, что и послужило поводом Акпаеву к подаче заявления Прокурору... Акпаев написал прошение и в Омскую казённую палату, адресовав его от имени Бакалова.

Уездный начальник присовокупил, что Акпаев распространяет ложные взгляды: киргизы не обязаны давать лошадей должностным лицам... Уездный начальник несколько раз делал замечания Акпаеву, и сам отец Акпаева обращался к уездному начальнику – унять сына, так как последний его не слушается.

Выявленный расследованием кляузный характер Акпаева и подстрекательство им своих родичей на неисполнение законных требований властей ставит меня в неприятную необходимость сообщить изложенное на усмотрение Вашего Высочайшего превосходительства.

И.о. губернатора, вице-губернатор (подпись).

Как и полагается, ректор переправил послание инспектору студентов, который вызвал студента Я. Акпаева «для выяснения обстоятельств». О характере беседы мы можем только догадываться. Акпаев наказан не был. На вышеприведённом документе он оставил такой автограф: «Прочитал. Студент университета Якуп Акпаев, 1901, 10 марта».

В Беркаринской волости Я. Акпаев наблюдал и последствия переписи населения и скота Каркаралинского уезда в 1898 году. Тогда многие бедняки поддались слухам, что чем больше покажешь живности, тем существеннее будет добавка пастбищных площадей. Богачи же вели себя осторожно и называли довольно средние цифры.

Широко обсуждались в Степи и нормативы по обложению кибитковладельцев. В Беркаринской волости отличался красноречием Абиш Акпаев (Актаев), который вселял степнякам надежды на заступничество «белого» царя «Ак Патшу» и в своих выступлениях делал акцент на пропорциональном налогообложении. Сам Якуп Акпаев писал по этому вопросу следующее:

«Личное наблюдение вследствие совместной моей жизни над моим беднеющим народом подсказывает мне, что пропорциональное обложение служит хартией личной свободы и залогом благополучия бедных и обездоленных киргизов».

Цитата взята из статьи Я. Акпаева «Письмо в редакцию», напечатанной в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 12 марта 1901 года, № 69, страница 3.

Довольно обширная публикация появилась как отклик на размышления безыменного корреспондента из Усть-Каменогорского уезда по этой же проблеме налогообложения в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 27 февраля 1901 года, № 56.

Возможно, сохранились и другие статьи Я. Акпаева периода студенческих лет.

До сих пор в самых профессиональных публикациях упоминаются два ярких события из жизни студента Якупа Акпаева: защита диплома на «отлично» и награждение золотой медалью.



Однако в личном деле Я. Акпаева никаких сведений об этом нет. А вот оценки, получаемые им на экзаменах, указаны. 17 октября 1901 года Якуп Акпаев писал (лист 37):

Господину инспектору студентов.

Имею честь заявить, что при переходе с 1-го на 2-й курс получены следующие оценки: история римского права – 4, энциклопедия прав – 5, политэкономия – 5;

при переходе со 2-го на 3-й курс: — история русского права – 4, полицейское право – 5, государственное право – 4, статистика – 5;

при переходе с 3-го на 4-й курс: история философского права – 4, церковное право – 3, финансовое право – 5.

Итого: «троек» — 1, «четвёрок» — 4, «пятёрок» — 5.

В период обучения Я. Акпаева (1898-1903 годы) на юридическом факультете преподавала плеяда блестящих специалистов-правоведов, профессоров:

Гримм Давид Давидович (1864—1941), специалист по римскому праву, декан юридического факультета; Кауфман Александр Аркадьевич (1864—1919), статистик, экономист, исследователь проблем колонизации и переселения; Ефимов Василий Владимирович (1857—1902), доктор гражданского права, декан юридического факультета; Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919), доктор политической экономии; Сергеевский Николай Дмитриевич (1849—1908), доктор уголовного права, специалист по русскому уголовному праву; Ведров Сергей Владимирович (1855—1909), профессор кафедры полицейского права, секретарь юридического факультета; Петражицкий Лев Иосифович (1867—1931), доктор римского права, декан юридического факультета, возглавлял кафедру энциклопедии и философии права.

Выше говорилось, что Я. Акпаев в Санкт-Петербурге часто и длительно болел, пропуская занятия. 10 февраля 1899 года он направил прошение ректору:

Ввиду расстроившегося здоровья покорнейше прошу позволить мне держать экзамены по энциклопедии права и политэкономии для зачёта или отложить экзамены до осени.

3 марта 1899 года декан юридического факультета подаёт предложение ректору:

... Ввиду исключительных обстоятельств перевести Акпаева на III семестр с обязательством сдать экзамены в будущем...

Ректор удовлетворяет просьбу. Осенью экзаменационная история возобновилась, дошла до Министерства народного просвещения, которое 27 августа 1899 года разрешило оставить студента Я. Акпаева на повторный курс с сохранением стипендии. Впоследствии Я. Акпаеву удалось сдать все задолженности.

19 декабря 1900 года Я. Акпаев извещает господина инспектора, что в юридическую исполнительную комиссию им будет представлен дипломный проект «Брачное право киргизов» (листы 39, 40). Защита намечена на апрель 1902 года. Акпаев 2 апреля 1902 года получил необходимое свидетельство о благонадёжности при личном поведении.

И вот тут среди документов личного дела возникает неожиданный документ. Якуп Акпаев 4 апреля 1902 года просит ректора о следующем (лист 67):

Слабое моё здоровье не позволяет мне держать государственный экзамен, поэтому я принуждён отказаться подвергнуться испытаниям в Государственной комиссии в нынешнем 1902 году. Для серьёзной подготовки и теоретически-научной ориентации мне необходимо остаться ещё на 1 год по юридическому факультету.

Прошу позволить мне остаться ещё на 1 год в Университете с зачислением в число студентов.

Якуп Акпаев получал свидетельство на право проживания в Санкт-Петербурге по 15.09.1902 г., а затем – по 20.08.1903 г.

4 августа 1902 года Акпаев составляет новое прошение ректору с просьбой «ещё год пробыть на последнем курсе юридического факультета», в котором почему-то именует себя «бывшим студентом».

Я. Акпаев готовится к государственным испытаниям. 2 марта 1903 года получает удостоверение об отличном поведении. 5 марта 1903 года ректор, декан юридического факультета и инспектор студентов удостоверили, что Я. Акпаев «в противозаконных проявлениях, неуважении к закону и властям не замечен» (листы 80, 81, 82).

Сведений о том, как проходили государственные испытания, нет.

В личном деле осталась копия свидетельства № 828 от апреля 1902 года (лист 66):

Предъявитель сего Якуп Акпаев, магометанского вероисповедания, сын киргиза, родился 25 октября 1876 года, по аттестату зрелости Томской гимназии принят в число студентов Императорского Санкт-Петербургского Университета в сентябре 1898 года и зачислен на юридический факультет, на котором слушал следующие курсы по: Истории Римского права, Догмы Римского права, Истории Русского права, Государственному праву, Церковному праву, Политэкономии, Полицийскому праву, Статистике, Гражданскому праву, Судопроизводству, Торговому праву и Судопроизводству, Уголовному праву и Судопроизводству, Финансовому праву, Международному праву, Энциклопедическому праву, Истории философского права. Участвовал в установленных учебным планом практических занятиях, имеет 8 зачтённых полугодий.

В установлении чего выдано это свидетельство от юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского Университета __ апреля 1902 года за № 828.

Декан юридического факультета, секретарь факультета, секретарь совета.

На документе Акпаев написал «Свидетельство № 828 получил».

Одновременно с обучением на юридическом факультете университета Я. Акпаев посещает занятия и в Археологическом институте, о чём есть данные за 1902 и 1903 годы (листы 51, 52, 53, 73).

В личном деле (листы 83, 84, 85) есть сведения о трудоустройстве Я. Акпаева в Омске. 13 июня 1903 года он пишет ректору Санкт-Петербургского университета:

Желая поступить на службу по судебному ведомству – кандидатом на судебные должности при Омской судебной палате – прошу выслать удостоверение о благонадёжности по адресу: г. Омск, Судебная Палата, А. Турлубаеву для Акпаева.

2 июля 1903 года старший председатель Омской судебной палаты тоже обращается к ректору университета:

Прошу сообщить сведения о благонадёжности Якупа Акпаева, изъявившего желание быть зачисленным младшим кандидатом на судебные должности при Омской судебной палате.

Однако в Омске служебная карьера Жакыпа Акбаева не сложилась. 11 ноября 1905 года газета «Степной край» сообщила, что бывший кандидат на судебные должности при Омской судебной палате Акпаев вышел в отставку и выехал в Степь. «Акпаев нужен киргизскому народу и друзья ценят, чем он пожертвовал».

В выпусках за ноябрь-декабрь 1905 года «Степной край» поместил ряд корреспонденций из Каркаралов. Эти заметки говорят о произволе чиновников, взяточничестве, нуждах простого народа. Корреспонденции подписаны то Якупом Мурзой Акпаевым, то Сэром Кариным.

О появлении странного псевдонима поведал мне А.А. Ермаков. Во время учёбы в Петербурге Жакып заметил некое щегольство среди студентов.



При знакомстве они обязательно представлялись как граф такой, князь такой-то, барон такой-то и т.д. Жакып тут же присвоил себе титул сэра Карина (Смуглого). В столице иронического подвоха никто и не заметил. Но в родном ауле его отец Акпай Жандеркин сразу прекратил это бахвальство:

— Ты не Карин, ты Акпаев!

И для убедительности трижды на листке бумаги начертил арабской вязью «Акпаев, Акпаев, Акпаев». Этот случай скоро стал известен всей Степи...

После возвращения в Каркаралинский уезд Жакып Акбаев полностью посвящает себя общественно-политической деятельности. Скоро он стал известен как организатор Каркаралинского митинга 15 ноября 1905 года. В 1907 году Ж. Акбаев от аула №4 Беркаринской волости избирается выборщиком по избранию члена Государственной думы от Семипалатинской области.

Жакып Акбаев был бескомпромиссным человеком, что стоило ему места на службе. В Каркаралинске в декабре 1906 года при пожаре сгорел его «Аттестат», подтверждавший его службу в Омской судебной палате.

Позже Жакып Акбаев привлекается к суду по статье 286, часть 2, «Уложения о наказаниях 1885 года». Статья говорит об «оскорблении чиновников при исполнении ими обязанностей службы, часовых и военного караула» и предусматривает наказание — «тюрьма до четырёх месяцев или штраф не более ста рублей».

Дело о бывшем кандидате на судебные должности и помощнике присяжного поверенного «Якупе Мурзе Акбаеве» слушалось в г. Каркаралинске на выездной сессии Семипалатинского суда 16 июля 1907 года, 26 января 1908 года, 30 июня 1908 года, 13 и 14 октября 1908 года.

Наступили революционные годы. Вот редкий документ того времени.

Приговор

1917 года, 7 марта, мы, нижеподписавшиеся волостные выборщики по Беркаринской волости Каркаралинского уезда в количестве 26 из общего числа 31, постановили избрать в члены Каркаралинского объединённого комитета общественных организаций и армий Якуп-Мурзу-Акпаева.

Подписи выборных:

1. Махмуд Чингисов (расписался по-арабски).
2. Тойчибек Алтаев (неграмотный, проставил два нолика).
3. Ахмет Салихов (расписался по-арабски).
4. Мусатай Нурмагамбетов (расписался по-арабски).
5. Джусупбек Дингиров (расписался по-арабски).
6. Джакупбек Омаров (расписался по-арабски).
7. Даулетбай Точин (проставил два нолика).
8. Габмазар Разбаев (расписался по-арабски).
9. Майборюк Шантин (расписался по-арабски).
10. Алибай Курбаев (расписался по-арабски).
11. Джетгысбай Жанаев (проставил два нолика).
12. Ибрай Акпаев (расписался по-русски).
13. Юсупбек Боникпаев (расписался по-арабски).
14. Идрис Байсенгиров (проставил два нолика).
15. Омар Ибраев (проставил два нолика).
16. Туткумбай Тайжанов (расписался по-русски).
17. Сабыр Рсалин (проставил два нолика).
18. Амир Байтайлаков (проставил два нолика).
19. Кабек Отебаев (расписался по-арабски).
20. Кантарбай Чимирбаев (расписался по-арабски).
21. Тати Еркебаев (расписался по-русски).

22. Сармантай Малаев (проставил два нолика).
23. Елеусыз Коянбаев (проставил два нолика).
24. Кольбай Комутов (проставил два нолика).
25. Кузембай Жапалаков (проставил два нолика).
26. Ботабай Бокпаев (проставил два нолика).
27. Солтабай Тулюков (расписался по-арабски).
28. Галияс Шагиров (расписался по-арабски).

При составлении приговора присутствовал управитель Беркаринской волости Каркаралинского уезда Ибрай Акпаев.

КОГА, ф.329, оп.1, д.3, л.л.26-27.

16 марта 1917 года в г. Каркаралинске образован Каркаралинский уездный Киргизский комитет во главе с Ж. Акбаевым.

11 июня 1917 года Киргизский комитет отправил с Ботовской ярмарки в адрес Семипалатинского облисполкома телеграмму:

Комитет свидетельствует исключительную преданность новому правительству, как представляющий киргизское население Каркаралинского уезда и берёт на себя ответственность за спокойную жизнь русского населения в городе. Просит отозвать войска обратно для благоспокойствия дорогой родины.

Комитет организовал комиссию по заготовке скота для армии. Она будет работать совместно с представителем «Союзбанка» и агентом Жуковым.

Комитет считает необходимым просить утвердить твёрдые цены на живой скот по Каркаралинскому уезду и другим областям.

Товарищ председателя Бектыбаев.

25 июня в газете «Воля народа» публикуется ещё один призыв к населению:

Граждане киргизы! Помогите общей Родине!

Россия в тяжёлом положении, война идёт до конца. Армии нужен скот. К нам прибыл военный чиновник Жуков. Сообщайте ему или членам волисполкомов свои предложения.

Перевод сделан с обращения Я.М. Акбаева к степнякам на казахском языке. Вторая подпись под обращением секретаря комитета Жакай Баирова.

С 15 по 18 сентября 1917 года в Семипалатинске проходил областной киргизский съезд. Председателем собрания был избран Р. Марсеков, заместителем – Я.М. Акбаев. Рассматривался вопрос создания земских комитетов. Были намечены кандидаты по выборам в Учредительное собрание от казахского населения Семипалатинской области. Первым назван Г.Н. Потанин, однако он отказался телеграфным сообщением. За ним названы А.Н. Букейханов, А.А. Ермаков, Х. Габбасов, М. Бочтаев, Я.М. Акбаев, Р. Марсеков, Сарсенев и А. Козыбагаров.

Осенью 1918 года земская управа приступила к заготовке семенного материала для будущего посева. Запросили в Семипалатинске 2000 аршин мануфактуры и чай, так необходимые при обмене на зерно. Через год земство мечтало занять врача. Пригласили 8 учителей для аульных школ и инструктора по народному образованию.

Засуха нанесла большой урон рекам. Остановились все водяные мельницы на Тоқырау. В городе неожиданно сгорела единственная в уезде паровая мельница. Закрылся базар из-за отсутствия продуктов. Каркаралинцы снаряжали караваны верблюдов в Семипалатинск за мукой, которую выменивали на шерсть и кожи.

Пропускаю многие известные факты из жизни Ж. Акбаева. Хотя далее можно было бы протянуть ниточку к одному из его сподвижников Жакаю Баирову.

4. Мухтар Ауэзов: через Каркаралы к невиским берегам

Мухтара Омархановича Ауэзова считаю первым писателем, который ввёл Каркаралы в летопись казахстанской славы через своё великолепное творение «Путь



Абая». Ауэзов не только приезжал в эти места, о чём я писал в очерке о Сапаргали Бегалине. Он знал многих сподвижников, связанных с городом, что был столицей древней Сары-Арки. Среди них Алихан Букейханов, Жумат Шанин, Ахмет Байтурсынов, Шакарим Кудайбердыев, Мухтар Саматов, Мустахим Молдабаев, Алимхан Ермаков, Амре Кашаубаев, Калибек Куанышбаев. И ещё многие блестящие знатоки казахстанской жемчужины.

Собрание бумаг Мухтара Ауэзова огромно и богато. Они наглядно показывают, что он детально изучал систему управления Киргизского края, куда входил Каркаралинский окружной приказ. Одно время приказом управлял старший султан Кунанбай Ускенбаев (1804–1886), отец великого просветителя Абая.

Однако отвлечёмся от этой, бесспорно, важной темы. Уделим внимание далёким неврским берегам, имеющим прямое отношение к биографии Мухтара Омархановича. И, как увидим, здесь он тоже держал Каркаралы в поле своего зрения.

В марте 2005 года я принимал участие в 34-й Международной филологической конференции Санкт-Петербургского государственного университета. Опираясь на архивные источники, выступил с сообщением о годах обучения на берегах Невы талантливого казахского публициста Саттара Ерубаева (1914 – 1937).

При обсуждении учёный секретарь музея истории университета Ю.А. Ендольцев заметил:

— В числе будущих знаменитостей у нас, кроме Саттара Ерубаева, из Казахстана обучался Мухтар Омарханович Ауэзов, впоследствии писатель, учёный, академик. Среди экспонатов университетского музея есть документы из его личного дела. Этого крайне недостаточно. У Ауэзова была в Ленинграде своя жизнь, своё ощущение, о чём малоизвестно...

Так обрела черты давно занимавшая меня тема. Иду теми же коридорами, сижу в тех же классах, где занимался студент Мухтар Ауэзов...

В апреле 1997 года в актовом зале Санкт-Петербургского государственного университета, расположенного в здании филологического и восточного факультетов, открыта памятная доска в честь М.О. Ауэзова (1897—1961). Эскиз выполнил художник А. Вовк. Текст памятной доски гласит:

С 1923 по 1928 год в университете учился
МУХТАР АУЭЗОВ,
выдающийся казахский писатель, академик,
Лауреат Ленинской и Государственных премий.

Краткие биографические сведения о Мухтаре Ауэзове приведены в именном указателе «Знаменитые универсанты: питомцы Санкт-Петербургского – Петроградского – Ленинградского университета», СПб, 2002, с. 17.

О бывшем студенте прославленного вуза сообщается:

Ауэзов Мухтар Омарханович (1897—1961), писатель, драматург, учёный, переводчик на казахский язык, основоположник «абаеведения», автор исследований по истории казахской и киргизской литературы и фольклора. Академик АН Казахской ССР (1946). Окончил факультет языка и материальной культуры (1928).

Писатель Мухтар Омарханович Ауэзов принадлежит к той плеяде первой казахской интеллигенции, что пришла в университет в 1920-е годы.

Родился М.О. Ауэзов в Чингизской волости Семипалатинского уезда. В Семипалатинске прошёл курсы обучения в пятиклассном русском городском училище и учительской семинарии. Начало его литературной деятельности относится к 1917 году. Последовавшие затем коренные изменения общественно-политической ситуации в Киргизском крае (Казахстане) привели М.О. Ауэзова на государственную

службу. В 1919-1921 году М.О. Ауэзов занимал должности заместителя председателя и председателя Семипалатинского губисполкома, работал в аппарате Киргизского (Казахского) Центрального Исполнительного Комитета в Оренбурге. Но всё же победили духовно-творческий настрой и тяга к гуманитарным занятиям. Осенью 1922 года М.О. Ауэзов поступил вольнослушателем в Среднеазиатский государственный университет (САГУ) в Ташкенте.

Постоянное совершенствование образования, светлый романтизм души привели начинающего писателя в Ленинградский государственный университет. С осени 1923 года М.О. Ауэзов – студент славяно-русской секции литературно-лингвистического отделения факультета общественных наук, из части которого впоследствии образовался нынешний филологический факультет. Однако проучился всего семестр, вынужденный по домашним обстоятельствам выехать в Семипалатинск, где жил и работал последующие полтора года.

Киргизский педагогический техникум, где вёл преподавательскую деятельность М.О. Ауэзов, был организован в декабре 1922 года. Студентами стали 92 человека из казахов и татар. Через 3 года число студентов выросло до 267, из них 120 проживали в общежитии. Директором техникума был назначен Абиkey Сатпаев. Кроме своей основной деятельности, он организовал и курсы изучения казахского языка на предприятиях города. На курсах преподавали учителя техникума, в том числе и М.О. Ауэзов. Вёл курсы и Ш.О. Токжигитов, ответственный секретарь газеты «Казак тили».

Мухтар Омарханович Ауэзов был не только литератором, но и вдумчивым краеведом. Организованное в СССР Центральное бюро краеведения (ЦБК) вызвало к жизни и «Общество изучения Киргизского края». В обществе состояли патриоты и ценители национального колорита. Среди них А. Байтурсынов и М. Дулатов (Оренбург), В.Н. Шнитников, Шакирджанов и Митфахов (Алма-Ата), Л.Ф. Семёнов (Акмолинск) и другие. На Второй Всесоюзной конференции краеведения с 9 по 14 декабря 1924 года республику представлял А. Букейханов, избранный в президиум. Семипалатинск на ниве краеведения представляли Б.Г. Герасимов, Н.Я. Коншин, братья Белослюдовы, В.И. Сарычев и другие. Газета «Степная правда» (редактор Леонид Клевенский) охотно размещала на своих полосах информации по краеведению.

19 октября 1924 года М.О. Ауэзов был избран действительным членом Семипалатинского отдела Русского Географического общества одновременно с Ж.Т. Шаниным. Ранее в Географическое общество были приняты другие представители казахской интеллигенции А.А. Ермаков, Ш.А. Айманов, М.Т. Турганбаев, А.З. Сатпаев. 16 ноября 1924 года М.О. Ауэзов и А.А. Ермаков вошли в совет Семипалатинского отдела РГО. Председателем совета был избран Б.Г. Герасимов, заместителем — М.О. Ауэзов.

19 ноября состоялось первое заседание членов совета отдела. М.О. Ауэзов предложил издавать бюллетень отдела на русском и казахском языках. 21 ноября совет наметил мероприятия, посвящённые 20-летию со дня смерти Абая. Программу торжественного вечера разработали М.О. Ауэзов, Х.А. Габбасов и Ж.Т. Шанин.

27 декабря 1924 года почитатели Абая собрались в Центральной библиотеке им. Н.В. Гоголя на Мало-Владимирской улице. Доклад сделал Х.А. Габбасов. 29 декабря в театре им. А.В. Луначарского прошёл литературный вечер на казахском языке в честь Абая. Выступили Х.А. Габбасов и М.О. Ауэзов.

В январе 1925 года на заседании совета отдела РГО заслушали предложение о проведении этнографического вечера под началом М.О. Ауэзова и Ж.Т. Шанина.

Газета «Степная правда» в номере за 10 апреля 1925 года сообщила о создании кружков краеведения на местах. Кружками руководили: в промышленном техникуме Б.Г. Герасимов, в партийной школе Д. Ф. Портнягин, в Киргизском



педагогическом техникуме преподаватель казахской словесности М.О. Ауэзов.

29 марта Б.Г. Герасимов в помещении музея (ул. Областная, 25) прочёл лекцию к 100-летию Каркаралинска, где, кстати, краеведением не занимались. 25 мая отдел принимает решение:

Все попытки завязать связь с Каркаралинском и организовать там краеведческую работу не дали никаких результатов, постановлено письменно обратиться к А. Ермекову, А. Саппаеву, Х. Габбасову, М. Ауэзову с просьбой принять на себя труд по организации краеведческого кружка в Каркаралах...

На заседании совета М.О. Ауэзов был отмечен и 5-го июля 1925 года, а в начале сентября отбыл в Ленинград¹.

В.Н. Ауэзова, супруга писателя, обучавшаяся совместно с ним, вспоминала:

Все благодатные для студентов времена не было никакого учёта посещаемости лекций. Можно было, занимаясь на одном факультете, неделями не встречаться..., каждый слушал те лекции, работал в тех семинарах, которые его интересовали. От студента требовалось лишь своевременно сдавать зачёты по программе курса, я называю это зачётами, а не экзаменами, потому что не было тогда других оценок, кроме «зачтено». В музее экспонируется фотокопия матрикула Мухтара с такими оценками по всем предметам².

Общение М.О. Ауэзова с преподавательским составом вызывает оправданный научный интерес. В это время М.О. Ауэзов напряжённо работает над рассказами, пьесами, исследованиями в области казахской литературы. Достаточно назвать такие произведения, как «Енлик-Кебек», «Байбише-Токал», «Каракоз», «Красавица в трауре», «Лихая година», «Выстрел на перевале», «История казахской литературы». Со стороны профессоров чувствовалось уважительное отношение к таланту М.О. Ауэзова. Студент из Казахстана поддерживал отношения с известными людьми, чьи имена можно обнаружить в различных источниках, посвящённых истории университета. Среди них деканы Н.С. Державин (ректор в 1922-1925 гг.) и Я.К. Пальвад-ре, заместитель декана профессор-филолог Б.Л. Богаевский.

По русской литературе М.О. Ауэзов слушал лекции члена-корреспондента РАН В.В. Сиповского. Профессор, в свою очередь, расспрашивал студента о степном казахском самородке Абасе, переводившего поэтические произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова на казахский язык. Нередко начатый между ними разговор в стенах университета заканчивался в квартире В.В. Сиповского.

Фонетикой русского языка М.О. Ауэзов занимался у Л.В. Щербы, впоследствии действительного члена АН СССР и АПН РСФСР. Посещал он лекции и другого филолога, тоже будущего академика, С.П. Обнорского. Практические семинары проводил известный пушкинист Ю.Г. Оксман. По романской группе языков занятия вёл профессор, впоследствии академик АН СССР В.Ф. Шишмарев. Советскую германистику преподавал профессор, затем также академик АН СССР В.М. Жирмунский.

По сообщению университетской «Студенческой правды» (1928, 19 апреля) на ямфаке — факультете языковедения и материальной культуры на 28 кафедрах числились 36 профессоров, 23 доцента, 14 ассистентов и 10 лекторов. На факультете готовили педагогов, востоковедов, редакторов, архивистов, краеведов и музееведов.

В это же время «Студенческая правда» (1928, 5, 23 мая) озабочена качеством подготовки молодых специалистов. Вновь назначенный декан Я.К. Пальвад-ре провёл мониторинг студенческой успеваемости. На ямфаке обнаружили 24 задолжника из числа поступивших ещё в 1920–1923 годах. Семерых из них, не сдавших по 10 и более зачётов, исключили. Остальных обязали до 1-го июня рассчитаться со всеми «хвостами» и в течение полутора месяцев защитить диплом.

В числе искренне расположенных к М.О. Ауэзову людей был француз, профессор, прекрасный человек и собеседник Роберт Фредерикович Куллэ. Познакомились



они в Ташкенте в 1922 году, где профессор «занимал кафедру истории западноевропейской литературы в Среднеазиатском университете». Вместе переехали в Ленинград. Р.Ф. Куллэ, до этого получивший образование в университетах Германии и Парижа, чтобы иметь советское образование, стал посещать лекции в университете на историко-филологическом факультете. Одновременно Р.Ф. Куллэ читал лекции на курсах им. Герцена и в институте технической речи, сотрудничал в ряде толстых журналов, газетах³.

М.О. Ауэзов и Р.Ф. Куллэ связывало общее уважение к традициям материальной культуры народов Востока. Свидетельством является появление в 1926 году в «Красной газете» цикла этнографических очерков Р.Ф. Куллэ «В степях Киргизии»⁴. События разворачиваются в Семипалатинской степи и на реке Иртыш – в родных местах М.О. Ауэзова. Совместное путешествие друзей из Ленинграда в Казахстан, к сожалению, пока подтверждается только косвенно.

Свободное посещение занятий позволяло М.О. Ауэзову нередко бывать на лекциях на восточном факультете, где блистали академики В.В. Бартольд и А.Н. Самойлович. Вокруг М.О. Ауэзова образовалась студенческая казахская диаспора. В неё входили студенты университета А. Маргулан, И. Тажиев, Т. Тельжанов, М. Хабибуллин, О. Айтбакин из сельхозинститута. Соотечественников навещали посланцы родной стороны, в том числе К. Сатпаев и С. Муканов.

В 2002 году в Санкт-Петербурге издана книга Т.М. Смирновой «Национальность — питерские». Рассмотрена жизнь национальных меньшинств города. В 1928 году был открыт Дом просвещения народов Востока. Казахской секцией руководил Абдулхаиров. Работали кружки – литературный и песни и пляски. Крайне полезным знать список членов Казахской секции, где, возможно, откроется и имя М.О. Ауэзова.

Почти все названные имена составляли элитный круг казахской творческой интеллигенции. Примечательно, что их полезные деяния проявились на благо Казахской республики уже в период ленинградского студенчества. Видные учёные университета готовились в экспедиции для многостороннего изучения Казахстана. Первые сведения, характеризующие места обследования, они получали уже в Ленинграде непосредственно от студентов-казахов, которые нередко подкрепляли свои сообщения и сопроводительными письмами к землякам. В 1927 году в составе Казахстанской экспедиции АН СССР был организован специальный отряд по обследованию животноводства. Руководство отрядом было возложено на заведующего бюро по генетике ЛГУ профессора Ю.А. Филипченко. Задачей генетиков были оценка животноводческих ресурсов и разработка основ их селекции. Случайность или нет, маршрут специального отряда пролегал по Каркаралинскому уезду — по родным местам М.О. Ауэзова. Он же составил на казахском языке и сопроводительное письмо своим многочисленным родственникам.

*Братья Ике, Бугыш, Хамза, Садвокас, Жумжума, Смагул, Какен,
Олмескул, Токар, Омиртай, Кулке, Бекдебай!*

Эти люди – специалисты, знатоки из ленинградской кладези знаний, выехавшие в казахские степи по просьбе казахского правительства для определения породистости скота, для изучения конституции и экстерьера животных. Их дела, путём науки, будут посвящены только в пользу казахской бедноты.

Эти люди не ищут какой-либо выгоды для себя. Поэтому народ не должен скрывать хорошие породы скота, а показывать им. Они очень желают, чтобы население с доверием отнеслось к их работе и по возможности оказывало им посильную помощь.

В связи с этим они и обратились ко мне как сыну тобыктынцев, чтобы я написал это письмо знающим и понимающим людям, чтобы вы вошли в их положение.

Я надеюсь, вы не откажете им в помощи.

С просьбой, ваш младший брат Мухтар Ауэзов⁵.



Кто же эти люди, о которых так заботится студент-филолог? Его доброжелательные оценки профессионализма учёных относятся к зачинателям советской генетики Ф.Г. Добржанскому, Н.Н. Медведеву, Н.Н. Колеснику, Б.П. Войтяцкому, Ю.Я. Керкису и Я.Я. Лусису. Янис Янович Лусис сохранил сопроводительное письмо и в 1977 году передал его в литературно-мемориальный музей М.О. Ауэзова в Алма-Ате⁶.

В своё время, в 1991 году, я узнал, что в Киеве жил один из участников маршрута Николай Никитич Колесник, 1904 г.р. Нашёл его адрес и обратился с просьбой прояснить детали далёких дней 1927 года. Ответ был немногословен:

Собственно, всё, что я могу Вам сказать, изложено в статье «Работа животноводческого отряда Казахстанской экспедиции», опубликованной в сборнике «Домашние животные Семипалатинской губернии». Относительно переводчиков по Каркаралинскому району больше того, что написано в статье, сказать не могу. Всё это было более 60-ти лет назад. Последующие события всё вытеснили. Фотографий 1927 года у себя не нашёл. Всё исчезло...

Так и не удалось мне тогда повернуть ход мыслей последнего из живых свидетелей истории в сторону Мухтара Ауэзова и его родичей. Тем не менее, возможно, что М.О. Ауэзов был автором ещё ряда подобных записок.

В этой связи обращает на себя внимание другая академическая экспедиция. В 1927 году этнографию казахов изучал этнологический подотряд под руководством Ф.А. Фиельструпа. Учёные прошли маршрут от Павлодара через горы Чингистау (родные места М.О. Ауэзова) до Сергиополя. Сохранилась запись беседы Ф.А. Фиельструпа с ярким поэтом и мыслителем Шакаримом Кудайбердыевым (1858 – 1931). Земляк Мухтара Ауэзова безупречно знал историю тюрков, киргизов, казахов, был автором ряда книг, в том числе «Летописи истории тюрков, киргиз, казахов и их ханств», изданной в Оренбурге в 1911 году.

В Ленинграде М.О. Ауэзов оставался признанным краеведом Казахстана. Был делегирован от республики на Третью Всероссийскую конференцию по краеведению. Она состоялась 11-14 декабря 1927 года в Московском государственном университете. Другие участники-казахстанцы – Л.П. Тризна, Н.Н. Мицкевич, М. Молдыбаев и М. Тынышбаев. Тынышбаев — инженер-железнодорожник из казахов, депутат 2-й Государственной думы и строитель Турксиба. Я держал в руках его письмо от 22 декабря 1916 года (РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1551).

Предпринятая впервые попытка осветить деятельность М.О. Ауэзова в Ленинградском университете не привела к значительным открытиям. И всё же кое-что прояснилось, а в определённых местах наметились и новые пути исследовательского поиска.

Примечания.

1. Кашляк В.Н. Семипалатинск. Три века истории. Новосибирск, 2002, с. 184-190.

2. М. Ауэзов в воспоминаниях современников, Алма-Ата, 1997, с. 372-373.

3. ОР РНБ, ф. 103, д. 86, л. 1.

4. «Красная газета» (вечерний выпуск), 1926, 3, 6, 7, 11, 14 сентября.

5. Зулхаров Г. История одного письма. «Простор», 1991, №5, с. 161-162.

6. Я.Я. Лусис. Жизнь и научная деятельность. Рига, издательство «Зинатне» АН Латвийской ССР, 1985, с. 36.

г. Санкт-Петербург.

Николай ТИХОНОВ

Сказка о короле и министре

В одном царстве, в одном государстве жил да был царь. И было у него много министров и разных чиновников. Вся страна как муравейник днём и ночью работала на бюрократию. Какой бы он был великий царь, если бы у него было мало министров. Все они крутые, богатые, к тому же законопослушные. Если царь сказал не воровать деньги из бюджета, то министры действительно их не крали. Они просто брали безвозвратно, сколько хотели, и расходовали на свои потребности, и не только для этого, а просто так – для приумножения их количества в иностранных банках, на всякий случай, соревнуясь между собой, у кого больше сумма. Один из них приобрёл прогулочный эсминец на Чёрном море, другой купил самолёт «Боинг-737», третий построил дворцы в тайге, чтобы там охотиться на дичь и развлекаться. Это был глава Министерства пылевой промышленности, его звали Остап Потапович, по фамилии Баев. Дела в отрасли шли хорошо, пыли выпускали много, да и сам министр неплохо пускал пыль в глаза. Но он изрядно устал от министерской суеты и постановил для себя: «Малость нужно передохнуть».

В очередном отпуске Остап Потапович задумал побывать не в тайге на охоте, а на Канарских островах. Без служебной свиты и даже без семьи. На курорте ему очень понравилось, и пожалел, что для покупки части побережья с гостиницами у него чуточку не хватает финансов. Жил он в отеле на берегу тёплого моря, в номере по высшему разряду. Было всё, даже живая вода. И сосед в смежном номере оказался интересным и разговорчивым. Это, как он представился, король из одной азиатской страны – по имени Сулейман ибн Усам. Статный, богатый, любитель охоты на диких животных. Они вместе ходили на все трапезы и курортные развлечения, загорали на море, прогуливались по берегу и болтали про охоту и рыбалку. Так никогда ранее не знавшие друг друга два олигарха, отдыхая вдали от родных мест, крепко подружились.

Подходило время отъезда... На одном из ужинов в присутствии своей свиты Сулейман пригласил министра к себе в королевство поохотиться на антилоп. Распалённый спиртным Остап Потапович сначала согласился, а потом вспомнил, что отпуск кончается, вежливо ответил:

– Уважаемый, Сулейман ибн Усам, меня в министерстве уже давно ждут. Там накопилось много документов, которые нужно подписать, а то без меня все дела станут. Может, лучше вы ко мне поедете в тайгу – на медведей поохотиться.

Король, посоветовавшись со своими сопровождающими, к ужасу господина Баева дал согласие. «У меня там и медведей на сотню километров нет», – подумал министр. Но слово – не воробей. Сказано – сделано. Король, оставив с собой одного телохранителя, отправил свиту домой, мгновенно получил визу и с Остапом Потаповичем полетел в северную страну поохотиться на медведей.

После прилёта в международный аэропорт министр повёз гостя, минуя столичные квартиры, которых у него было аж три, на загородную дачу.



Здесь Сулейман, увидев размах строений и роскошь убранства, с восхищением произнёс:

– Какая прелесть! Ваша дача очень напоминает мою королевскую виллу.

После ужина король сказал хозяину, что блюда пришлись по вкусу, попросил написать рецепты их приготовления.

– Всё было очень вкусно! – повторил три раза азиатский гость.

После дальней дороги спать легли рано. Утром Остап Потапович посетил родное министерство, дал подчинённым ценные указания, затем поехал к царю-батюшке, чтобы отпроситься на неделю, который по такому случаю продлил министру отпуск на полмесяца.

Когда хозяин вернулся на дачу, гость ещё по-королевски нежился в постели.

– Добрый день, король! Пора вставать и готовиться к отправлению на охоту. Мне дали отгулы, – весело отработовал Остап Потапович.

Вертолёт уже был готов к вылету на заимку за сотни километров. Вечером винтокрыл, сделав круг над посадочной площадкой, произвёл посадку среди дремучего леса около сказочных дворцов министра Баева. Когда Сулейман спустился по небольшому трапу на ковровую траву и увидел большое здание великолепной архитектуры среди дивного бора, всплеснул руками:

– О, Бог ты мой, какое очарование! Какая гармония! Ваш дворец очень походит на моё летнее палаццо. Значит, Остап, у нас не только интересы, но и вкусы совпадают.

Почётных гостей радостно встретил немногочисленный обслуживающий персонал, который как по нотам без суеты приступил к своим обязанностям. Прилетевших особ сразу повели по тропинке к водопаду, дабы с дороги умыться и освежиться в прохладном роднике. После этого хозяин дома отлучился, чтобы дать указания и некоторые поручения отдельным подчинённым, особенно егерям.

Вечерело. Солнечный диск уже скользил по верхушкам вековых деревьев. Главный распорядитель попросил высоких гостей зайти внутрь ограды, выполненной трёхметровым кирпичным забором с чугунными украшениями и остроконечными пиками.

– Скоро наступит темнота, в бору находиться будет небезопасно. В этих лесах водится много хищников. Да и ужин вот-вот готов, – сказал он и закрыл за вошедшими персонами тяжёлые железные ворота.

Во внутреннем дворе рукотворного сада щебетали пташки и чуть слышно играла музыка. В середине патио горел костёр, рядом с ним жарились шашлыки. Тут же стоял табльдот, накрытый всевозможными яствами. Здесь же находились несколько беседок разнообразных форм, увитых лианами. На краю двора виднелся водоём с местными водоплавающими птицами.

По команде распорядителя все не спеша сели за стол. После третьей рюмки горячительного напитка гости оживлённо начали вспоминать время, проведённое на Канарских островах. Вдруг в лесу послышался отдалённый волчий вой. Прислуга успокоила господ, что это, мол, волки вышли



на охоту, но через забор они не перелезут. Когда компания отплясывала вокруг костра дикий танец туземцев, в бору разнёсся медвежий рёв. Мгновенно пляс прекратили, и компашка сгрудилась в кучку. Тут малость попутали друг друга, и распорядитель, утомив публику, произнёс:

– Господа, не бойтесь, это медведь ревёт, он, как и волк, неспособен преодолеть нашу ограду. Так что не волнуйтесь и продолжайте веселиться, а завтра утром пойдём на него охотиться.

В течение вечера слышались голоса хищников, но никто из вельмож уже не ойкал, а компания ещё долго гудела.

Утром король продолжал валяться в белоснежной постели, а министр, собрав коллектив, который будет участвовать на охоте, похвалил за вчерашний спектакль с рёвами животных, воспроизведёнными с магнитофона, и провёл инструктаж для предстоящей охоты.

– У нас в лесу хищники не водятся, а гостю я обещал охоту на медведя, поэтому сейчас охотовед обзвонит зоопарки, зверинцы, цирки и узнает, нет ли у кого отбракованного мишки, чтобы купить его, привезти к нам в бор и выпустить здесь. А пока надо срочно устроить три лабаза на деревьях. После обеда егерю Максиму надеть шкуру хозяина тайги, что висит в моём кабинете, взять магнитофон с записями голоса мишки и с мегафоном изображать медведя, находясь на определённом расстоянии.

– А по мне стрелять не будете? – спросил егерь.

– Ты, Максим, на сегодня всех оснасти холостыми патронами. А когда привезут живого топтыгина, тогда выдашь патроны с пулями, – распорядился шеф.

Егерь, выполняя предписания начальника, самолично зарядил карабины «хлопушками», а заряженные пулями патроны закрыл в сейф и ключи носил при себе. «Мало ли что может прийти выпившим боссам в голову», – думал Максим.

На счастье Остапа Потаповича «списанный» в цирке топтыгин «нашёл» за небольшую плату, о чём радиовало доверенное лицо. Сразу же был отправлен вертолёт за медведем. А в первый день, как условились, егерь незаметно для всех нарядился в звериную шкуру и пошёл в дебри изображать мишку. На одном лабазе устроили короля со своим телохранителем, на другом разместился министр с охраной, а на третьем – охотовед. И спектакль начался. Время от времени Максим «ревел» где-то в стороне, а потом подходил к лабазам и показывался в своём меховом одеянии на глаза жаждущим крови охотникам. И тут начиналась канонада выстрелов. Палил в основном Сулейман, стараясь во что бы то ни стало завладеть трофеем. Но вечерело, и косолапый мишка, продолжая щекотать нервы пьяным стрелкам, удалился в заросли. Так продолжение охоты перенесли на другой день.

После обеда следующего дня настоящий медведь был уже привязан в лесу. Вся охотничья команда, заняв места в своих лабазах, ожидала появления зверя. Но когда егерь отвязал его, медведь, проработавший на манеже почти всю свою жизнь, испугавшись лесных условий, неотступно последовал за человеком. Тут началась беспорядочная стрельба. Тогда Максим убежал в чащу, за ним скрылся и Мокша – так в цирке его звали

дрессировщики. Старый и всё понимающий медведь как привязанный ходил за егерем. Так неудачно прошёл второй день охоты.

На третий день кому-то из obsługi пришла в голову идея напоить Мокшу водкой. Тут незаметно для чужих глаз к егерю в лес принесли мяса и пол-литра сорокаградусной. За полчаса до начала охоты Максим дал бутылку медведю, который, как настоящий алкоголик, взял её в лапы, напавил в пасть и, опрокинув, выпил содержимое до дна. Сразу же егерь предложил мяса, от которого Мокша не отказался. В лабазах охотники ожидали появления жертвы. Пока тот жевал, Максим поспешил к лабазу, где находился охотовед. Через некоторое время мишка начал реветь и почеловечески куролесить. Чувствуя запахи людей, он начал бегать от лабаза к лабазу, при этом кувыряться через голову, выделять стойки на передних лапах и делать всё то, чему научился на арене. Когда все цирковые номера иссякли, Мокша вздумал залезть на дерево, на котором в лабазе находились король с телохранителем. То ли не хватило сил, то ли передумал лезть. Он вернулся в центр треугольника, стал на задние лапы и, подняв передние, сильно заревел, как бы произнося: «Ну, стреляйте, олигархи, в старого циркового артиста! Я свою жизнь отжил. В последний раз даю вам возможность насладиться». Но охотники хотели крови и в этом находили наслаждение. Тут из лабаза Сулеймана ибн Усама раздалась серия выстрелов. Медведь недолго пошатался, последний раз посмотрел по сторонам и медленно опустился наземь. Никто из егерьей не посмел стрелять по прирученному животному, даже Остап Потапович дал шанс получения трофея гостю и не выпустил ни одной пули. На этом охота закончилась. Охотники, получив огромное удовольствие, отметили окончание грандиозным застольем.

Тушу освежевали и снятую шкуру сдали на выделку. По готовности шкуры король засобирался домой. Остап Потапович решил сам купить для высокого гостя билет на самолёт и проводить его как полагается, с шиком. Когда министр коснулся вопроса оформления разрешения на вывоз шкуры за границу, то оказалось, что такого короля в этой стране не было и нет. Тогда дотошные работники посольства решили узнать, кто же такой Сулейман ибн Усам Батыр? Обнаружилось, что он член свиты настоящего короля Сулеймана ибн Усама Баки, его однофамилец. В этой стране каждый четвёртый житель носил такую фамилию, только в конце неё могло находиться отличительное имя. Получился конфуз, но делать было нечего. Остап Потапович, проводив мошенника, постарался своим авторитетом сделать всё для того, чтобы этот случай не стал достоянием СМИ и чтобы не узнал царь-батюшка, а службы, которые занимались оформлением отправки афериста на родину, не разгласили тайну. Всё это, разумеется, за отдельную плату. Министры в этом царстве были несказанно богаты.

По истечении некоторого времени Баев, проанализировав это событие с лжекоролём, пришёл к неожиданному выводу, что Сулейман ибн Усам хороший гипнотизёр, прекрасный психолог и неплохой человек, а самое главное – отменный артист. Остап Потапович сильно позавидовал его качествам и хотел быть похожим на него.

г. Новосибирск.

«НИВА»



Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 12.09.2011 г.

Подписано к печати 12.10.2011 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.-изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 5183.

Номер набран и сверстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.